ПИОНЕР 3

МАРТ • 1979 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Здание Президиума Верховного Совета СССР.

ВЛАСТЬ СОВЕТСКАЯ—ВЛАСТЬ НАРОДНАЯ

По-весеннему начинает пригревать солнце. Кое-где уже слышится звонкая капель. Пройдет немного времени — и появятся первые проталины, зацветут тюльпаны и подснежники. Свои первые шаги сделает долгожданная весна.

Четвертого марта — воскресенье, выходной день. Но в этот день ты проснешься раньше обычного. И твои родители, старшие братья и сестры тоже. В этот день улицы оденутся в праздничный наряд. На весеннем ветру затрепещут красные флаги. И ты заранее приготовишь свою парадную форму, повяжешь красный галстук и вместе с родными пойдешь в избирательный участок, где у избирательных урн будет стоять почетный пионерский караул. И ты, если заслужил это высокое и почетное право, тоже встанешь в почетный караул и пионерским салютом будешь встречать избирателей.

4 марта — всенародный праздник — выборы в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик. Вот уже в десятый раз наш народ встречает этот праздник — праздник народовластия. Наше государство — общенародное, правит в нем весь советский народ. Мы избираем народных депутатов — самых заслуженных, самых авторитетных рабочих и колхозников, ученых и инженеров, писателей и художников, врачей и учителей. Народ голосует за них и доверяет управлять государством.

Праздник 4 марта особенный. Это первые выборы в Верховный Совет Союза ССР после того, как была принята новая Конституция нашего государства. В Основном Законе говорится, что советские граждане принимают все более широкое участие в управлении государством и обществом. Больше двух миллионов советских людей — народных депутатов стоят на защите интересов нашего народа. Вот почему ты часто можешь услышать такие слова: «Государство — это мы».

Право выбирать народных депутатов и быть избранным ты, наш читатель, получишь, когда подрастешь, окончишь школу, будешь работать или учиться. Но каждый день уже сегодня ты ощущаешь на себе и своей семье, как заботится обо всех нас наша народная власть.

Каждый день тридцать тысяч человек справляют новоселье, въезжают в новые, благоустроенные квартиры.

В нашей стране бесплатное обучение, бесплатная медицинская помощь.

Твои родители получают бесплатные и льготные путевки в дома отдыха и санатории. Государство оплачивает им отпуск.

В нашей стране на одного ученика тратится в год 180 рублей, а если твои братишка или сестренка ходят в детский сад, то на него государство расходует свыше 450 рублей.

Вот уже более пятидесяти лет в нашей стране постоянной остается плата за квартиры. Каждое лето двадцать два миллиона ребят — целое государство! — отдыхают в пионерских и школьных лагерях, на туристских базах. И все это делает для тебя и твоих товарищей наша народная власть, Советская власть. Все это стало для нас привычным: и новая школа, которая встречает тебя в сентябре, и новый Дворец пионеров, где ты занимаешься в кружке или клубе, и новый детский кинотеатр, где ты смотришь новый фильм, снятый специально для ребят.

А вот иностранцам, приезжающим в нашу страну, многое приходится объяснять и растолковывать. Многим из них непонятно, почему у нас родители не платят за то, что их дети занимаются в хоре или изостудии. Им непонятно, почему на многих заводах и фабриках, во дворцах культуры для ребят бесплатно открыты технические кружки и клубы, научные общества, почему у нас так много пионерских загородных лагерей. В США, например, чтобы отправить ученика на отдых в загородный лагерь, надо заплатить 600—800 долларов. А это большинству семей, особенно негритянских, не по карману. У нас сами ребята зарубежным гостям дают ясный ответ: «Наше государство народное, в нем все делается для человека, для его счастья!»

Сегодня, 4 марта, твои родители, старшие братья и сестры проголосуют за народных депутатов Верховного Совета Союза ССР, проголосуют за грядущий день Советской Родины, за новые успехи нашей с тобой страны — страны великого Ленина.

Рыцари книги

На вопросы корреспондента журнала «Пионер» отвечает первый заместитель председателя Центрального правления Всесоюзного добровольного Общества любителей книги Анатолий Никитович КОСТАКОВ.

Корреспондент. Анатолий Никитович, что такое Общество книголюбов, каковы его задачи?

А. Н. Костаков. Книголюбы существуют с тех пор, как появились книги — с тех давних времен, когда книгой служила глиняная табличка, стена храма, свиток папируса. Издавна книгочеи оставались одиночками.

В нашей стране впервые в мире возникла организация книголюбов — объединение людей, которые не только читают, но и пропагандируют книгу, сохраняют книгу, учатся искусству работать с книгой.

Наше Общество создано всего четыре с половиной года тому назад, но в него вступило уже больше восьми миллионов человек. Среди них — почти четыре миллиона школьников и учащихся ПТУ.

Корреспондент. Мы знаем, что Общество книголюбов много делает для юных читателей, для пионеров и школьников. Расскажите об этом, пожалуйста.

А. Н. Костаков. Человек за долгую жизнь может прочитать четыре-пять тысяч книг. А в нашей стране только для детей ежегодно издается свыше 3 200 названий книг и около 70 газет и журналов. Как выбрать из этого океана книг самую нужную именно тебе? Об этом ребята могут узнать на занятиях клубов юных книголюбов — такие клубы созданы сейчас во многих школах, во Дворцах и Домах пионеров. Здесь ребята знакомятся с основами библиографии, без которой невозможно ориентироваться в беспредельном множестве изданий.

Общество книголюбов вместе с другими организациями проводит декады, месячники и праздники книг, всегда участвует в Неделе детской книги.

Общество книголюбов организует и обмен книг. Обидно, если хорошая книжка стоит на полке и ее никто, кроме владельца, не читал. Книга должна быть «летучей», учил Владимир Ильич Ленин, должна найти как можно больше читателей.

Корреспондент. Юные книголюбы бережно хранят свои удостоверения, гордятся красивыми значками Общества. Каков их вклад в работу Общества?

А. Н. Костаков. Думаю, что ребята делают большое и нужное дело. Прежде всего, они помогают нам пропагандировать и распространять книгу. Очень хорошо это делают сельские школьники — на селе книга особенно нуждается в том, чтобы ее представили, рассказали о ней. Разумеется, им помогают учителя, библиотекари, работники книжной торговли.

В Молдавии сельский клуб «Всезнайка» помогает книжному магазину распространять книги по селам, а летом превращается в агитбригаду.

В Литве, в Игналинском районе клуб юных книголюбов «Эврика» устраивает для ребят встречи с теми, кто в годы гитлеровской оккупации распространял листовки и газеты подпольщиков.

Теперь, когда в школах введено бесплатное распределение учебников, особенно важно продлить жизнь книги. Юные книголюбы по всей стране проводят операцию «Живи, книга!». В школах создаются «книжкины больницы», где ребята ремонтируют книги.

Корреспондент. Что бы вы хотели пожелать юным книголюбам?

А. Н. Костаков. Мы хотим, чтобы как можно больше ребят научились любить и беречь книгу. Книга в нашей стране — это общественное достояние, народное богатство.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
МАРТ 3
Москва 1979 г.
Издательство «Правда»

ОБ ОДНОМ ШКОЛЬНОМ КЛУБЕ, О КОЛЛЕКЦИОНЕРЕ И О ВСТРЕЧЕ В ДОМЕ ПИОНЕРОВ

С. БОГАТЫРЕВА

Идем по «компасу»

Клуб книголюбов появился в московской школе № 257 одновременно с библиотекой. Даже чуть раньше. Под библиотеку отвели один из классов, снесли туда и «книжный фонд» и старые стеллажи, которые надо было ремонтировать.

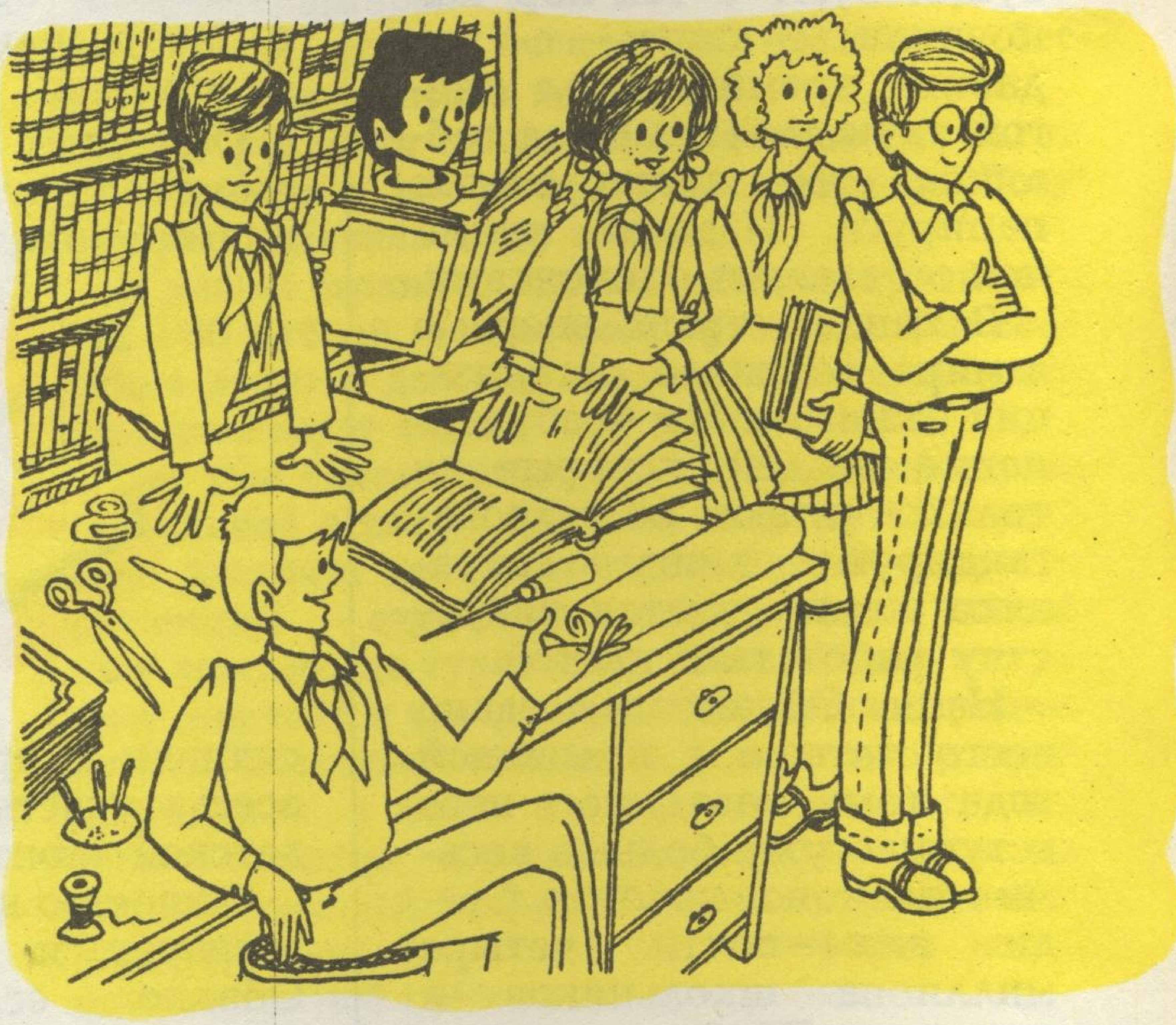
Марина Анатольевна, заведующая новой библиотекой, раньше была в этой школе пионервожатой. По вожатской своей привычке позвала она на помощь пионеров. Те, кто откликнулся, назвали себя «Бригадой скорой помощи» — им предстояло лечить рваные книжки и поломанные стеллажи. Книжками занялись девочки и два паренька из пятого, а за полки взялась «лихая четверка» — были в шестом классе такие молодцы, гроза школы, любители вольной жизни. Они даже на учете в милиции состояли. Но парни были, что называется, «рукастые», учитель труда их хвалил (труд был, кажется, единственным предметом, по которому они успевали). Марина Анатольевна «четверку» в библиотеку позвала, чтобы подольше в школе их задержать — меньше времени останется шастать по улицам. «Лихая четверка» с гвоздями, молотками и рубанком обосновалась в светлой части библиотеки, «книжники» с клеем и кисточками притулились в сумрачном углу у дверей. «Плотники» «книжников» презирали, «книжники» «плотников» побаивались.

Но сколько можно играть в молчанку? День-другой, от силы четыре. Однажды девочка по имени Ната взялась читать вслух рассказы Драгунского: руку она в тот день ушибла на физкультуре, работать не могла, а домой идти не захотела. Если ты нормальный человек, то Драгунского будешь слушать при любых обстоятельствах. «Плотники» молотки отложили, нашли работу потише. Когда по домам расходились, один из них, Андрей Воронов, подошел к Нате и попросил у нее книжку.

Первый раз в жизни человек попросил дать ему книгу!

Героический человек Ната отдала Андрею недочитанную книгу. Тот назавтра вернул, попросил другую. Ната посоветовала «Белеет парус одинокий» — эту прочли все «плотники» и с тех пор без книг домой не уходили.

К тому времени, когда полки были восстановлены и пришла пора расставлять на них подклеенные книжки, «лихая четверка» превратилась в заправских читателей. Появились у них любимые книги — о море и моряках. Начитавшись морских историй, отыскали они в городе «Клуб юных моряков», стали там заниматься. В школе дела понемногу пошли на лад. А пустырь за стройплощадкой, где их когда-то взяла на заметку милиция, как-то забылся: времени не стало туда ходить. Выправились ребята, окончили восемь классов, поступили в ПТУ. Учатся нормально.



Вот и разбери, кто кому был «скорой помощью»: «плотники» библиотеке или библиотека «плотникам»?

Сейчас в клубе «Компас» — так его назвали, чтобы помогал ориентироваться в книжном море, — пятьсот человек. «Бригадой скорой помощи» завладели малыши, второй-третий классы. Они теперь стали грамотные, умеют книги переплетать и других этому учат.

Вот послушай.

Алеша Серов: Берешь картон, полоску дерматина...

Лена Камасова: Марлю, марлю забыл...
Алеша Соболев: Сгибаешь посередине...
Саша Горохов: Прошиваешь...
Нина Бабахова: Толстой ниткой...
Лена Грачева: Марлю клеишь к обложке...
Сережа Потапов: Обложку обклеиваешь сверху обоями...
Леня Клейн: Или мраморной бумагой...
Все вместе: И ПОЛУЧАЕТСЯ КНИГА, КАК НОВАЯ!

Вот они стоят рядком, в твердых красивых обложках — «Бременские музыканты» братьев Гримм, «Айболит» Корнея Чуковского, «Серебряное копытце» П. Бажова... Правда, как новенькие!

— Они почему рассыпались? — объясняют ребята. — Мы их в первом классе очень сильно любили. А теперь пусть первоклассники берут, они как раз читать выучились.

Средние классы — те работают, кто в лекторской группе, кто в группе библиотекарей: помогают выдавать книги, вести формуляры, наводить порядок на полках.

Не думай, что дело это тихое, «девчачье». Вот, смотри: в библиотеку на перемене врывается целый класс, человек тридцать разом. Попробуй обеспечь всех книгами — да за десять минут, да каждому дай самую интересную, да гляди, чтобы мальчишки драку не затеяли. Сережа Потапов, библиотекарь-семиклассник, видит: девочки и ребята поделикатнее в этом вихре теряются, книгу им не дают выбрать спокойно, оттесняют. Придумал Сергей ходить по классам, записывать пожелания. Потом подбирает книги и сам разносит. Спокойнее стало в библиотеке и обид меньше. Семиклассницы хвалятся: «Мы по части книг лучше всех обслужены».

В лекторской группе сначала только с докладами выступали — рассказывали, кто что прочитал. А потом Олег Павлущенко заметил: многие хорошие книжки скучают на полках, почему-то их не берут. Порасспрашивал, оказалось: названия не увлекают, и не нравится ребятам, если на первой странице нет никаких событий. Стал за эти книги заступаться, агитировать: расскажет что-нибудь из середины — самую малость, чтобы не испортить радость от чтения — сразу за ней руки потянутся!

Старше всех в «Компасе» художники — 8-й, 9-й, даже 10-й класс: такую красоту навели в библиотеке — всем охота сюда ходить! А уходить как раз неохота...

Собирать, чтобы делиться

Когда я в первый раз позвонила Владимиру Николаевичу Кирпичкову — было это в выходной день, — мне ответили:

— Владимир Николаевич в ПТУ.

Звоню в другой раз:

— В школу ушел.

Думаете, он учитель? Ничуть не бывало. Рабочий, оператор на Лосиноостровском электродном заводе.

Владимир Николаевич собирает книги о героях войны. Точнее, книги о Героях Советского Союза.

О Героях Советского Союза он знает решительно все. Он изучает газеты прошлых лет и планы будущих изданий. Дома у него собраны не только книги, но и газетные вырезки, фотографии. А главное — бесценная картотека, которая содержит, пожалуй, все, что о каждом из них известно.

— У нас двенадцать с половиной тысяч человек, удостоенных этого звания, — рассказывает Владимир Николаевич. — И каждый достоин памятника, памяти. Доброе слово обо всех, по-

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

чти обо всех написано. Только надо, чтобы побольше людей это слово прочли. «Молодую гвардию», «Повесть о настоящем человеке», поэму «Зоя» все знают. Но не каждому так повезло, что о нем написали Александр Фадеев, Борис Полевой или Маргарита Алигер. Есть много хороших книг поскромнее. В них строго изложены факты — только то, что точно известно, подтверждено документами. Читать их не очень легко, они не каждому нравятся. Надо такую книгу познакомить с ее читателем, помочь им отыскать друг друга.

Эту обязанность Владимир Николаевич Кирпичков по доброй воле взял на себя. Вот почему его в выходной день в школе или в ПТУ скорее застанешь, чем дома. Он не просто книгу ребятам несет — непременно разыщет и приведет кого-нибудь из ее героев или автора, а о том, что стоит за страницами, рассказывает так интересно, что ребята потом на книгу обижаются: там, мол, слишком коротко, просят автора написать подлиннее.

— Собирать стоит только для того, чтобы своими сокровищами поделиться. Если книга стоит у меня на полке и я один ее читаю — она неполной жизнью живет. А если я хорошую книгу познакомлю с хорошими людьми — вот тогда она по-настоящему заживет. И я с нею вместе.

«Из книг Беляевой Анны»

На листке плотной бумаги изображен земной шар с параллелями и меридианами и взмывающая ввысь ракета. Между Землей и ракетой парит раскрытая книга. Внизу написано по-латыни: «Ex libris Беляевой Анны». «Ex libris» означает в переводе «Из книг».

Экслибрисом называют книжный знак — небольшую гравюру, которую можно наклеить на титульный лист книги. На экслибрисе стоит имя владельца, а рисунок непременно говорит о том, что за человек собиратель книг и какая у него библиотека. На экслибрисе Юрия Гагарина изображен космонавт в скафандре, окруженный парящими в невесомости книгами; на экслибрисе Олега Попова — смелый гимнаст, танцующий на канате, которым перевязаны две гигантские стопки книг.

Анне Беляевой такой сложный экслибрис не требуется: нечего еще на нем рисовать. Аня Беляева учится в шестом классе и даже не знает пока, кем станет, когда вырастет. Учится она очень хорошо, книги собирает в помощь школе — научно-популярные, научно-художественные.

— Там все, что в учебнике, только поподробнее, с разными случаями, потому и читать интереснее, — объясняет Аня.

Экслибрис Ани Беляевой я увидала на занятиях Клуба книголюбов Дома пионеров Гагаринского района Москвы. В этот день кружковцы рассказывали, у кого из них какая дома библиотека.

— У нас с мамой библиотека общая, — сказала Оля Дементьева, — у нас с ней интересы совпадают. Нам нравится стихи читать. Шекспира вслух читали — мы его больше всех любим, что я, что мама. А Майн Ридом мама меньше увлекается, я одна его читаю.

— У нас тоже библиотека общая, у меня и у родителей, — рассказал Миша Кангельдиев, семиклассник. — Мне всего нужнее из книг Большая Советская Энциклопедия. Я в ней уже хорошо ориентируюсь. Заглядываю, когда незнакомое слово попадется или когда уроки учу. В Энциклопедии мне что нравится? Там коротко, зато самое главное.

— А у меня библиотека своя, отдельная, — начала Оксана Савина, румяная девочка с толстой косой. — Я собираю книги о животных. Всякие. И серьезные — для научных сведений — и просто интересные. Даже сказки о зверях. А еще есть у меня книги полезные, особенно одна, я по ней смотрю, что и как надо делать. «Мой живой уголок» называется.

— А у тебя, что ли, есть живой уголок? — спросили Оксану.

— Ну, конечно, есть! — обрадовалась Оксана. — Рыбки, кенар, два попугайчика волнистых, хомяк, морская свинка, а щенка мама обещала к лету.

Оксана придумала для своей библиотеки экслибрис: олень и лебедь в красивом орнаменте.

— Неправильный экслибрис, — выступил вдруг не знакомый никому пятиклассник, до тех пор он смирно сидел, молча слушал книголюбов. Все на него уставились.

— Неправильный у тебя экслибрис, — упрямо и хмуро повторил пятиклассник. — Маму твою надо нарисовать. В благодарность, что она такой зоопарк терпит да еще щенка обещает... Я бы лично нарисовал. Если бы мне так повезло.

А если всерьез говорить, то Оксана, Аня, Миша и хмурый пятиклассник так же имеют право называться книголюбами, как и Владимир Николаевич Кирпичков. Они так же серьезно и целеустремленно подбирают книги, так же охотно делятся ими и увлеченно о них рассказывают. Они книжки не просто **собирают**, а **выбирают** — те, которые им **лично** нужны, им **лично** интересны. Библиотеки (вернее сказать, библиотечки) у них маленькие, компактные, умещаются на одной-двух полках. Зато одна на другую не похожа. Собирают их придирчиво и любовно, как выбирают друга. Надолго. Может быть, на всю жизнь.

А есть ли Общество юных книголюбов в твоем городе, в твоем поселке? Что там делают ребята? Помогаешь ли ты им?

Есть ли у тебя своя личная библиотека? Даешь ли ты почитать свои книги?

Расскажи нам об этом.

Журнал «Пионер» объявляет конкурс на лучший отзыв о любимой книге! Награды победителям — книги с автографами ваших любимых писателей.

Анатолий ЛЕОНТЬЕВ

В ШКОЛЬНОМ САДУ

Песня пионерская
Прилетела в сад.
Кто идет работать?
Весь
отряд!

Грабли и лопаты
Замелькали в ряд.
Кто сажает яблони?
Весь
отряд!

Яблони, как школьницы,
В фартуках стоят.
Кто белил известкой их?
Весь
отряд!

Песня пионерская
Покидает сад.
Кто идет усталый,
Кто идет счастливый,
Кто идет веселый?
Весь
отряд!

КОГДА НА УЛИЦЕ ВЕСНА

Оделся,
Умылся
Водой из-под крана.

Дивятся соседи:
«Куда он так рано?
Наверно, и школа
Еще на замке!»

А я уж шагаю
С портфелем в руке.

В весеннее чистое
Утро такое
Хотел бы уйти
Далеко-далеко я.

И видеть, как землю
От зимнего сна
Свистом скворца
Пробуждает весна,

Как речка,
Водою наполнившись талой,
Широкою вдруг
И глубокою стала.

Была по колено
Она посередке,
А нынче по ней
Можно плавать на лодке.

В весеннее ясное
Утро такое
Я в школу шагал
По холмам над рекою,
Спускался в овражки,
Шел полем и рощей...

Конечно, я мог бы
Добраться и проще.
Ведь школа от дома
Совсем недалечко —
Прямо напротив,
Крылечко в крылечко.

СТЕНГАЗЕТА

Целый день сидим над этой
Над отрядной стенгазетой.
Заголовок — хоть куда,
А с заметками — беда!

— Николаев стукнул Светку.
Пишем про него заметку?
Он боксер! — сказал
Сережа.—
Он и нас отлупит тоже.

— Ну тогда статью о Васе:
Он измазал стены в классе.
— Он мой друг,— сказал
Максим,—
В первый раз ему простим.

— Галя с Валей на уроке
Тараторят, как сороки,
И хвастуньи, между прочим.
Может, их мы пропесочим?

— Нет, мне Галя помогала,
А Валя списывать давала.

Третий день сидим над этой
Разнесчастной стенгазетой.

В газете критика важна
И самокритика нужна.
Что ж, себя покритикуем —
Тут ничем мы не рискуем.

Перевел с удмуртского
Вл. ДАНЬКО.

Рисунок А. БОРИСОВА

Владислав КРАПИВИН,

лауреат премии Ленинского комсомола и премии имени А. П. Гайдара журнала «Пионер»

Колыбельная для брата

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА

Женькина мама посмотрела на Кирилла слегка удивленно, однако в ответ на его робкое «здравствуйте» милостиво качнула прической.

— Здравствуй, проходи. Тебя, кажется, Кириллом зовут? Да, я помню. Ты в прошлом году так удачно пел на концерте...

Кирилл затоптался на мягком ковре и зыркнул на Женьку: «Не копайся».

Женька ускользнула в другую комнату, а мама подозрительно глянула вслед. И опять обратилась к Кириллу:

— Проходи и садись. Не стесняйся.

— Мы на минуточку,— пробормотал Кирилл.

— Никаких минуточек,— решительно сказала старшая Черепанова.— Сначала чай... Женя! — Она взглянула на вернувшуюся дочь.— Почему только на минуточку? У тебя распорядок, и ты дала мне слово...

— У нас общественная работа,— поспешно сказала Женька.— Мы едем к одному мальчику, надо выяснить... одно обстоятельство...

Женькина мама снова покачала высокой бронзовой прической — на этот раз недовольно.

— Ох, эта работа... Я уже говорила Еве Петровне: нельзя иметь столько нагрузок. Если бы Женечка не была третий год председателем, я давно перевела бы ее в английскую спецшколу. Но куда денешься, если говорят про долг перед коллективом!

Женька слегка покраснела и умоляюще посмотрела на Кирилла. Она-то сразу поняла, сколько теперь у Кирилла возможностей позлословить. Кирилл великодушно отвел глаза.

Женькина мама заявила, что никакая работа не пострадает, если дети выпьют чаю. И потребовала, чтобы Кирилл вымыл руки и сел к столу. Руки он вымыл очень торопливо, а за стол сел с облегчением: можно было спрятать под скатерть пыльные ступни и черные от угольной крошки колени.

Вишневая скатерть была с тяжелой бахромой. Бахрома щекотала ноги, и Кирилл старался не двигаться, пока Женькина мама расставляла чашки. Он лишь незаметно оглядывал комнату.

Бахрома была не только у скатерти. Она почему-то везде виднелась: у ковра над диваном, на малиновых портьерах, на темно-розовом платке, наброшенном на торшер. Даже на рукавах и подоле халата Женькиной мамы. Халат был черно-красный с восточным узором.

Женькина мама принесла чайники, варенье и вафли. И началось мучение. Надо было глотать чай, интеллигентно орудовать тонкой ложечкой и терпеливо отвечать на вопросы.

Первый вопрос был, где работает папа.

«Могла бы и помнить, если ты член родительского комитета»,— подумал Кирилл и вежливо сообщил, что папа работал на «Сельмаше» в сборочном цехе, а недавно перешел на другую должность. Куда и кем, не стал уточнять.

— А мама?

— Мама — портниха. Бригадир... Сейчас пока не работает: у меня брат маленький.

— И ты, наверное, помогаешь маме?

— Помогаю,— со старательно-скромной улыбкой ответил Кирилл и мысленно проклял всех Черепановых до седьмого колена.

Женькина мама благосклонно улыбнулась. У нее было красивое лицо, но что-то в нем казалось ненастоящим.

Кирилл видел Женькину маму и раньше, но это бывало в классе, и там, издалека, лицо ее выглядело очень молодым. А сейчас Кирилл вспомнил старинное блюдо, он его любил разглядывать, когда гостил у бабушки в Тюмени. Там на фаянсе были нарисованы синий дворец, олени и лебеди. Издали блюдо как новенькое, а когда подойдешь вплотную, на блестящей поверхности видна сетка мельчайших трещин. Так же и лицо старшей Черепановой: сквозь тонкий крем и подрисовку проглядывали морщинки и утомление. Вернее, даже не утомление, а какое-то недовольство.

— А как у вас в этом году с самодеятельностью?

«Ну что тебе от меня надо?» — тоскливо подумал Кирилл, и в это время в прихожей спасительно затрезвонил телефон. Женькина мама выплыла из комнаты.

Женина мама заявила,
что никакая работа не пострадает,
если дети выпьют чаю.

Женька смотрела понимающе и виновато.

— Давай сматываться, — полушепотом потребовал Кирилл. — Узнала адрес?

— Северная улица, дом шесть. Номера квартиры нет почему-то.

— Какие на Северной квартиры! Там домишки... Пошли.

— Нельзя, пока мама не отпустит.

— Чтоб вас...

От огорчения Кирилл до самых пальцев погрузил в варенье вафлю и начал торопливо жевать. Потом еще раз огляделся, увидел большое зеркало, а в зеркале себя.

Да, не похож он был на благовоспитанного гостя. Сбившаяся майка, растрепанные волосы, следы угольной пыли на узком толстогубом лице, облупленная переносица, варенье на подбородке. Черт его дернул сюда прийти...

За дверью слышался приглушенный и, видимо, взволнованный голос старшей Черепановой. Потом звякнула на рычагах трубка, и Женькина мама возникла в комнате. У нее был какой-то замороженный взгляд.

— Странно, — сказала она, глядя мимо Кирилла. — Евгения, что за дикая история у вас в школе? Какой-то кошелек... И Ева Петровна подозревает, что здесь замешан Векшин... Неужели это возможно, Кирилл?

Лучше всего было прыгнуть в седло прямо из окна и потом навсегда забыть об этом доме.

Кирилл не двинулся, только сжал тонкую ложечку так, что она слегка согнулась. Уши у него начали пылать (хорошо, что под волосами не видно). Щекочущая бахрома, обильно украшавшая комнату, вдруг показалась ядовитой, как мохнатая оторочка жгучих медуз, с которыми Кирилл познакомился прошлым летом на Черном море.

— Да что ты, мама! — с отчаянием воскликнула Женька. — Ну, при чем здесь он? Ева Петровна ничего не знает!

— Как ты можешь так говорить про свою учительницу!

— Потому что она не знает! А мы знаем! Мы как раз сейчас должны выяснить!

Кирилл встал.

— Спасибо за чай, — сказал он. — До свидания. Черепанова, я подожду тебя на улице. Если пойдешь...

Уводя из-под окна велосипед, он услышал громкие голоса: отчаянно-слезливый Женькин и деревянно-справедливый ее мамы. Слов было не разобрать, они перепутывались друг с другом. Потом до Кирилла донеслась фраза:

— По крайней мере надень спортивный костюм, чтобы не очень отличаться от своего... босоногого кавалера.

Через минуту из подъезда выскочила Женька в синем тренировочном костюме. Она рывком выволокла за собой девчоночий велосипед. На Кирилла она не смотрела, была красная и с мокрыми глазами.

«А жизнь у нее не сладкая», — вдруг подумал Кирилл. И хмуро спросил:

— Ты ездить-то умеешь?

Женька сердито тряхнула волосами.

— Ты думаешь, я совсем такая... комнатное растение?

— Поехали, — сказал Кирилл.

Глава восьмая

Северная улица лежит за стадионом, недалеко от оврага. Овраг в этом месте неглубокий, берега его пологие. Зимой они исчерчены лыжными трассами, а летом и осенью по склонам вьются среди зелени тропинки. Внизу

журчит речка Туринка, похожая на обычный ручей...

Кирилл и Женька ехали рядом по узкой дороге между оврагом и решетчатым забором стадиона. Было тихо и тепло. Навстречу летели паутинки и семена, похожие на шелковистых пауков.

За решеткой стадиона, как разноцветные бабочки, мелькали майки футболистов. Настоящая коричневая бабочка попалась навстречу, изменила полет и зачем-то погналась за Женькой, но тут же отстала.

«Поздняя, запоздалая», — мельком подумал Кирилл про бабочку. И посмотрел на Женьку. Может быть, бабочка приняла ее голову за цветок? Нет, не похоже.

Женька в эту секунду тоже посмотрела на Кирилла, встретилась с ним глазами и смутилась.

— Ты на мою маму не обижайся, ладно? — попросила она.

— Чего мне обижаться... — холодно сказал Кирилл.

— Понимаешь, она так привыкла: если учительница сказала, никаких не может быть ошибок.

— Ты, по-моему, тоже к этому привыкла, — сказал Кирилл и вильнул колесом, объезжая разбитую бутылку.

— Да нет, ты не думай...

— Я об этом и не думаю, — перебил Кирилл. — Я думаю о Чирке.

— Какой негодяй, верно? — подхватила Женька. — И сидел тихонечко, будто ни при чем!

Кирилл поморщился. Женькина слишком старательная поддержка была неприятна и почему-то его тревожила.

— Подожди радоваться, еще не выяснили. У тебя все быстро: сперва я негодяй, потом Чирок...

— Да я про тебя никогда не говорила!

— Зато думала.

— Да не думала ничуть! Честное пионерское!

— Ну, хоть за это спасибо, — буркнул Кирилл и с недовольством спросил себя: «Зачем я с ней так?»

В это время кончился стадион, потянулись домики с огородами, а потом дорога свернула налево. Это и была улица Северная.

— Дом шесть, — сказала Женька. — Кажется, вон тот, с палисадником... Ой, а там не Чирков?

У калитки возился с большим велосипедом мальчишка в подвернутых джинсах и клетчатой рубашке. Приподняв плечом раму, он прокручивал заднее колесо.

— Точно, Чирок! — обрадовался Кирилл. — Везет нам.

— А что мы сперва ему скажем?

— Видно будет. Поехали скорее.

В это время Чирок поставил велосипед, лихо толкнулся двумя ногами и прыгнул в седло.

«Здорово», — отметил про себя Кирилл. И услыхал грозный Женькин окрик:

— Чирков! А ну стой! Хуже будет!

«Вот дура!» — подумал Кирилл и крикнул:

— С ума сошла! Он же нас обставит на своих колесах!

В том, что Чирок ударится в бега, Кирилл почему-то ни капельки не сомневался. И точно: Чирок оглянулся, наклонился к рулю и налег на педали. Сразу взял скорость.

— Подожди! — безнадежно крикнул Кирилл.

Чирок свернул на дорожку между огородами.

— Жмем, — сказал Кирилл и мельком посмотрел на Женьку.

Женька не отставала. В ней, видно, разгорелся ковбойский азарт погони. С прикушенной нижней губой, с прищуренными глазами, она была похожа на решительного красивого мальчишку.

«Молодец», — успел сказать взглядом Кирилл и опять прицельно глянул на Чирка. Тот мчался метров за тридцать впереди. Видимо, у него была хорошая машина. Другой, побольше Чирка, пожалуй, ушел бы от погони, но маленький Чирок с трудом доставал педали, елозил на седле и полной скорости выжать не мог.

Однако и так летели они все трое, будто на гонках. Росший вдоль плетней репейник хлестко лупил по ногам и колесам, спицы отзывались звенящим треском.

Кирилл больше не кричал. Ясно было, что Чирок здорово напуган и не остановится, пока есть силы. Он вырвался на лужайку и с резким креном повернул направо. Кирилл и Женька тоже повернули — так лихо, что занесло задние колеса.

Переулок вел к оврагу. Чирок, не сбавляя скорости, несся к откосу. «Значит, есть спуск, — подумал Кирилл. — В тупик ты бы не поехал... Ладно, видали мы и спуски на откосах. Не уйдешь, красавчик...»

На самом краю берега Чирок сделал рывок влево и скрылся из глаз. Но не сразу, а плавно. Значит, съехал. И в самом деле: по зеленому склону наискосок тянулась к ручью тропинка. Чирок мчался по ней без тормозов. Что ни говори, а ездил он отлично.

Кирилл кинулся следом и услышал, что Женька не отстает. Лишь бы не грохнулась! Оглянуться Кирилл не мог, но каждый миг боялся услышать сзади дребезжащий звон падения. Нет, Женька держалась. И они мчались так, что летящая навстречу трава сливалась в зеленые полосы.

Это было похоже на кино про погоню.

Чирок съехал и без остановки проскочил узкий, в две доски, мостик через Туринку. За мостиком тропинка поворачивала вправо, вдоль ручья.

Кирилл пустился на риск. Он не знал, какая здесь глубина, какое дно, и все же рванул направо руль и по склону ринулся к воде напрямик.

Кирилл бросил велосипед поперек тропинки в нескольких шагах от подлетевшего Чирка.

Велосипед врезался в воду — она крыльями разлетелась из-под колес, потом забурлила у колен, дошла почти до рамы... Разгон был сильный. «Скиф» хотя и потерял скорость, но пересек почти всю Туринку. Лишь в метре от берега переднее колесо увязло, и Кирилл соскочил. Он выволок велосипед на сушу и бросил поперек тропинки в нескольких шагах от подлетевшего Чирка. Тот отчаянно затормозил. Следом за ним примчалась Женька, которая удачно проскочила мостик.

— Приехали? — спросила Женька у Чирка. — Или еще погоняемся?

Чирок быстро оглянулся на нее. Потом посмотрел на Кирилла. Зло и безнадежно. Он часто мигал, и длинные белые ресницы его растерянно метались.

— Ну, чего надо? — сказал он сердито. Но в этой сердитости звенела слезинка. Он понимал уже, «чего надо», Кирилл это видел.

Женька положила велосипед, обошла Чирка и встала рядом с Кириллом. Чирок коротко глянул назад: свободна ли дорога?

— Не надо, Чирок, — сказал Кирилл спокойно и даже устало. Он так запыхался, что злости уже не чувствовал. — Куда ты убежишь? За границу, что ли?

Тогда Чирок выпустил руль, скрестил руки, взял себя за острые плечи. Оттолкнул боком велосипед. Старенький «ПВЗ» со звоном опрокинулся. Теперь в траве лежали все три велосипеда. У «ПВЗ» тихо крутилось переднее колесо, и лучистый зайчик прыгал по спицам.

Чирок стоял прямо, глаз не опускал, только пальцы, охватившие плечи, слегка шевелились, словно нажимали кнопки.

— А ну, говори, где кошелек, — велела Женька.

«Сейчас спросит: «Какой кошелек?» — подумал Кирилл. И Чирок, правда, хотел что-то спросить. Даже рот приоткрыл. Но вдруг сжал губы, а его светлые ресницы как бы ощетинились. Он бросил негромко, но резко:

— Докажите.

— Докажем, — сказал Кирилл.

— Как?

— Сходим к студентке, спросим, какие деньги были в кошельке. Олимпийские рубли не так уж часто встречаются. Она его наверняка запомнила.

У Чирка дрогнул острый подбородок.

— Какие рубли?

— Не рубли, а рубль! Который ты этому хулигану отдал! Дыбе! — крикнула Женька. — Чего еще отпираешься? Ну давай, давай скажи, что это не тот рубль, что он твой был.

— Мой! — отчаянно сказал Чирок.

— А у меня двадцарик просил для буфета, — сказал Кирилл.

Чирок слегка усмехнулся:

— Ну просил. Если бы я рубль разменял, как бы я его Дыбе отдал?

«Вывернулся», — подумал Кирилл. И спросил:

— А где ты его взял?

Петька Чирков.

Чирок опять замигал.

— Думай, думай скорее, — ехидно поднажала Женька. — Скажи, что он у тебя давно. Жалко было тратить такой красивый, блестящий...

— Ну и что? Ну и...

— Ну и врешь, — перебил Кирилл. — Ты бы давно его Дыбе отдал. Ты его боишься.

Чирок вдруг посмотрел на него прямо и грустно. И тихо спросил:

— А ты не боишься?

Кирилл слегка растерялся. Он не задумывался, боится ли Дыбы. Сталкиваться как врагам им не приходилось. Но в общем-то Кирилл понимал, что зря дразнить Дыбу не стоит. Если приходилось разговаривать, как сегодня, например, то Кирилл держался без почтительности, но и без нахальства: палку не перегибал. Значит, если честно говорить, побаивался.

Но тут Кирилл разозлился. На себя и на Чирка.

— Я перед тобой, Чирок, хвастаться храбростью не буду. Мало ли чего я боюсь. Я из-за этого подлостей не делал и перед всякими гадами не унижался.

Его перебила Женька:

— Разговор не про Векшина, а про тебя, Чирков. Вопрос: откуда рубль? Может, ты его после уроков на улице нашел? Не успел бы: тебя Дыба у самой школы ждал. Придумывай поумнее.

— А чего придумывать? Мать дала.

— Для Дыбы дала, а на буфет пожалела...— сказал Кирилл.

— Она же не знала, что для Дыбы. Она и думала, что на буфет.

— Глупо, Чирков,— сказала Женька.— Сейчас пойдем и спросим у матери. Пойдем?

— Пойдем,— хмуро ответил Чирков, но не сдвинулся с места.

— Ну, так пойдем,— повторила Женька.— Бери велосипед.

— Отстань,— сказал Чирок и отвернулся. Они помолчали.

— Сдавайся, Петенька,— сказал Кирилл.

Чирок опустил голову, но Кирилл успел заметить на его щеке злую слезинку. Потом Чирок мотнул головой — так сильно, что слезинка сорвалась и сверкнула на лету искоркой. Он исподлобья глянул на Кирилла, потом тяжело поднял велосипед.

— Ладно, пошли. Чего стоите?

— Куда?— слегка растерялся Кирилл.

Чирок криво усмехнулся:

— Куда... Я не знаю. В школу или в милицию.

— Значит, признаешься?— со сдержанным торжеством спросила Женька.

— Если не признáюсь, вы же к матери пойдете...

— Конечно,— сказала Женька и посмотрела на Кирилла. Спросила взглядом: «Здорово мы его раскусили?»

Кирилл отвел глаза и сердито сказал:

— В школу...

Они пошли гуськом: впереди Чирок, потом Кирилл, а за ними Женька. Чирок не оглядывался. Кирилл видел его стриженый белобрысый затылок, тонкую шею с родинкой, похожей на коричневую горошину, острые, не очень чистые локти, худую спину под старенькой, выгоревшей рубашкой в коричневую и зеленую клетку...

Все трое молчали и шли вдоль ручья к старинному чугунному мостику, построенному через Туринку еще в прошлом веке. От него поднималась лестница, которая выводила на улицу Грибоедова. А в конце той улицы — новые кварталы и школа.

Кирилл вдруг подумал, что Петька Чирок, наверно, считает в уме, сколько кварталов осталось ему до встречи с директоршей, до мучительного разговора, до позора.

Был раньше просто Петька Чирков, Чирок. Незаметный, никому в классе не интересный, но все-таки обыкновенный мальчишка. Одноклассник. И можно было вести себя с ним как с одноклассником. А сейчас все сделалось странным каким-то, ненастоящим. Петька был преступник, а Кирилл с Женькой — его конвоиры. И даже удивительно было, что кругом все по-прежнему: зеленеет обыкновенная трава, катится к вечеру теплое солнце, бормочет речка...

Кирилл тряхнул головой. Что сделано, то сделано. Он, Кирилл, ни в чем не виноват.

— А где кошелек?— спросил он у Петькиной спины.

Чирок сбил шаг и через секунду ответил:

— Выбросил...

— Зачем?— удивилась Женька.

— А зачем он мне?— сказал Чирок, не оборачиваясь.

— А деньги?— спросил Кирилл.

Чирок пошел медленнее.

— Я с деньгами выбросил,— сказал он.

— Совсем заврался!— возмутилась Женька.

— Подожди ты,— с досадой оборвал ее Кирилл, а Чирку сказал: — Ну-ка, стой...

Он догнал Петьку, и они остановились рядом.

— Врешь или взаправду выбросил? — спросил Кирилл.

Чирок вскинул на него мокрые синие глаза.

— Зачем мне врать... если все равно признался?

— А почему выкинул?— почти крикнул Кирилл.

— Потому что... мне они для чего? Мне только рубль надо было. Я кошелек хотел обратно положить, когда рубль взял, а за дверью затопали... Ну, я сунул под рубашку и вышел потихоньку. Думал, потом положу. А тут вы прибежали, и началось...

— Куда бросил-то?— вмешалась Женька.— Может быть, найти можно?

Чирок махнул рукой.

— Вон там, с моста. В водоворот.

Кирилл свистнул. Под мостом было самое бурливое и глубокое место, с камнями и ямами.

— Дурак ты, Чирков, честное слово! — растерянно сказала Женька.— Кругом дурак... Чего ты с этим Дыбой связался?

— Я, что ли, нарочно связывался?

— А как это вышло?— спросил Кирилл.

— Теперь не все ли равно?

— Нет, не все равно,— сказал Кирилл.

— Ну, я шел, а они в подъезде стояли. Говорят: иди сюда, не бойся, что-то интересное покажем. Я не хотел, а с ними Кочнев из седьмого «А». Тоже говорит: не бойся. Ну, я подошел, а там еще какой-то парень. Тюля его зовут. Дыба говорит: «Спорим, что Тюля бритву сжует». Я ничего даже не ответил, а этот Тюля в рот лезвие бритвочки сунул и давай жевать. На мелкие кусочки. Потом выплюнул. А Дыба мне говорит: «Гони рубль, раз проспорил». Я говорю, что даже и не спорил, а они прижали в угол... А рубля у меня все равно нет. Дыба говорит: «Потом принесешь...» Ну и с тех пор все меня ловит...

— Неужели из-за этого воровать надо! — возмущенно сказала Женька.— Уж рубль-то мог бы где-нибудь достать, если хотел расплатиться.

— А он сколько уже этих рублей с меня стряхнул! Говорит: плати проценты, раз вовремя не отдал.

Мужчина схватил с валуна кинокамеру и, не подворачивая брюк, прыгнул в воду.

— И ты каждый раз отдавал? — поморщившись, спросил Кирилл.

Чирок тихо проговорил:

— А ты бы не отдал? Они, знаешь, как издеваются... Затащат за гаражи, рот зажмут... — Он посмотрел на Женьку и опустил глаза. Шепотом сказал Кириллу: — При ней даже рассказывать нельзя. А если бьют, потом даже синяков нет. Ничего не докажешь.

— А почему никому не сказал? — спросил Кирилл.

— Кому?

— Ну... дома.

— А дома кто? Мать да бабка. Драться они, что ли, с Дыбой пойдут? Матери вообще нервничать нельзя...

— Как всегда, — себе под нос проворчала Женька. — «Маме нельзя расстраиваться, у нее больное сердце...» А о чем думал, когда в карман лез?

— Думал, что не поймают! — зло сказал Чирок. — Ну пошли, чего стоим.

— Подожди, — попросил Кирилл. Зачем надо подождать, он сам не знал. Мысли перепутались. И вырастала едкая досада на самого себя. Как он сказал: «Сдавайся, Петенька». Со скрытым торжеством и снисходительностью. Подумаешь, Шерлок Холмс какой, отыскал опасного бандита! Этот несчастный Чирок даже выкручиваться не умеет. Другой мог бы наплести кучу историй и отпереться намертво. Разве олимпийский рубль — доказательство?

— Одного я не пойму, — вдруг заговорила Женька. — Стащить кошелек — это... это... ну, это ясно что. А зачем потом в воду кидать? Просто ненормальность какая-то.

— Походи с краденым кошельком за пазухой — поймешь, — сумрачно сказал Чирок.

Кирилл не знал, поняла ли Женька, а он понял, как жег Чирка спрятанный под майку кошелек. Как Чирку казалось, что все провожают его подозрительными взглядами. Как хотелось поскорее исчезнуть из школы и навсегда избавиться от своего страха. Чтобы казалось, будто ничего не было! Концы в воду!

— Говорил, маму нельзя расстраивать, а сам еще прибавил расстройства, — назидательно сказала Женька. — Ей теперь расплачиваться придется.

— Сам расплачусь, — неожиданно ответил Чирок.

— Как это? — удивилась она.

— Велосипед продам. У меня его давно просят. Как раз за сорок рублей.

— А в кошельке сорок было? — спросил Кирилл.

— Наверно. Я же не смотрел, рубль взял — и все. Ева говорила, сорок. Стипендия...

— Ты думаешь, за твой велосипед сорок рублей дадут? — с сомнением спросила Женька.

Чирок кивнул:

— Дадут. Он с виду потрепанный, а ход знаешь какой!

«Знаем,— подумал Кирилл.— Едва догнали». И вдруг почувствовал, что все опять не так. Странно. Но уже по-другому странно: ведь Чирок — вор, и они его поймали, но вот идет между ними нормальный разговор. Словно Чирок не с конвоирами разговаривает, а с приятелями делится заботой. А может, с ним раньше вообще никто не разговаривал, как с товарищем?

— Зачем ты от нас убегал?—спросил Кирилл.

Чирок пожал плечами.

— Ну... я почему-то догадался.

— А чего бежать-то? Куда денешься?

— Я просто от дома. Чтобы не при маме...

— Все равно узнает,—с неловкостью сказал Кирилл. Словно он был виноват в бедах, которые скоро обрушатся на Чирка. И он почувствовал благодарность Женьке, когда она спросила:

— А что, у мамы, правда, больное сердце?

Чирок по очереди взглянул на нее и на Кирилла. И стал смотреть на свои стоптанные сандалии.

— Да нет,—проговорил он.—Сердце обыкновенное. Просто ей сейчас нельзя нервничать: она через месяц ребенка ждет.

Со странной смесью жалости, злости и облегчения Кирилл тряхнул плечами, словно сбросил что-то. Твердо глянул на Женьку, предупреждая, чтобы не спорила. Потом сказал Чирку:

— Продай велосипед, а деньги отошли этой студентке. По почте или как хочешь. Как адрес узнать, сам придумай. В общем, это — твое дело.

— Ну... и что? — недоверчиво спросил Чирок.

— Ну и все,— жестко сказал Кирилл. И живи. Никто, кроме нас, ничего не знает и знать не будет.

Тут Кирилл впервые увидел, что означает выражение «просветлело лицо». Ничего на лице Чирка вроде бы не изменилось, и все же оно стало совсем другим. Словно чище и даже красивее. И глаза у него сделались, как у маленького мальчика, которому пообещали чудо.

— И вы по правде... никому?

— Никому. Зачем нам, чтобы ты мучился?—ответил Кирилл.—Ты и так хлебнул. Если совесть есть, сам поймешь.

— Я...—сказал Чирок.—Я... ладно.

— Но дома-то спросят, зачем продал велосипед,— подала здравую мысль Женька.

Чирок торопливо замотал головой.

— Ничего не узнают. Тот парень, который просил продать, далеко живет. А дома скажу, что велосипед угнали. Все время угоняют. У Дыбиных парней сколько угонов на счету... А мама даже рада будет: она боится, что я на велике шею сломаю.

И Чирок первый раз улыбнулся: виновато, нерешительно, с просьбой не лишать его чуда. Но вдруг помрачнел. Сказал Кириллу:

— А тебя опять начнут трясти, будто ты виноват.

— Что?—удивился Кирилл. И проговорил искренне:— Ну вот это меня волнует, как прошлогодний снег.

— Все равно никто не верит,—с удовольствием разъяснила Женька.—И папа его не поверил.— Она увидела удивленное лицо Кирилла и сообщила:—Ты не знаешь, а я слышала, как твой папа с Евой Петровной разговаривал. Он сказал, что это бред.

Кирилл улыбнулся:

— Это у него любимое выражение.

Потом он осторожно взял Чирка за острый локоть, подержал.

— Ладно, Петька, живи спокойно,—сказал Кирилл. Он это без насмешки сказал, и Чирок поднял на него тревожные еще, но уже благодарные глаза.

— Живи спокойно,—повторил Кирилл и подумал: «Если сможешь».

— Мы никому не скажем, мы обещаем. А ты делай все сам. С деньгами и вообще. Ну, ты же понимаешь...

— Я сделаю,—шепотом сказал Чирок и глаз не опустил.— Честное слово!

Потом он заморгал и отвернулся, и Кирилл его пощадил, не стал смотреть. Ведь у Чирка не было зеленого павиана Джимми.

— Поехали!—сказал Кирилл Женьке и с ходу взял скорость, чтобы проскочить брод. Хотя совсем рядом был мост.

Поднявшись на улицу Грибоедова, Кирилл и Женька пошли пешком. Женька неуверенно поглядывала на Кирилла. Наконец спросила:

— Ты считаешь, что это правильно?

— Да,—сказал Кирилл.—Считаю. А ты нет?

— Я... не знаю. Получается, что мы с ним заодно.

— Почему заодно? Он деньги отдаст... А тащить его к Еве или к директору на допрос я не обязан. А тебе что, хотелось?

— Ну что ты...—прошептала Женька.— Но я думала, что надо.

— Не надо... Не могу я, Женька,—вдруг признался Кирилл.—Он идет такой впереди, понурый... Будто по правде преступник. Еще бы руки за спину заложил—и совсем.

— Руки он не мог: он велосипед вел,— тихо сказала Женька.

И Кириллу показалось, что она все поняла.

— Может быть, так и надо,—раздумчиво сказала Женька.—И Чиркову лучше и всем. А то такое пятно на отряде...

— Вот вторая Евица-красавица,—усмехнулся Кирилл.—Вам бы универсальный пятновыводитель купить в химчистке.

— А что, разве я неправильно говорю?

— На чем пятно, ты сказала?—переспросил Кирилл.

— На всем отряде.

Кирилл посмотрел на нее сбоку и медленно, отчетливо сказал:

— Нет никакого отряда. Неужели ты не понимаешь?

Нет, она не понимала. Она очень удивилась.

— А что... есть?

— А ничего. Просто тридцать семь человек и Ева Петровна Красовская. Отряд — это когда все за одного. А у нас? Одного избивают, а остальные по углам сидят.

— Зря ты так, — примирительно сказала Женька.

— Нет, не зря. Почему никто не заступился? Ну за меня и за других, на кого зря наклепали, — ладно... А за Чирка, когда его Дыба мучил?

— Не знали же...

— А почему не знали?

— Но он же не говорил.

— А почему не говорил?

— Ну... я откуда знаю?

— Знаешь. Потому что бесполезно было.

— Почему?

— А потому, что боимся. Потому, что шпана сильнее нас... хоть мы и гордость школы, правофланговый тимуровский отряд. Ура-ура! Зато у нас на смотре строя и песни первое место! За шефство над старушками — благодарность. За вечер немецкого языка — премия...

— Ну чего ты, Кирилл... — жалобно сказала Женька. — Разве это плохо?

— А помнишь, весной Кубышкин с синяками пришел? Его парни на хоккейной площадке излупили, просто так, ни за что. Кто-нибудь сказал, что надо заступиться? Хоть что-нибудь сделали? Одни охали, другие смеялись...

— Ты тоже смеялся.

— Нет, — сказал Кирилл. — Тогда я уже не смеялся. Но я тогда еще боялся многого...

— А... сейчас? — осторожно спросила Женька.

— А сейчас все равно... — усмехнулся он.

— Что все равно? — удивилась Женька.

— Все равно, боюсь или нет, — спокойно объяснил Кирилл. — Так, как Чирок, я бояться все равно не буду. Потому что он один, а у меня друзья есть.

— Да? — быстро спросила она и опустила глаза.

— Да... — сказал Кирилл, не поняв ее. И повторил: — А Чирок один.

— И поэтому ты его пожалел?

То ли насмешка, то ли пренебрежение почувствовались в Женькином вопросе. А может быть, Кириллу это показалось. Но ответил он сердито:

— А кто придумал, что человека нельзя пожалеть? Если один раз человек не выдержал, разве его нельзя простить?

— Ну почему? Можно...

— И дело не только в Чирке. Еще мать у него...

— Я понимаю.

— Ничего ты, Женька, не понимаешь, — сказал Кирилл. — Потому что у тебя нет брата.

— Я же не виновата, что нет, — ответила она почти шепотом.

— Да ты не обижайся.

— Я не обижаюсь, — сказала она обрадованно.

Они посмотрели друг на друга и разом улыбнулись.

— Про Чирка — никому, — предупредил Кирилл.

Женька торопливо кивнула несколько раз. Потом спросила:

— А твоему Антошке сколько месяцев?

— Три с половиной.

— Славный такой... И так песни слушает... Кирилл, а откуда та песня? Ну, которая «Колыбельная»... Она же не колыбельная в самом деле.

— Так, просто песня... — небрежно сказал Кирилл. И сразу вспомнили и тот котел из ветра и волн, и вырастающую на глазах гранитную стену с дурацкой надписью «Ура, Маша, я твой», и Митьку-Мауса, пружинисто сжавшегося у бушприта...

Глава девятая

— Боимся, братцы? — спросил Саня Матюхин. Тихо спросил, без обычной взрословатой нотки.

— Будто ты не боишься, — заметил Валерка.

— Есть маленько, — согласился Саня.

— Я тоже... маленько, — со вздохом сказал Митька-Маус.

Остальные промолчали.

...Когда в тросах стоячего такелажа начинает ровно и тонко свистеть ветер, это значит — сила его достигла шести баллов. На мачтах спортивных гаваней поднимают черные шары: сигнал, что парусным шлюпкам и яхтам не следует соваться на открытую воду. Конечно, случается парусникам ходить и при таком ветре и покрепче, но дело это связано с риском. Все тут зависит от умения экипажа и надежности судна.

Сейчас ветер не свистел, а выл, тросы гудели, а по озеру шли рядами пенные валы.

Когда твое судно укрыто за надежным мысом и прочно стоит на двух якорях, а сам ты смотришь на взбесившееся озеро с гранитного валуна, который неподвижно пролежал на берегу миллион лет и пролежит еще столько же, волны и ветер кажутся нестрашными. Даже интересно смотреть. Интересно, если знаешь, что тебе не надо выходить под парусом вон туда, на середину, где нет ничего, кроме свиста и дыбом встающей воды...

Впрочем, можно было и не выходить. Но ветер, плотный и душный, приносил с другого берега запах гари, а над зубчатой кромкой леса вставал желтоватым длинным облаком дым. Лес горел, и огонь, видимо, шел к озеру широкой полосой. Он мог перерезать дороги. А на

«Капитан Грант» шел курсом крутой бакштаг вдоль южного берега.

той стороне, на крошечном выступе берега, среди сосен и валунов, стояла желтая палатка.

Палатку не было видно отсюда, но ребята знали, что она там. Куда ей деться?

Утром, когда еще не свистело так по-сумасшедшему, а дул нормальный ветер в три балла, «Капитан Грант» шел курсом крутой бакштаг вдоль южного берега. Здорово шел. Были поставлены все паруса, даже летучий кливер. Бурлила за кормой струя, трепетал под гафелем оранжевый флаг, а Митька-Маус сидел на носу и пел страшным голосом пиратскую песню: «Дрожите, лиссабонские купцы...»

Июльское солнце было ясное, вода синяя, почти как на море, а леса стояли спокойные и не чуяли беды.

Хорошо начинался первый долгий поход «Капитана Гранта». И только одно было плохо: несколько дней назад поссорились неразлучные Юрки. Что у них случилось, никто не знал. Ссорились они сдержанно: говорили друг другу «спасибо» и «пожалуйста», если делали что-то вместе, но друг на друга не смотрели. И, если не было общего дела, тут же расходились.

Когда люди ругаются, обвиняют друг друга, можно во всем разобраться и помирить их. А если вот так, молча и спокойно?

Накануне похода Дед не выдержал.

— Да что у вас стряслось?! — заорал он. — Лучше бы уж разодрались! Всю душу измотали!

Юрка Сергиенко надул губы, ссутулился и отошел в сторону. Юрка Кнопов угрюмо глянул на Деда и шепотом спросил:

— Как это мы будем драться?

— Не возьму в поход, — в сердцах сказал Дед.

— Разве мы что-нибудь не так делаем? — по-прежнему шепотом спросил Юрка Кнопов. Он и тут по привычке сказал не «я», а «мы». Дед плюнул. А чуть позже сказал Кириллу:

— Черт с ними. Может, в походе у них все наладится.

Кирилл кивнул...

Сейчас, когда шли вдоль берега, Юрки работали на подветренных шкотах стакселя и кливера. Хорошо работали — паруса, налитые ветром, стояли не шевелясь и не вздрагивая, хотя ветер был не очень ровный. Сидели Юрки рядом, но, как и прежде, было между ними молчание.

Кирилл стоял у штурвала, смотрел на них и думал, что так ссорятся, видимо, очень крепкие друзья. Продолжают любить друг друга, мучаются, а чего-то простить друг другу не могут... Но все равно они счастливые. Все люди счастливые, у кого есть такая дружба. Ведь не навсегда же Юрки поссорились! Не может быть, чтобы навсегда...

Справа была открытая вода, слева — близкий берег. С берега долетел звонкий крик:

— Папа, смотри, старинный корабль!

Кирилл глянул налево и увидел среди сосен желтую палатку. Она не была еще натянута как надо. У палатки стояли пятеро и смотрели на парусник. Молодые мужчина и женщина и трое ребятишек: мальчик ростом с Митьку, девочка чуть поменьше и карапуз примерно полутора лет.

Крикнул, кажется, мальчишка — забавный такой пацаненок в длинной, как платьице, тельняшке, подпоясанной флотским ремнем. Видимо, он был моряк душой и телом и при появлении белопарусного чуда загорелся радостью и восхищением.

Все пятеро замахали «Капитану Гранту», а экипаж помахал им в ответ. Мужчина схватил с валуна кинокамеру и, не подворачивая брюк, прыгнул в воду, пошел навстречу паруснику, чтобы снять поближе.

Митька гордо встал на носу и скрестил руки. На поясе у него красовался надутый круг из красной резины, а от круга, словно длинный хвост, тянулся к мачте страховочный трос. Митьку, однако, это не смущало.

— Адмирал Нельсон, — сказал Дед Митьке, а у туристов громко спросил: — Собираетесь ночевать здесь?

Мужчина, не отрываясь от камеры, кивнул, а мальчишка крикнул:

— Ага! За нами завтра дядя Юра приедет!

— С костром поосторожнее, — предупредил Дед. У него было удостоверение общественного инспектора лесной охраны.

— Все будет в порядке, кэп! — откликнулся мужчина. — Огонек мы у самой воды разведем, ненадолго!

«Капитан Грант», кренясь и оставляя бурунный след, прошел мимо желтой палатки и ее обитателей. И скоро про нее забыли.

Маршрут путешественников был извилистый и длинный: с заходом в Камышиную бухту, со стоянкой у Плоского острова, где водились великолепные раки. Раков наловили, но варить не стали: Митька их пожалел и выпустил. Тогда хотели сварить на обед Митьку, но передумали и приготовили кашу с консервами...

В середине дня ветер зашел к югу и разгулялся так, что Митьку на носовой палубе стало захлестывать пеной. Убрали топсель и летучий кливер. А еще через полчаса засвистело совсем по-штормовому. Пришлось убрать грот и бизань и полным курсом уходить под стакселем и кливером за Березовый мыс (где не росло ни одной березы, а стояли редкие сосны и щеткой поднимался хвойный молодняк).

За высоким горбатым мысом было спокойно, хотя наверху шумел и раскачивал сосны ветер. «Капитан Грант» чиркнул килем по дну, и Дед скомандовал убрать последние паруса. Потом ребята забросили на берег два якоря и выбрались на сушу сами.

Земля была твердой и надежной. Пахло теплой хвоей. На лужайках блестели искорками слюды гранитные валуны. Трава между ними была маленькая, словно прижатая к земле, густо пересыпанная сухими сосновыми иголками. На ней темнели угольные проплешины — следы старых костров.

— На сегодня, кажется, все. Отходились, — сообщил Дед.

Ну что ж, все так все. Можно искупаться в прогретой бухточке с песчаным дном, поваляться на солнышке, потом покидать мячик, а ближе к вечеру заняться устройством ночлега. Они неторопливо натянут старенькую Дедову палатку, разожгут у воды осторожный маленький костер, сварят ужин. Дед возьмет обшарпанную гитару и споет несколько туристских песенок. Это такие песни, что животы болят от смеха. Дед поет их меланхолическим голосом, с очень серьезным лицом, и потому они кажутся еще смешнее.

Потом Алик расскажет продолжение своего фантастического романа...

Один за другим ребята поднялись на бугор. Здесь опять набросился на них ветер. У Кирилла рванул назад волосы, у Алика сбросил с головы старую мичманку, и она покатилась назад к воде...

И только сейчас все заметили, что ветер с едким дымком. И увидели над южным берегом тяжелые клубы...

— Скотство какое, — с бессильной досадой сказал Дед. — Опять сколько погорит...

Сделать они, конечно, ничего не могли, если бы даже оказались на том берегу. Что такое крошечный экипаж «Капитана Гранта» перед километровым фронтом огня? Тут нужен был пожарный десант или саперы. Но леса горели часто, и десантники успевали не везде.

— Выжжет все до самой воды, — тихо сказал Алик. — Хорошо, если там людей нет.

— Запрет же объявлен, — напомнил Дед. — В лес никому нельзя.

И вот тогда кто-то (уже и не вспомнить, кто) растерянно сказал:

— А палатка?

А палатка?!

Ярко-желтая, как громадный подсолнух, палатка с пятью веселыми обитателями... «Собираетесь ночевать здесь?» «За нами завтра дядя Юра приедет!»

Завтра! А если сегодня, если очень скоро огонь захватит лес, который подходит к самой воде?

— Их, наверно, осводовские спасатели снимут, — нерешительно сказал Алик.

— Сразу видно, что ты фантастику сочиняешь, — огрызнулся Валерка. — Какие здесь спасатели?

Дед молчал.

А Кирилл подумал, как хорошо на солнечном твердом бугре. И еще подумал, что «Капитан Грант» почему-то рыскает вправо, когда всходит на крупную волну...

— В крайнем случае в воде отсидятся, — проговорил Юрка Сергиенко, а Юрка Кнопов бросил на него короткий удивленный взгляд. И Кириллу показалось, что в этом взгляде был упрек одного Юрки другому: «Неужели ты еще и трус?»

«Он не трус, — мысленно заступился Кирилл за Сергиенко. — Он же хотел нас успокоить. Он просто не подумал, как отсиживаться в воде, когда волна, когда огонь с берега отжимает на глубину и когда один из пяти не то что плавать, а ходить-то не умеет толком, а двое других тоже еще малыши...»

— А может, огонь еще остановится, — сказал Алик.

— Может быть, — непонятно откликнулся Дед, ни на кого не глядя.

Все могло быть. Мог подоспеть десант и остановить огонь. Но мог не подоспеть и не остановить. Мог подойти спасательный катер, но мог и не подойти. Могла пробиться на берег машина... Все это было неточно. А точно было одно: на том берегу огонь и люди, а на этом — парусник «Капитан Грант». «Папа, смотри, старинный корабль!»

Тогда-то Саня и сказал:

— Боимся, братцы?

Им приходилось плавать почти при таком же ветре, но не долго и в надежной близости от Ольховского берега. А сейчас путь лежал через озеро, да еще не напрямик, а зигзагами.

Дед молчал, тиская пальцами худой щетинистый подбородок.

«Он тоже боится, — подумал Кирилл. — Он не за себя боится... А я? Я... неужели только за себя?»

Нет, не только. За Антошку: если что случится, тот останется без брата. За маму, за отца. За Митьку, за Юрок, за всех...

Он медленно посмотрел на Деда, а Дед на него. Они молча спрашивали друг друга, что делать.

А что было делать? Кирилл глянул с бугра на парусник — там на кормовом флагштоке слабо колыхался оранжевый флаг «Капитана Гранта». На ходу флаг поднимают под гафель грот-мачты. Если сейчас отсидеться за мысом, потом как поднимать этот флаг? «Зря, что ли, его шили?» — чуть не сказал Кирилл. Но не сказал, только переглотнул. Какое он имеет право так говорить? Он что, храбрее всех? У него коленки дребезжат при мысли о выходе из-за мыса.

«Почему же он все-таки рыскает на волне? Хорошо хоть, что всегда в одну сторону».

— Какие мы дружные! — вдруг проговорил Валерка Карпов. — Даже боимся все вместе.

Он был маленький, похожий на вороненка. Не насмешливый, а сердитый.

И тогда Саня Матюхин заговорил снова:

— Давайте бояться на ходу. А то пока здесь сидим, те голубчики могут поджариться...

Кириллу показалось, что все вздохнули с облегчением. И он спросил:

— А как пойдем? Ветер в лоб.

— Сперва на Каменный остров, а потом будем выходить на Совиный мыс. Там еще короткий галс — и на месте.

«Легко сказать», — подумал Кирилл, а Дед подал голос:

— У Каменного острова гряда. Забыли? А дальше отмели, остров не обойти.

— Есть проход, — сказал Саня. — Вот здесь... — Он нагнулся, отыскал в траве плоский камень, подобрал несколько сухих шишек. Раскидал их цепочкой.

— Вот остров, а вот первый камень. Тут еще бетонный блок. Можно проскочить, если рассчитать.

— Поворот оверштаг прямо в проходе? — спросил Алик. — Если зависнем, левым бортом нас хряпнет о камни.

«Если не зависнем, тоже может хряпнуть, — подумал Кирилл. — Волной снесет...»

— Может, хряпнет, а может, и нет, — сказал Саня.

Юрки посмотрели на него и, не глядя друг на друга, стали спускаться к «Капитану Гранту».

— А если сперва вдоль нашего берега идти, а потом вырезаться на Совиный? — предложил Валерка.

— До завтра проколупаемся, — сердито ответил Саня.

Валерка вздохнул:
— Тогда что ж...
А Дед наконец сказал:
— Не имею права, ребята... Не имею права выходить с вами в такой свистодуй...
— Не на прогулку же! — громко удивился Алик. — Там же люди! Как это не имеешь?
А Саня спокойно предложил:
— Мы тебя свяжем и скажем, что пошли без разрешения.
— Болтун, — грустно сказал Дед. Посмотрел на Кирилла и тихо спросил: — Поведешь?
— Я? — испугался Кирилл.
— Мне при такой качке не устоять: нога разболелась. Да и рулевой из тебя лучше, чем из меня. Чего уж там...

Вот тогда Кириллу стало по-настоящему страшно. Холодно даже. Будто ветер повеял осенью. Кирилл нагнулся и начал зябко растирать ноги от щиколоток до колен. Он тер, тер и на Деда не смотрел. А дед еще тише сказал:
— Надо, Кир...

Кирилл выпрямился. Страх не отпустил его, но стало спокойнее. Что делать, раз надо? Кирилл кивнул и, скользя кедами по сухим иголкам, стал спускаться к стоянке. Он даже не понял, что обманывает себя: не понял пока, что решение принял не кто-то другой, а он сам.
Дед громко крикнул с бугра:
— Проверьте спасательные жилеты! А на Митьку наденьте второй круг!

На карте страны нет Андреевского озера совсем, а на карте области оно кажется маленькой синей запятой. Но от этого не легче тому, кто идет по озеру в штормовой ветер.
В длину озеро около семнадцати километров, а в ширину очень разное — от километра до пяти. Оно разлито среди отрогов старых гор, здесь много островков, мысов, заливчиков. В заливчиках удобные стоянки. Но какой смысл думать о стоянках, если путь лежит через открытую воду, где пенистые гребни и нестихающий свист?
Как ни крути, а «Капитан Грант» — шлюпка. Хотя и перестроенная, укрытая с носу палубой, но все равно шлюпка. Случалось, что на шлюпках переплывали океаны. Но случалось и другое (гораздо чаще): шлюпки переворачивало ветром послабее, чем нынешний, и в заливах поменьше Андреевского озера...
Все это знал нахмуренный и молчаливый экипаж «Капитана Гранта», когда выводил свой корабль из-за мыса.
Верхние паруса поднимать не стали. Поставили кливер, стаксель, бизань. Уже на ходу Алик и Саня подняли тяжелый грот. Вздернули под гафель флаг.
Оконечность мыса с одинокой сосной ушла за корму, ветер навалился на парусину, в левый борт ударил гребень. Следующий вал приподнял парусник и почти положил направо.
— Экипаж — на открен, — негромко и быстро сказал Дед.
И началось...
Если бы верхушка грот-мачты оставляла в небе след, это была бы извилистая линия, которая в учебнике геометрии называется «синусоида». То выпрямляясь и чуть кренясь налево, то валясь на правый борт, «Капитан Грант» шел при боковом ветре к Каменному острову, и клотик мачты выписывал зубцы длиной в шесть или семь метров.

Кирилл стоял, цепляясь босыми ступнями за решетчатый настил. Когда парусник валился вправо и казалось, что это уже все, Кирилл машинально переносил тяжесть на левую ногу, словно так можно было выпрямить «Капитана Гранта». Помедлив, судно выпрямлялось. А потом опять...

Кирилл понимал, что, если во время большого крена резко усилится ветер, парусник может не встать. И он стискивал штурвал, ожидая шквала и готовясь немедленно привести судно бушпритом к ветру...

Но шквалов не было. Ветер — душный, плотный, горький от дыма — дул очень сильно, однако без порывов. И валы, бурля верхушками, катились ровно. И в конце концов (неизвестно только, скоро или не очень скоро) Кирилл понял, что корабль держится и экипаж тоже держится. Такая погода была по плечу «Капитану Гранту». Он резво бежал, оставляя на склонах волн кипящий след, и не пытался уйти с курса.

Кирилл расслабил мускулы. Он медленно разжал пальцы и переложил ладони на обод штурвала. С удивлением посмотрел на коричневые рукоятки. Там не было никаких следов, а Кириллу казалось, что останутся светлые пятнышки — будто на загорелой руке после того, как ее стискивали пальцами. Ведь он так отчаянно сжимал штурвал...

Кирилл тряхнул головой и быстро оглянулся. До этого он видел только то, что впереди: воду, далекий Каменный остров, два треугольных паруса и Митьку, который сидел на носу, вцепившись в кнехты и отплевываясь от брызг.

Сейчас Кирилл увидел всех. Валерка работал сзади, на бизань-шкоте. Лицо у Валерки было беззаботное и даже веселое. Саня и Алик сидели на левом планшире, удерживая вдвоем жесткий капроновый гика-шкот. Они что-то быстро говорили друг другу. Юрки, тоже у левого борта, держали, как всегда, шкоты передних парусов. Они были рядом, но даже сейчас, при такой качке, старались не коснуться друг друга плечами. Неужели не устали ссориться?
Ближе всех был Дед. Он стоял позади Кирилла, навалившись локтем на левый планшир. Почти рядом. Он улыбнулся Кириллу. Кирилл тоже улыбнулся и, проверяя управление, шевельнул туда-сюда штурвал. Кораблик незаметно и быстро отозвался, чуть-чуть вильнув на курсе. Он был послушен. Его штуртросы попрежнему были как живые нервы. Он опять стал частью Кирилла.

Озеро уже не казалось грозным. Угадывая взлеты и размахи судна, Кирилл с удовольствием смотрел на волны. Неяркое, задымленное

Потом был вечер, такой, как хотели,— спокойный и хороший.

солнце сделало их удивительными: окрасило в зеленовато-желтый цвет. Даже пена стала желтоватой. Она срывалась с гребней и длинными полосами ложилась по ветру на пологие склоны водяных валов. Брызги ударяли Кирилла в левую щеку.

— Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет,— весело сказал Кирилл.

Дед ответил:

— Славно бежим. Теперь главное — поворот у камней.

Да... Ведь еще поворот! Радоваться рано.

Кирилл глянул влево. Там в полусотне метров уже тянулась гряда — неровная цепь камней. Над ней, отчаянно споря с потоками ветра, метались озерные чайки. Волны свободно переваливались через камни, но для парусника путь сквозь гряду был закрыт. Пройти между камней могла лишь легкая лодочка, да и то по тихой воде.

Оставался проход у самого острова. Кирилл один раз был уже там, но в спокойную погоду. А при таком ветре попробуй чуть-чуть ошибиться... Помогут ли тогда самодельные спасательные жилеты из брезента и пенопласта?

Остров, который недавно казался далеким, теперь вырастал, будто его выталкивал из воды сказочный великан. Это был даже не остров, а торчащие из озера гранитные зубцы — голые и отвесные. Иногда здесь лазили отчаянные туристы, но надолго никто не задерживался: ни веточки для костра, ни ровной площадки для палатки.

Сейчас никого не было видно. Только белая надпись напоминала о людях. Ее вывел на отвесной стенке, в пяти метрах над водой, какой-то обалдевший от счастья влюбленный. Большущие, масляной краской написанные буквы: «Ура, Маша, я твой!»

Буквы были видны уже отчетливо и делались все крупнее.

Кириллу опять стало не по себе. Но это был уже не тот страх, что прежде. Сейчас Кирилл боялся за всех один. И потому во много раз сильнее. Но в то же время это был задавленный, скрученный страх. Страх с прикушенной до боли губой. Потому что бояться было нельзя. Попробуй дрогни на повороте!

А дым над берегом стал плотнее, хотя пламени не было видно.

Кирилл опять перенес ладони с обода на рукояти.

— Ребята! — сказал он тонким и громким голосом. — Пожалуйста... На повороте не кидайтесь к штурвалу! Может показаться, что врезаемся... А иначе нельзя, надо вплотную!

— Все будет хорошо, — сказал Дед. — Спокойно, Кир!

Кирилл посмотрел на Митьку. Если «Капитан Грант» врежется носом в гранит, Митька может покалечиться. Но убрать его нельзя: никто не мог так виртуозно, как маленький Маус, вынести на ветер стаксель при повороте оверштаг.

— Ты не бойся, Мить, — сказал Кирилл. — Ты держись.

— Ага, — серьезно откликнулся Митька. — Если очень забоюсь, я зажмурюсь.

— Жмурься, — разрешил Дед. — Только не прозевай команду.

До гранитного отвеса оставалось полсотни метров. Каменные зубцы словно кричали навстречу Кириллу: «Ура, Маша, я твой!» Все громче и громче. Сейчас эти слова казались нелепо-насмешливыми. Остров словно издевался: «Ну-ну, подойди...»

Лишь теперь Кирилл почувствовал каждой жилкой, какой все-таки быстрый ход у «Капитана Гранта». Взлетая на упругой волне, кораблик при боковом ветре делал чуть ли не десять узлов. Обычно это может лишь хорошая яхта или большая парусная шхуна.

Если полуторатонный деревянный парусник грохнется о каменный остров со скоростью бегущего человека, это будет уже не парусник, а дрова.

До поворота оставалось около десяти секунд, и Кирилл ощутил, что опасность чувствуют все.

— Бизань... — сказал он, и Валерка тут же подтянул шкот — слегка увеличилось давление на корму.

Клокотание кормовой струи было громче шума волн и ветра...

Восемь или семь секунд осталось до поворота. Слева у самого борта проносились назад камни. Кирилл прерывисто втянул в себя воздух. И в это время Дед негромко сказал:

— Юрки, помиритесь.

Нельзя уже было оглядываться, но Кирилл все же быстро посмотрел назад. Сергиенко и Кнопов, зажавши в левых ладонях шкоты, правые резко стиснули в рукопожатии. И еле заметно улыбнулись друг другу.

«Давно бы так», — мельком подумал Кирилл и тут же понял, что пора. Зубцы торчали почти прямо над ним.

— К повороту! — скомандовал он.

Ответное «Есть к повороту» смешалось в скороговорку — это разом откликнулись шесть матросов.

Гранит надвигался, как летящий на всех парах бронированный крейсер.

Ну еще чуточку, еще сантиметр...

— Поворот!

Без рывка, мягко, но очень быстро закрутил он влево штурвал. До отказа...

Все же на какую-то долю секунды Кирилл опоздал: бушприт чиркнул по граниту и сбил с выступа камешек. Однако нос уже катился влево, паруса ослабли, и «Капитан Грант», потеряв скорость, закачался на встречной волне. Справа был остров, слева, недалеко — ребристый камень, заливаемый шипучими волнами.

Бушприт двигался все медленней. Если нос не перевалит через ветер, парусник пойдет кормой на бетонный блок, торчащий из-под воды (раньше там стояла мачта высоковольтной линии). Или грохнется правым бортом о скалу.

Ну скорей же, скорей поворачивай!

Наконец ветер прямо в лицо.

— Стаксель на ветер!

Митька и без команды знал, что делать. Тоненький, верткий, он, цепляясь ногами за кнехт, почти вывалился за борт, растянул навстречу потокам воздуха нижний угол стакселя. Треугольный парус хлопнул и надулся, толкая судно назад и влево. «Капитан Грант» помедлил и словно бы с неохотным вздохом перешел линию ветра.

— Под ветер...

Паруса натянулись, и судно легло на правый галс. Кирилл поставил руль прямо. Но скорости еще не было, нос продолжал катиться влево, и острый камень быстро приближался к скуле парусника. Все видели, что он врежется в обшивку раньше, чем «Капитан Грант» скользнет вперед.

— Вправо руль...— умоляющим шепотом сказал Дед.

Кирилл сердито дернул плечом. Ему и самому до боли в пальцах не терпелось крутнуть штурвал. Но он понимал, что, не имея хода, «Капитан Грант» совсем остановится, если кинется носом к ветру. И тогда уж точно окажется кормой на камнях.

Кирилл ждал волну. И она пришла, пришла вовремя — большая, в желтых полосах пены. Приподняла парусник, и он, верный своей привычке, сам рыскнул вправо. Чуть-чуть. Лишь настолько, чтобы увести выпуклый борт от проклятого камня. Камень прошел рядом, едва не чиркнув по обшивке похожим на пилу краем.

— В двух сантиметрах,— сказал Алик.

Скорость нарастала, и Кирилл взял круче к ветру, уходя от гряды.

Опасность осталась позади. Позади остался эпизод из жизни экипажа маленького парусника на озере, которого нет на больших картах и о котором ничего не знают моряки, ведущие свои корабли по морям и океанам...

На Совиный мыс выходили долго. У штурвала стоял Дед. Кирилл сидел у планшира, беззаботно глядя на волны и шевеля уставшими пальцами.

Когда прошли мыс и сделали еще один поворот, увидели белый катер. Ныряя в волнах, он шел от того места, где недавно стояла палатка. Кирилл успел разглядеть на корме маленькую тельняшку.

— Ну и ладно, меньше забот,— сказал Дед.— Зато спать будем спокойно.

И все молча с ним согласились.

— Уваливаем под ветер,— скомандовал Дед.

И они прекрасным, самым лучшим для парусника курсом — полный бакштаг — понеслись к своей прежней стоянке, в тихую бухточку за Березовым мысом.

На южном берегу начали бухать взрывы: люди спешили остановить огонь...

Когда подходили к берегу, ветер ослабел и скоро совсем утих. С другой стороны, с северо-запада, неожиданно надвинулась лиловая туча. Грохнуло.

Грозу пережидали в тесной рубке, плотно прижимаясь друг к другу и вспоминая недавнее штормовое плавание.

— Кир, у тебя нервы или канаты? — спросил Дед.— Я думал, что уже крышка, когда нас на камень волокло.

— Это у меня-то канаты...— усмехнулся Кирилл.— До сих пор мурашки по спине...

— Подумаешь, мурашки! — сказал Саня.— Будь у нас ордена, Кир точно бы заслужил.

— Орден мурашки первой степени,— ввернул Валерка.

— Я, между прочим, серьезно,— сказал Саня.

— Если серьезно, тогда не мне орден надо, а Митьке,— заметил Кирилл.— Он больше всех рисковал... Митька, ты жмурился?

— Не-а... У меня от испуга глаза растопырились...

В это время грохнуло изо всех сил.

— А молния в мачту не стукнет? — спросил Митька.

— Зачем ей в мачту стукать? На мысу вон сколько сосен,— успокоил Дед.

Митька подумал и сказал, что в сосну тоже не надо. А то опять лес загорится.

— После такого дождя ничего не загорится,— возразил Алик.

Дождь лупил тугими струями по фанерной палубе, и в рубке гудело.

Потом туча ушла за озеро и уволокла за собой ливень — словно на помощь пожарному десанту.

Все выбрались из рубки. Юрки первые прыгнули с борта и, взявшись за руки, побрели по мелководью к берегу. Вечерний воздух был свежий, послегрозовой. Гарь исчезла. Над дальним лесом еще курились дымки, но были они уже слабые и нестрашные.

Звонко тенькала пичуга...

Потом был вечер. такой, как хотели,— спокойный и хороший. Растянули палатку, сварили картошку, посидели у огонька. Дед спел песни про беспутного папу-туриста и про бабушку, вступившую в секцию альпинистов. Алик рассказал о стычке марсиан с жителями Сиреневой галактики...

Когда заря спряталась за деревья северного берега, а за Совиным мысом заиграла огоньками деревня Павлово, все решили, что пора спать. Дед, Алик и Юрки ушли на судно, а Кирилл, Митька, Саня и Валерка улеглись в палатке. Завернулись в одеяла, а под голову положили спасательные жилеты. Пол у маленькой палатки качался, как палуба во время недавнего плавания,— так показалось Кириллу, когда он засыпал. Ну и пусть качается...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

**КАКИМ СТАНЕТ МИР ДЕТСТВА В 2000 ГОДУ?
ЧТО ДОЛЖНЫ СДЕЛАТЬ ВЗРОСЛЫЕ
ДЛЯ СЧАСТЬЯ ДЕТЕЙ?
КАКИЕ ОНИ, ДЕТИ КОНЦА 70-Х ГОДОВ?
И ЧТО ОНИ САМИ МОГУТ СДЕЛАТЬ
В БОРЬБЕ ЗА МИР И СВОИ ПРАВА?**

С этими вопросами журнал «Пионер» обратился к выдающимся борцам за мир и справедливость, героям труда и ратного подвига, писателям, артистам, художникам.

Попробуй и ты ответить на эти вопросы.

Сегодня на анкету «Пионера» отвечает известный французский писатель, коммунист Пьер ГАМАРРА.

Его первая книга вышла, когда над Европой еще полыхала война. Он воспевал мужество героев Сопротивления, зажигал в сердцах людей ненависть к фашизму. Борьба за мир стала главной темой его творчества.

Детские книги Пьера Гамарра знают и любят не только маленькие французы, но и ребята в других странах. Летом 1977 года они пригласили писателя на свой Международный детский фестиваль «Пусть всегда будет солнце!», который проходил в нашей стране.

Пьер ГАМАРРА

ПРАВО НА СЧАСТЬЕ

Несколько лет тому назад я был в Ленинграде и увидел в одном из музеев дневник ленинградской девочки. Она писала свой дневник в дни блокады, когда город Ленина был осажден фашистами. В этом документе каждая строка рассказывает об ужасах минувшей войны.

Прошло больше тридцати лет. Но и сейчас многие дети страдают от войны, от расовой ненависти. А ведь они, как все дети, имеют право на любовь и заботу взрослых, помощь врачей, знания, хлеб и молоко в достатке...

Поэтому нам, друзьям детей во всех странах мира, нужно еще решительнее бороться за счастье юных. Чтобы не на словах, а на деле выполнялась Декларация прав ребенка.

Пусть каждый — строитель и поэт, ученый и артист — задумается о том, что он может сделать полезного, необходимого детям. Пусть серьезно задумаются те правительства государств, чьи необдуманные поступки оборачиваются бедой для ребят.

Сегодняшние дети очень похожи на нас, когда мы были маленькими. Они так же любят игры и песни, добрые сказки и всякие вкусные вещи. Но дети 70-х годов знают гораздо больше, чем знали мы, о земле, на которой живем, о космосе. Они знают, что в других странах у них много друзей. Они понимают, что имеют право на счастье, и готовы сообща бороться за него. В этом я убедился, когда побывал в Советском Союзе на Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!», который проходил в Артеке. Сила юного поколения в том, что они — люди будущего.

Каким оно будет? Я не знаю, но очень хочу, чтобы будущее было мирным. Тогда в жизни сегодняшних детей будет тепло семейного очага, дружбы и поэзии.

Я желаю читателям журнала «Пионер», всем советским ребятам быть верными великой партии Ленина, памяти павших борцов делу советских рабочих, ученых, космонавтов. Будьте похожи на героев замечательных книг Горького, Маяковского, Гайдара!

Желаю счастья всем детям и удачи друзьям детей!

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Пионерская почта

Этот случай произошел в болгарском пионерском лагере в Краневе, где летом отдыхают ребята из разных стран.

Стоял жаркий полдень. И когда настала пора купания, все мигом побежали к морю. И вот тут-то кто-то из ребят крикнул:

— Смотрите, плывет странный предмет!

На волнах покачивалась бутылка, плотно закупоренная, да еще разрисованная разными красками. Вытащили ребята эту таинственную морскую путешественницу на берег, раскупорили и... ахнули: в бутылке лежало письмо, написанное на четырех языках. И только прочитали первые строчки, как «секрет» был открыт: письмо проплыло по волнам Черного моря несколько сот километров и от артековского берега причалило к берегу краневскому.

Пионеры-артековцы из международной смены в День мира написали это письмо, доставили его на быстроходном катере в нейтральные воды, и поплыла пионерская почта мира и дружбы по морским волнам. А что же было в письме?

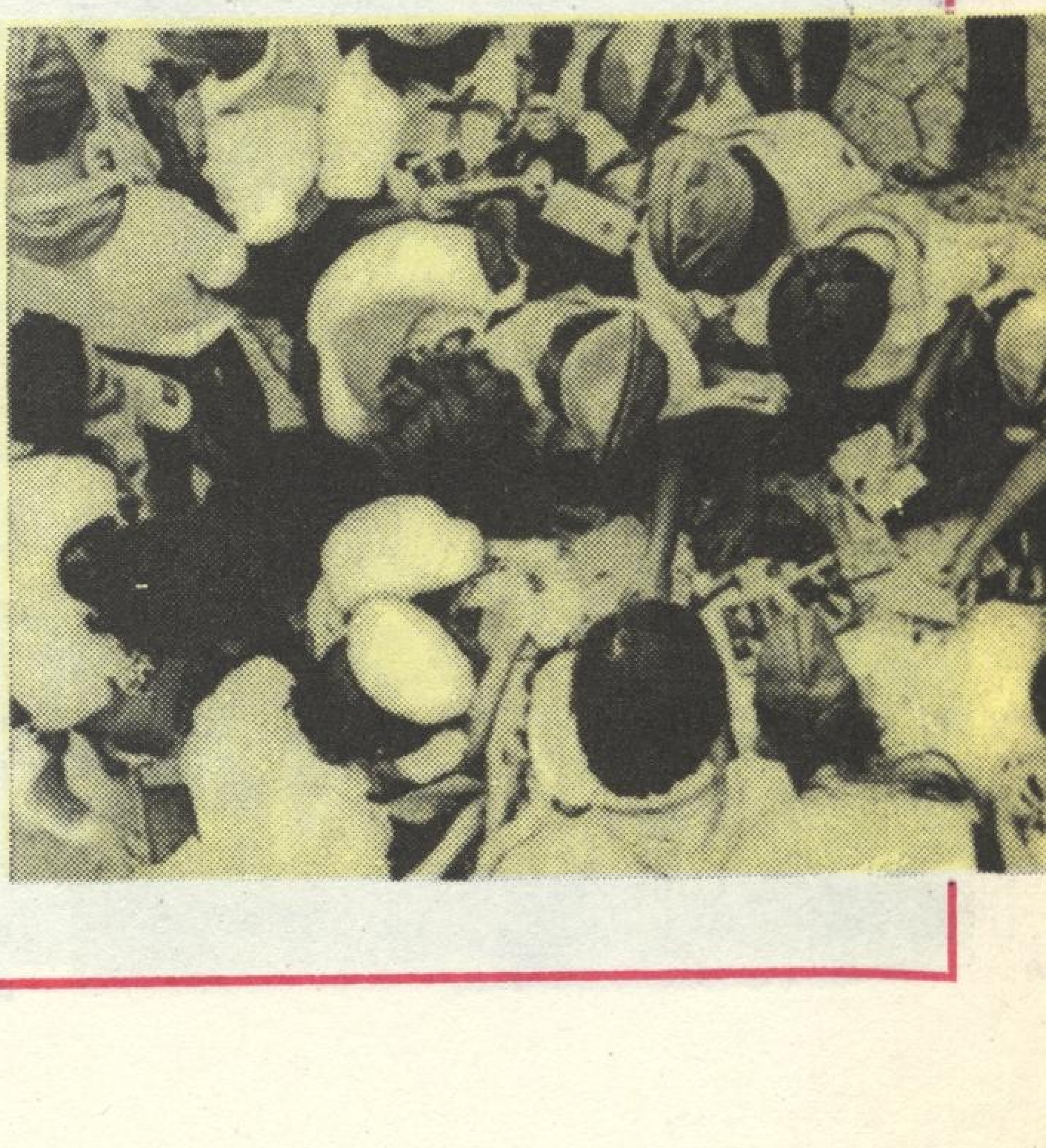
Ребята из разных стран мира писали о том, как они подружились в «Артеке», как дали клятву укреплять мир на земле и всегда быть солидарными с теми, кто борется за свободу и независимость своих народов. Так «Артек» протянул руку дружбы Краневу. Пионерскую почту солнечной республики находили во многих странах мира рыбаки, моряки и, конечно, сами ребята.

На Всемирных фестивалях, на больших пионерских праздниках и слетах работают пионерские почтамты, отправляется пионерская почта, делаются на конвертах специальные гашения.

Пионерская почта мира и дружбы работает во многих клубах и кружках интернациональной дружбы в школах, домах и Дворцах пионеров. Кидовцы ведут коллективную переписку со своими зарубежными друзьями, рассказывают о родном городе, о своей работе, делятся планами на будущее, поздравляют пионеров разных стран с днем рождения их организаций. Такая переписка помогает еще лучше организовать работу в дружине и отряде. Адреса зарубежных ребят они узнают от тех, кто отдыхал летом в «Орленке», кто ездил с поездами дружбы в зарубежные путешествия, от специалистов, работавших в странах социалистического содружества, у зарубежных студентов, которые обучаются в Советском Союзе.

Но еще встречаются и такие ребята, которые повсюду просят «дать им адрес зарубежного друга». Только совместная работа, совместный поиск, участие в общих интернациональных акциях солидарности поможет вам вести интересную, нужную коллективную переписку.

«Пионер» ждет от вас сообщений о том, как у вас организована пионерская почта, какие интересные письма получаете вы от пионеров социалистических стран.



Ведет журналист-международник Вл. ВАСИЛЬЕВ

Они вернутся в свой дом

Недавно в Алжире открылась выставка работ юных палестинских художников. На эти рисунки нельзя смотреть без боли и гнева. Гнева против тех, кто отнял у палестинских детей родину, дом, цветущий сад, школу, кто отнимает у них детство, а часто и жизнь.

Под одним из рисунков короткая подпись по-арабски «Прогнали из дома». Отец, мать, дед и младшая сестренка согнулись под тяжестью пожитков. Они бредут по раскаленному песку, под палящим солнцем. Они выбились из сил. Но остановиться нельзя — в спину упираются острые штыки захватчиков.

...Овчарка, бросающаяся на ребенка... Грязные, рваные палатки лагеря для беженцев... Худое, изможденное лицо за решеткой... — вот сюжеты других рисунков.

Они уходят все дальше от родины. Остановиться нельзя — в спину упираются острые штыки оккупантов. Тяжело палестинцам на чужбине. Но еще тяжелее тем, кто остался на захваченных Израилем территориях. Их безжалостно эксплуатируют. А непокорных изгоняют, пытают, расстреливают. Но настанет день, и палестинцы прогонят агрессоров, вернутся в отчий край.

На долю арабского народа Палестины выпала трагическая судьба. Он стал первой жертвой израильских агрессоров, мечтающих господствовать на всем Ближнем Востоке.

На древней земле Палестины испокон веку жили арабы и евреи. В 1947 году Генеральная Ассамблея ООН приняла решение образовать на территории Палестины два государства — арабское и еврейское. В 1948 году появилось государство Израиль, во главе которого буржуазия поставила своих верных слуг — сионистов. Руководители Израиля поспешили увеличить территорию своего государства за счет арабских земель. Они изгоняли палестинцев из родных городов и деревень, жестоко расправляясь с непокорными. В деревне Дейр-Ясин около Иерусалима израильские террористы в апреле 1948 года убили 254 человека, среди них было много женщин и детей.

Около миллиона палестинских беженцев перебрались в соседние страны — Ливан, Сирию, Иорданию, Египет. Но и здесь им не было покоя. В 1967 году Израиль при поддержке США развязал войну против соседних арабских государств. Опять сотни тысяч палестинцев оставили свои дома в этих районах, уходя все дальше от родины.

Тяжело палестинцам на чужбине. Но еще тяжелее тем, кто остался на захваченных Израилем территориях. Для израильтян палестинцы — люди «низшей расы». Их безжалостно эксплуатируют, а за малейшие провинности ждет расправа: расстрелы, принудительное выселение, обыски, аресты, жестокие пытки.

Но волю народов к свободе и независимости нельзя сломить. Народ Палестины сплачивается вокруг Организации освобождения Палестины. Отряды ООП ведут вооруженную борьбу с израильскими оккупантами за право создать собственное национальное государство. В этой борьбе палестинцы не одиноки. На их стороне Советский Союз, все прогрессивное человечество.

Год назад в Бейруте, столице Ливана, вышла детская книжка для палестинских ребят. Она называется «Дом». В ней есть такие строчки:

У каждого человека есть свой дом —
Очаг его счастья и покоя.
Где же дом у палестинца?
Он остался в Палестине.
Враг в него вселился.
Как вернуться в этот дом?

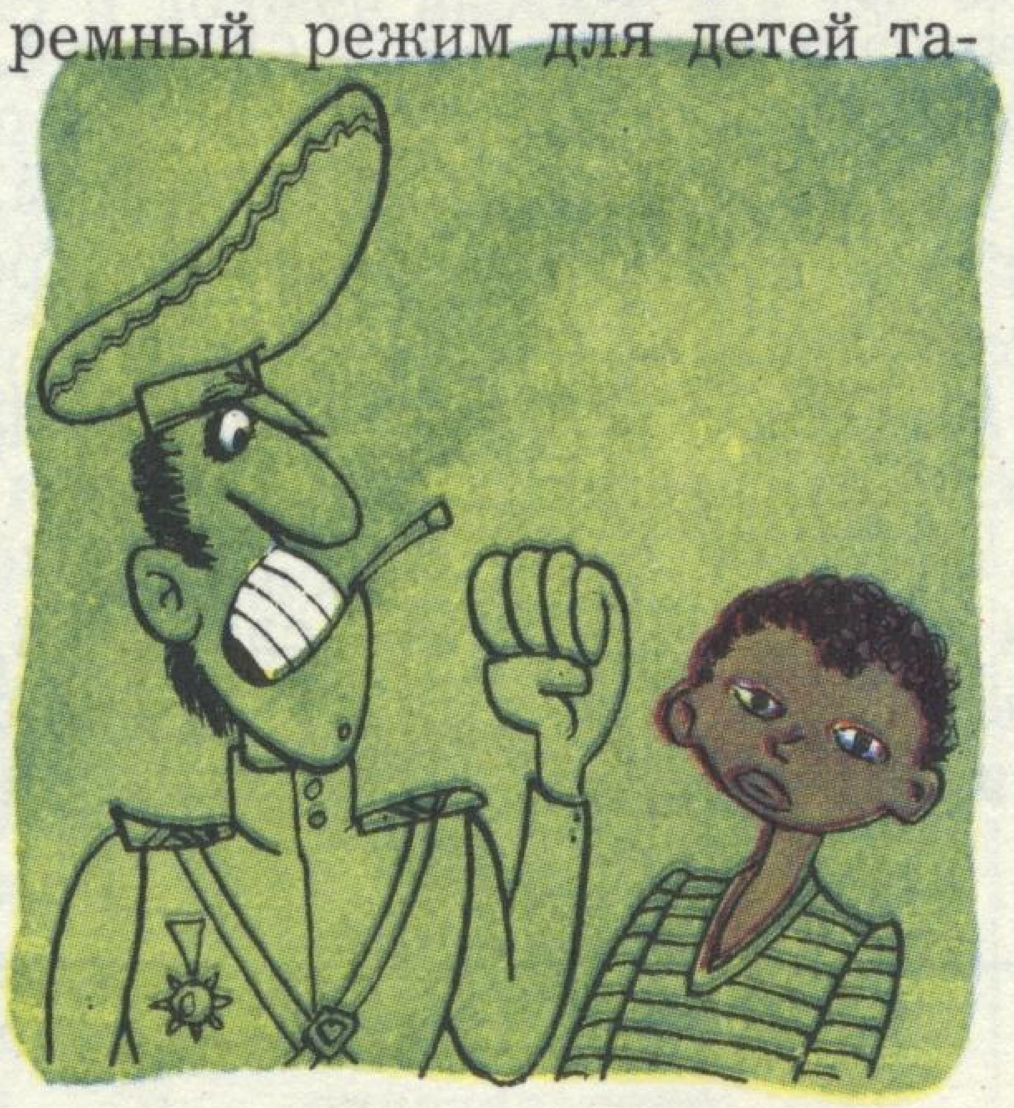
Наступит день, и сегодняшние юные палестинцы, выросшие на чужбине, вернутся в свой дом, отнятый у них агрессорами.

Ю. КИРПИЧНИКОВ

Маленькие узники

«Африканских детей лучше всего воспитывать в тюремной камере», — заявляет генерал Принслоо. Он руководит карательными операциями против коренного населения Южной Африки. За что так ненавидит африканских детей этот палач в погонах, понять нетрудно. Ведь первыми на улице Соуэто — негритянского пригорода столицы ЮАР Иоганнесбурга — летом 1976 года вышли африканские школьники. Они протестовали против апартеида — расовой ненависти. Белые расисты расстреляли мирную демонстрацию, многих школьников бросили в тюрьмы. Но вслед за ними на путь борьбы встали тысячи взрослых африканцев.

Число маленьких узников растет. В тюрьмах ЮАР содержится более трехсот детей и подростков. Их заставляют делать тяжелую работу, многих сажают в карцеры. Тюремный режим для детей такой же, как для взрослых. За нарушение режима бьют, пытают. На одном суде допрашивали девятилетнего свидетеля, заключенного в тюрьму еще в 1976 году. Его лицо было так изуродовано побоями, что он с трудом говорил. В южноафриканском городе Порт-Элизабет судили семилетнего мальчика. Маленькая узница Патрисия Мниси умерла в тюрьме от туберкулеза.



Несмотря на это, африканские школьники продолжают борьбу, участвуют в демонстрациях взрослых. Семнадцать тысяч учащихся бойкотируют занятия, требуют ликвидации апартеида.

СОВРЕМЕННЫЕ КОМПРАЧИКОСЫ

Многие из вас, наверное, читали книгу французского писателя Виктора Гюго «Человек, который смеется». Гюго рассказал о компрачикосах — преступниках, похищавших детей, чтобы делать из них калек и уродов на потеху ярмарочной толпе. Этот обычай, писал романист, был забыт в семнадцатом веке и совершенно неизвестен в наши дни.

Но вот осенью прошлого года на ярмарке в американском городе Атланте выступили жертвы современных компрачикосов. Делец по имени Дэнни О'Дэй отыскал бедняков, которые за деньги согласились на пластическую операцию. Под скальпелем хирурга они становились похожими на знаменитых умерших артистов. Так появились двойники «короля рок-н-ролла» Элвиса Пресли, эстрадной певицы Дженни Джоплин.

Но даже привыкшая к жестоким зрелищам американская публика холодно приняла парад умерших звезд эстрады, многим зрителям было не по себе.

Сейчас против Дэнни О'Дэя начато судебное дело. Один из двойников Элвиса Пресли обвиняет своего шефа в том, что появление новых «Пресли» оставит его без работы...

Двести миллионов борцов

Голубь мира на фоне земного шара — эмблема Международной демократической федерации женщин (МДФЖ), созданной вскоре после окончания второй мировой войны. Цели этой организации — борьба за равноправие женщин, охрана прав матери и ребенка, защита прав детей. В рядах МДФЖ 126 национальных женских организаций из 114 стран мира, 200 миллионов женщин всего земного шара. Они решительно выступают за мир и независимость народов.

В мае 1978 года в Москве проходила очередная сессия Совета МДФЖ. Представительницы демократических организаций говорили об экономических, социальных и политических правах женщин и обсудили подготовку к Международному году ребенка.

ДРУГОЙ ПРОФЕССИИ НЕТ

Уже никого не удивляют женщины, овладевшие такими традиционно мужскими профессиями, как летчик, капитан корабля, даже космонавт.

Но женщина — матадор!..

Вернее, даже не женщина, а семнадцатилетняя девушка. Ее зовут Марибель Атенсар. Хозяева арены «Лас-Вентас» в Мадриде не просчитались: посмотреть, как бык пронзает рогами девушку, пришли 28 тысяч зрителей. Но в этом бою победила девушка. Любители корриды стоя аплодировали отважной «матадоре» и потребовали вручить ей награду — ухо убитого быка.

К Марибель пришли слава и деньги. О ней много писали в испанских и зарубежных газетах и журналах. До поры до времени ей везло: она получила лишь несколько синяков и ссадин. Но единоборство с рассвирепевшим быком — это игра не на жизнь, а на смерть. «Рано или поздно это случится, — говорила Марибель. — Надеюсь только, что рана будет не очень опасной».

И однажды, во время выступления девушки в Барселоне, рога разъяренного быка настигли ее...

Сейчас Марибель лечится в больнице. Будущее девушки неясно: сможет ли, отважится ли она снова выступать в корриде? А если нет, то как сложится ее судьба? Она искусно владела шпагой и красным плащом-мулетой, но другой профессии у нее нет.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Соломоновы острова

В день открытия XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН перед зданием этой организации в Нью-Йорке, где на флагштоках развеваются флаги 149 государств, был поднят еще один. Сто пятидесятым членом этой всемирной организации стали Соломоновы острова, получившие независимость в июле 1978 года.

Эти острова расположены в Тихом океане, на западе от Папуа — Новой Гвинеи. В состав государства входят 922 острова, самый крупный из них — Гуадалканал. Там расположена и столица — город Хониара.

Острова населяют двести тысяч жителей, большинство занято сельским хозяйством. Они возделывают кокосовые пальмы, ловят рыбу, выращивают батат — сладкий картофель.

История Соломоновых островов уходит в глубь веков. В 1568 году испанский мореплаватель А. Менданья де Нейра впервые высадился на этой земле и назвал ее именем легендарного царя Соломона — владельца золотых копей. Но ни золота, ни иных сокровищ испанец здесь не нашел. Карты, сделанные Менданьей, оказались неточными, вот почему европейцы не навещали Соломоновы острова на протяжении нескольких веков.

Лишь в начале XIX века здесь появились китобойные суда, корабли купцов и работорговцев, искавших в этих водах «канаков» — местную рабочую силу. С 1863 по 1904 год более шестидесяти тысяч островитян были вывезены на хлопковые и сахарные плантации Австралии. Их либо захватывали силой, либо выменивали у родственников на ножи, топоры, ткани, табак. Работорговля существовала до начала нынешнего столетия.

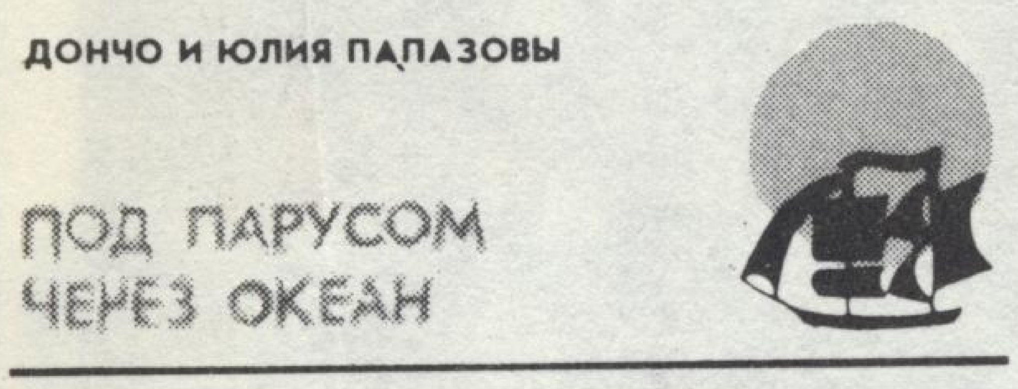
С 1893 года до последнего времени Соломоновы острова были обозначены на политической карте мира как «британское владение». Для колониалистов эти острова были лишь плантациями кокосовых пальм. Им невыгодно было строить там промышленные предприятия. Вот почему и поныне Соломоновы острова вынуждены ввозить из-за границы почти все продукты и промышленные товары.

Коренные жители Соломоновых островов упорно боролись за свою независимость и победили.

Теперь островитянам предстоит заново создавать экономику своей страны, возводить фабрики и заводы, школы и больницы. Пожелаем им успехов!

Е. КАРПУШКИНА

ПОД ПАРУСОМ ЧЕРЕЗ ОКЕАН



Болгарские исследователи Юлия и Дончо Папазовы непохожи на обычных мореплавателей. Они вышли в море на спасательной шлюпке под парусом, как бы поставив себя в положение потерпевших кораблекрушение. Ориентировались по компасу и звездам, питались в основном планктоном. Папазовы решили доказать, что человек может и должен выжить и в таких трудных условиях.

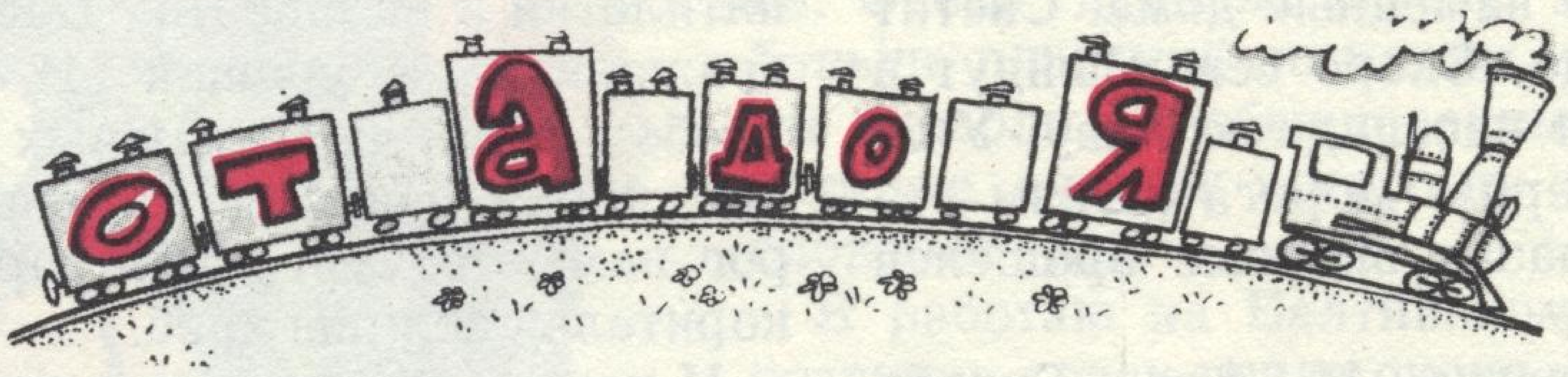
Свое первое путешествие Юлия и Дончо Папазовы совершили в 1972 году — за 26 дней они пересекли на шлюпке Черное море. В 1974 году они переплыли Атлантический океан от Гибралтара до Кубы и рассказали об этом опасном, полном приключений путешествии в своей книге «Под парусом через океан». Книга переведена на русский язык и вышла в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

В 1976 году болгарские исследователи уже проплыли новым маршрутом — пересекли Тихий океан. А сейчас готовятся к кругосветному путешествию, которое начинается этой весной у Гибралтара и закончится в 1981 году на мысе Доброй Надежды.

Зарубежная карикатура

— И кем же ты хочешь стать после окончания школы — безработным механиком, безработным служащим или безработным строителем?..

Карикатура с такой надписью в газете английских коммунистов «Морнинг стар» появилась не случайно: на Британских островах около ста тысяч выпускников школ остаются без работы.



СИОНИЗМ — реакционная идеология еврейской буржуазии.

Сионисты утверждают, что евреи — избранная нация, обладающая историческими правами на землю Палестины и соседние области. Своей воинствующей политикой сионисты стараются отвлечь еврейских трудящихся от революционной борьбы.

С момента основания государства Израиль сионизм стал государственной идеологией и главной своей задачей назвал расширение границ Израиля путем агрессии против арабских народов. Израильские сионисты стремятся убедить евреев, живущих в других странах, в правоте своих преступных действий.

Против сионизма в самом Израиле решительно выступает Коммунистическая партия Израиля, многие демократические организации. Равенство наций, доказывают коммунисты, возможно только в условиях социализма. Этому учит опыт Советского Союза, других социалистических стран.

ЗДРАВСТВУЙ, ЗЕМЛЯ ЦЕЛИННАЯ!

В. ЯКОВЛЕВ

Есть в Казахстане, в Кокчетавской области, совхоз «Симферопольский». Стоят посреди полевого раздолья ладные каменные дома. Светит в окнах весеннее солнце. Скоро сев. Выйдут в степь трактора, вспашут неоглядную ниву. Упадут в землю золотые зерна. Дорога людям эта земля. Четверть века назад впервые прошелся по ней плуг хлебороба...

Трудная, памятная весна 1954-го. Гудели вокзалы. Шли и шли эшелоны в Казахстан, в Сибирь, на Урал, в Поволжье. Звенела над эшелонами песня:

Вьется дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная!

Начиналась великая битва за хлеб, начиналось наступление на целинные и залежные земли.

Палатки, несколько вагончиков — вот и все, что было тогда в молодом совхозе «Симферопольский». А кругом — степь и степь, ковыльная, неприютная, ни деревца, ни кустика. То колючий буран, то иссушающий зной — неласково встречала новоселов целина. Будто в бой уходили трактора — борозду за бороздой поднимали тяжелую почву.

Много трудностей преодолели комсомольцы, приехавшие по призыву партии в Казахстан. В суровых испытаниях мужали и закалялись они. Смело, стойко, как их отцы на стройках первой пятилетки и на фронтах Великой Отечественной, сражались за урожай. И победили! Большим хлебом одарила отважных покоренная земля. Потекли в закрома Родины потоки зерна. Дорог нам этот согретый горячими сердцами покорителей целины хлеб.

И как вечная память о подвиге молодых горит на знамени комсомола орден Ленина.

Двадцать пятую весну встречают возрожденные просторы. Стоят на постаментах трактора, прокладывавшие первые борозды. Хранится в Музее Революции, рядом с самыми дорогими реликвиями советского народа, овеянная ветрами палатка первоцелинника Героя Социалистического Труда Михаила Довжика. Символом трудового мужества и отваги стали слова «целина», «целинник». С волнением, с гордостью за своих отцов и старших братьев, за наш народ читаем мы вдохновенные страницы книги Леонида Ильича Брежнева, посвященные легендарной целинной эпопее.

Светит весеннее солнце. Придет май, раскинется над домами, над улицами белое и зеленое кружево. Здравствуй, земля целинная! Вот какой красивой, цветущей стала ты.

Фотография Б. ЗАДВИЛЯ

О своей увлекательной профессии корабела рассказывает тебе Василий Александрович СМИРНОВ, бригадир судосборщиков ленинградского Балтийского завода имени Серго Орджоникидзе, дважды Герой Социалистического Труда.

На нашем Балтийском заводе строят лесовозы и рудовозы, танкеры и рефрижераторы. Сколько судов прошло через наши руки! Бывает, читаешь газету, а там сообщение, что экипаж научно-исследовательского судна посетил Антильские острова. Или фотография в «Правде» — «Атомоход «Сибирь». А ведь эти корабли сделаны нашими руками.

В детстве я с друзьями бродил по Ленинграду целыми днями. И чаще всего мы почему-то оказывались на Неве. Гранитные набережные, разводные мосты — и корабли. Я уже знал «в лицо» и по названиям все суда, стоявшие на Неве.

В Ленинграде всегда много моряков. И когда мы, мальчишки, их видели, замирало сердце. Океан, дальние страны манили. Но гораздо больше плаваний по морям меня привлекали сами корабли. Необыкновенными казались люди, которые сумели построить такие чрезвычайно сложные суда.

Я работаю на Балтийском заводе сорок лет, поступил сразу после окончания ФЗО (тогда так назывались профессионально-технические училища).

Трудовое «крещение» было у меня, когда ленинградским корабелам пришлось ремонтировать «Ермак» — крупный ледокол, построенный еще в 1838 году. Этим занимались рабочие Балтийского завода. Тогда во мне и поселилась уверенность, что в профессии своей я не ошибся.

И за все годы я ни разу не жалел о сделанном выборе, уверен, что так только и надо: хорошо все обдумать и решиться — раз и навсегда, на всю жизнь.

Цех, в котором работает наша бригада, называется стапельным. Стапель — наклонная площадка, на которой строится корабль. Стоят подъемные краны, вокруг корпуса судна высятся леса, подведено электричество. Мы, судосборщики, монтируем сам корпус корабля, нам

доверена самая ответственная часть работы. Поэтому приходится постоянно учиться.

Каждый корабль, который мы спускаем на воду, отличается от предыдущего. Меняется технология отдельных операций, появляется новое сложное оборудование. Например, сейчас мы применяем аргонную сварку. А несколько лет назад и не представляли, что это такое. Помнили только из школьного курса химии: «Аргон — это газ». Но когда стало необходимо работать с аргоном — все выучили и освоили.

К кораблю, который строишь, очень привыкаешь. Как строитель считает построенный дом своим, так и корабел думает о созданном корабле как о давнем и хорошем знакомом.

Несколько лет назад я был на Кубе. Нас с товарищами прекрасно встречали, мы были на заводах, предприятиях и, конечно, много гуляли по городу. Меня все время тянуло в порт. Первое увиденное в нем судно оказалось танкером «Братислава», над которым в свое время столько трудилась наша бригада. Я смотрел на вызывающее у всех восторг и удивление судно и чувствовал одно: гордость за свою работу.

В Англии, Франции и других странах я тоже видел стоящие на рейде суда, сделанные в нашем цехе. А однажды даже плавал на «своем» корабле.

На флоте есть традиция: вымпел корабля не умирает. Когда тот самый «Ермак», который я ремонтировал в тридцатые годы, состарился, построили новый корабль. И назвали тем же именем. «Ермак» продолжает служить и по сей день. Именно на нем мне и пришлось путешествовать.

Но самым большим праздником для меня стал спуск на воду атомохода «Сибирь». До этого я принимал участие в создании атомохода «Арктика». Сорок четыре месяца трудились рабочие всего завода над этим сложнейшим гигантом. Над «Сибирью» наша бригада работала «от и до», то есть от закладки судна до его спуска. И когда потом мы узнали, что «Сибирь» достигла Северного полюса, то у нашей бригады был самый радостный и торжественный праздник.

Чтобы у каждого человека был такой праздник, надо очень любить свою профессию.

Рисунки А. БОРИСОВА

Сами о себе

Счастье строить города

Недавно у меня был большой праздник, который бывает только один раз в жизни. Я стала комсомолкой. Как это здорово — иметь комсомольский билет, а на груди комсомольский значок! Очень хочется поехать на какую-нибудь комсомольскую стройку. Когда с XVII съезда ВЛКСМ на БАМ отправились первые строительные отряды комсомольцев, мне было одиннадцать лет. Я им завидовала и жалела, что не могу быть рядом. Теперь мне пятнадцать лет, еще немного — и я смогу тоже уехать на БАМ или строить новые города.

Вероника Вохмянина,
г. Минск.

Уеду к Сереже Каховскому

Прочитал я недавно книжку про Сережу Каховского: «Мальчик со шпагой». Понравилось мне, что у Сережи такие друзья верные. И что он каждого сам готов защитить.

Когда я читал эту книгу, был последний день перед Новым годом. За окном пурга бушевала... А мне показалось — море. Хотя у нас в поселке нет ни речушки, ни озера.

Удивительная вещь — море! Для меня это символ верности, дружбы, смелости, мужества. А у нас во дворе некоторые ребята считают, что самое главное — в море купаться можно...

В тот день я решил, что больше никогда не струшу.

Захотелось создать такой же отряд, как у Сережи Каховского. Попробовали. Учителя и ребята считают, что получилось. А мне кажется — нет. И я знаю почему. Потому что ребята мало вкладывали своих способностей, своей души в отряд. А я мечтал, как мы приедем в гости к Сереже Каховскому...

Мечтал, что мы идем плечо к плечу, рука к руке...

Мне трудно в школе — я тихоня... Так трудно, что иногда хочется все бросить и уехать к Сереже Каховскому...

Учусь я на тройки. Четверки редко бывают. И историй со мной никаких не происходит.

Юра К.,
Омская область.

Я стараюсь маму поддержать

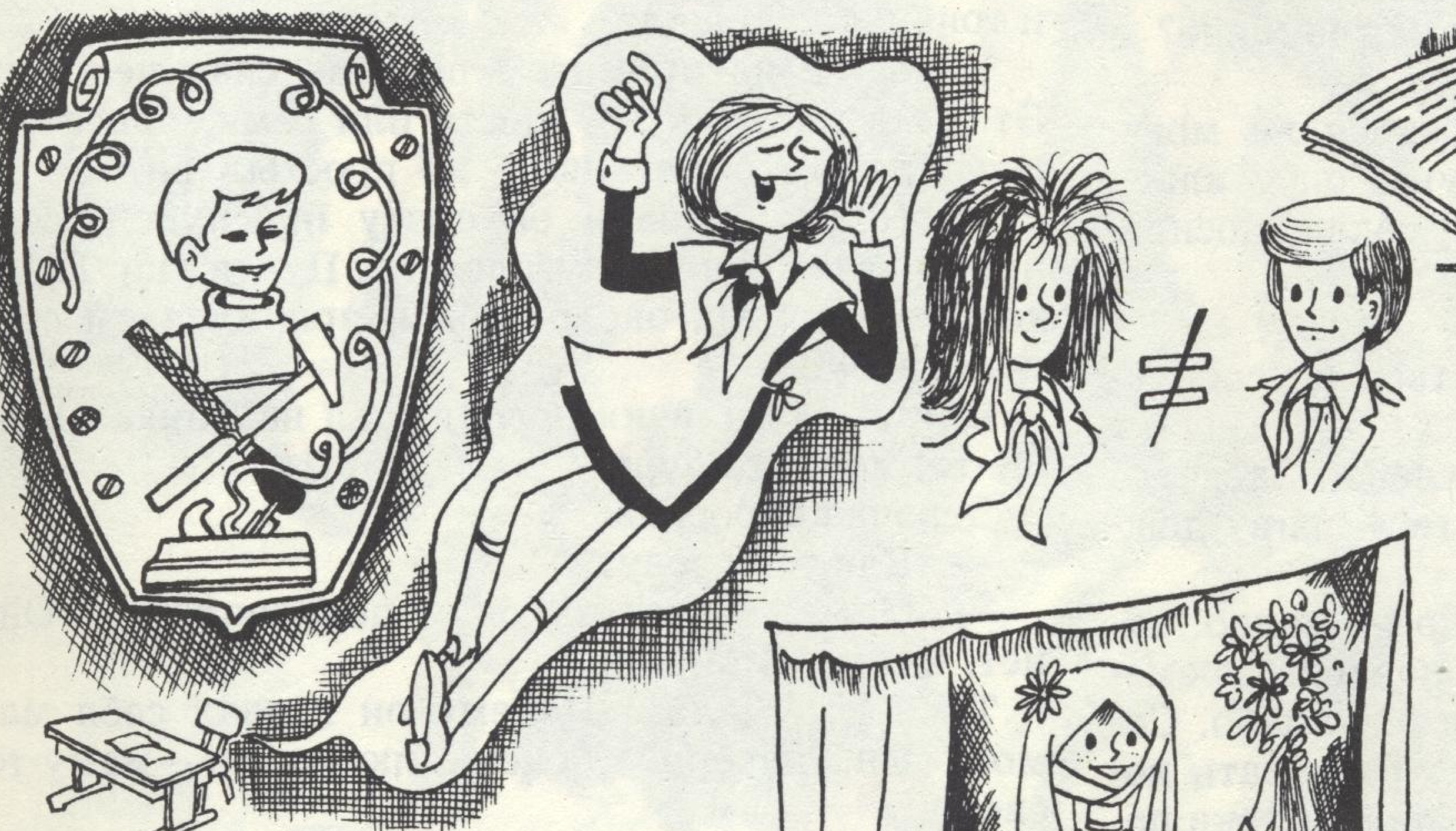
Иногда очень хочется увильнуть от работы по дому, особенно когда ребята во дворе тебя ждут. Но как представишь огорченное лицо мамы, сразу становится стыдно.

Мы живем вчетвером: мама, бабушка, дедушка и я. Мама и дедушка работают, бабушка на пенсии. Когда я был маленьким, мы вместе с мамой мыли посуду, стирали, а теперь я все это делаю сам.

Недавно мама искала в магазинах книжную полку, потому что в шкафу у нас книги уже не умещаются. И никак не могла найти. Я подумал, может быть, я смогу ее сделать сам? И сделал. Получилось. Потом я сделал подсветку для аквариума — она дорого стоит. Зачем маме тратиться?

Я очень люблю маму и всегда стараюсь ей помочь, поддержать ее.

Миша Кирюхин, 5-й класс,
г. Москва.



Болтушка

Меня часто осеняют идеи, которыми просто необходимо с кем-то поделиться. Как правило, это бывает на уроках. А надо вам сказать, что у меня замечательные соседи и по парте и по ряду — они сразу откликаются.

Иногда надо срочно выяснить (гораздо раньше классного собрания), кто что думает по поводу происшествия или ЧП. Вот и получается «оперативка на уроке», как мы ее называем. Вы сейчас скажете: «Зачем же на уроке? Можно поговорить в перемену или после занятий». Вы, конечно, правы. Замечания я за свой активный язык получаю, иногда по два за урок, но такая уж я болтушка. Не могу просидеть спокойно сорок пять минут.

Оля Пчелкина,
г. Павлово,
Горьковская область.

Репетировать? Сколько угодно!

Чем я только не увлекалась! В художественную студию ходила. Два раза начинала заниматься в музыкальной школе. В волейбол играла. А потом все бросила. Родители уже начали беспокоиться: «Что из тебя выйдет? Ни одного дела не можешь довести до конца».

И вот однажды в классе был вечер, посвященный творчеству молдавского писателя И. Крянгэ. Мы поставили пьесу по его повести. Наш вечер всем очень понравился, особенно старшей пионервожатой. Оказывается, она раньше работала руководителем драмкружка. Вожатая предложила организовать в школе театр. Я сразу записалась.

Пьесу поставить совсем не просто. И костюмы мы сами шьем и декорации делаем. В театре мне очень нравится. Я готова репетировать сколько угодно.

Анжела Гуцу,
с. Цауль, Молдавская ССР.

Хочется выглядеть современно

Знаете, какая самая злободневная тема сейчас у нас в школе? О чем спорят на переменах? Из-за чего обижаются на учителей? Прически мальчиков.

Учителя хотят, чтобы мы стриглись коротко. Мы — за современные стрижки. Показывали учителям статью из «Пионерской правды» — газета рекомендовала именно такие стрижки, какие нравятся нам. Не убедили.

Только не подумайте, что мы интересуемся исключительно своей внешностью. Мы и учимся неплохо и увлечения у нас есть: кто спортом занимается, кто музыкой, кто в технические кружки ходит. Просто нам хочется выглядеть современно.

Андрей, Станислав, Игорь, Сергей, Михаил,
г. Оренбург, школа № 22.

С. РОМАНОВСКИЙ

Двое в седле

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА

Зазеленела степь, и ветер издалека приносил в поселок нежнейший, с горчинкой, запах тюльпанов.

Таня оседлала Пургу — светло-желтую лошадь с черным хвостом и гривой. И задумалась:

— Ехать поглядеть на цветы или не надо?

Укорила себя:

— Собираюсь и никак собраться не могу.

Она протяжно свистнула, и Пурга опустилась на колени. Девочка взобралась в седло, посидела, разбирая спутанную гриву лошади.

— Поехали, Пурга.

Та прядала ушами, а подниматься не собиралась.

— Ехать в Тихую Долину далеко. Засветло приедем — к ужину вернемся. Я тебе гриву дождевой водой вымою.

Пурга встала и пошла не шатко не валко, задевая копытом о копыто, отчего подковы гремели, и было понятно, что держатся они слабо. Самое время подковать или на лето расковать кобылицу, чтобы босиком, без железной обувки побегала она по росе, чтобы ноги у нее отдохнули.

Таня тряхнула поводьями, выпрямилась и увидела, что степь раздалась, а небо стало выше.

Озимые обступали дорогу, стлались до небосвода, лоснились, и ветер гнал по степи, как по морю, зеленые волны. Они подкатывались под ноги лошади, закипали прибоем и пахли хлебом. Вились жаворонки и пели песни о том, что лучше этой степи нет места на земле — во всяком случае, они не встречали лучше.

— Легче, Пурга, легче! Тебе нельзя спешить.

Но кобылица не слушала всадницу и, высоко задирая косматую голову, неслась среди холмов.

Предчувствие встречи с цветами и чего-то еще сжало и отпустило сердце Тани.

Без приказания Пурга легла на траву, и девочка, как с горки, скатилась с лошади. Таня шла по Тихой Долине, а цветов не было. Она нагибалась и пальцами искала и не находила в жирной земле луковиц тюльпанов.

Местность пошла незнакомая с водороинами и овражками, каких прежде не было, и Таня остановилась. Там, где она только что прошла, следа не осталось и трава распрямилась.

Да и там ли она прошла? Куда теперь? Пурга бы вывезла, куда надо, да не видно ее. Где же она?

Таня потерянно свистнула и не расслышала сама себя.

Она собралась с духом, свистнула раз, другой, третий, отчетливей, звонче, и топот, словно эхо, отозвался ей.

Это Пурга бежала к хозяйке, и солнце багрово загоралось на ее подковах и гасло.

— Буланая ты моя! Хорошая...

Лицом Таня прижалась к теплому боку лошади и услышала, как в Пурге гудит тяжелое сердце. А рядом с ним еле-еле прослушивается шевеление и толкается, быть может, другое сердечко, быстрое, как колокольчик, как жилка на виске, когда бежишь долго-долго, а после упадешь в траву и дышишь часто-часто и не надышишься.

— Жеребеночек. — Таня гладила упругий живот лошади. — Говорила я тебе: «Не бегай». Береги его.

Пурга пошла по Тихой Долине, остановилась и тоненько заржала.

У ног ее на примятом пятачке спал человек. Это был мальчик лет шести или семи, простоволосый, губы обметаны — не простыл ли?

От голоса лошади он сразу проснулся, сел, протер глаза, не испугался ни Пурги, ни Тани, нашарил прутик около себя и принялся им стегать траву.

При этом мальчик поглядывал на Таню: дальше-то, мол, что будет?

Девочка спросила:

— Как тебя зовут?

— Мама, — ответил он и поправился: — Ой, нет, не мама. Миша.

Таня подумала: «Почему он назвал себя мамой? Он, наверное, очень любит ее — маму-то свою...»

А вслух спросила:

— Ты заплутался, Миша?

Мальчуган молча хлестал траву прутиком.

— Ты не бей траву, — попросила Таня. — Ей, Миша, больно.

Он поднял на Таню глаза и спросил с насмешкой:

— Ее, что ли, надо гладить?

Но сечь траву перестал, и девочка спросила:

— Тюльпаны нынче цвели? Не помнишь?

Миша подумал и ответил:

— Мама говорила: «Они позднее цветут. Когда тепло будет».

— Ты откуда?..

— Мы из Алани.

— Она же в семи километрах отсюда! Чего же ты так далеко убежал, Миша? Заигрался? Я тебя на лошади в Алань отвезу.

Мальчик не удивился, когда Пурга по Таниному знаку опустилась перед ним, устроился в седле между рук наездницы, которыми она держала поводья. И был он такой маленький, что девочка боялась дышать на него, и слышала, как он пахнет молоком, теплом и травой.

— Сколько тебе лет, Миша?

Он ответил:

— Наверное, пять.

— В школу когда пойдешь?

— На будущий год.

— Так тебе шесть лет!

Он повернулся к ней лицом и согласился с радостью:

— Шесть! А то и семь!

— Чего это у тебя на лице? — спросила Таня и с прихлынувшей к горлу материнской нежностью рукавом стерла желтую корку, обметавшую рот мальчугана.

— Не заболел ты?

— Это я жавороночьи яйца пил.

— Много?! — ужаснулась Таня.

— Одно. Три. Еще восемь.

Девочка подавленно молчала. Потом спросила:

— С кем ты живешь, Миша?

— С мамой.

— И больше никто с вами не живет?

— Больше никто.

Над степью в темном небе горели звезды, а здесь внизу стало словно бы тесно, глуше, и то тут, то там синели холмы или строения без огней, и Таня, предоставляя Пурге самой находить дорогу, опустила поводья.

Не говоря ни слова, Миша на ходу лошади стал выбираться из седла.

— Ты куда? — Таня насилу удержала его обеими руками.

— Там мамка!

— Где?

— Вон меня кличет.

Впереди у дороги, что блестела под звездами, как река, стояла женщина в белом платье, белела в темноте.

— Мишаа-ааа! Мишенька-ааа! Мишаа...а! — звала она. — Сыночко ты мое!.. Дитятко... Зернышко...

Таня остановила лошадь.

— Тут я! — сердито отозвался мальчуган, по ноге Пурги, как по столбу, скользнул на дорогу и побежал навстречу женщине в белом.

Мать и сын растаяли, как и не было. Таня поехала туда, куда, по ее догадке, они скрылись, и деревня Алань открылась в низине слабыми огнями. Их было немного, но который из них огонь Миши, угадать было нельзя.

— Да и не надо угадывать, — подумала Таня. — А если надо? Если я ему пригожусь? Научу его чему-нибудь доброму?

Пурга возвращалась по степи к дому, задевая копытом о копыто. Подковы хлябали, и по звуку их было понятно, что одну подкову кобылица где-то обронила. Не в Тихой ли Долине, где ноги уходили в податливую землю, а травы цеплялись за одежду?

Таня ежилась в седле и все собиралась поторопить Пургу, чтобы быстрее попасть домой, в тепло, к родителям, да не смела. Девочка представляла себе, как Миша спит сейчас под одеялом, а мать прислушивается к его дыханию и шепчет:

— Сыночко!.. Дитятко... Зернышко...

И еще девочка представляла себе подкову, что месяцем светится в мокрой траве, и звезды смотрят на нее, на Тихую Долину, на степь с темного неба...

ЗАЛ МУЛЬТ-ФИЛЬМА ПЕРЕМЕНКИ

ФИЛЯ

А. АЛЕКСАНДРОВ

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Стоит за окошком апрель

Елене Благининой

Закрою глаза я и вижу:
Стоит за окошком апрель,
Сосульку ребристую лижет,
Ладошками
Ловит
Капель.

Горят от счастливой улыбки
Шубенка его и треух,
И весь он — веснушки да цыпки —
Такой замечательный друг!

И вот уже мячик в кармане,
Резное веселко — в руке.
За скотным двором на поляне
Нам тесно, как льдинкам в реке.

А там и походы на лодках
В просторах непуганых птиц,
И войны в грачиных слободках,
И полные шапки яиц.

А дни все длиннее и краше,
Поют, заливаясь, скворцы,
И мельницы крыльями машут,
И звонко стучат кузнецы.

И хочется бегать и прыгать,
И хочется всюду успеть,
Ногами от радости дрыгать,
От счастья
Смеяться
И петь!

Утром весенним

Утром весенним, искрясь и звеня,
Молния радости будит меня.
Прочь одеяло! Встаю, изумленный
Пением птицы на ветке зеленой,
Тучками в небе, веселой рекой,
Звонким мячом у меня под рукой.
В солнечном блеске весеннего дня
Столько чудес ожидает меня!

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С МАМЫ

Сделать на свете
многое сможем —
в глубинах морских
и в космических тоже;
к тундре придем
и к пустыням горячим,
даже погоду
переиначим!
Дел и дорог
будет в жизни немало...
Спросим себя:
ну, а где их начало?
Вот он, ответ наш,
правильный самый:
ВСЕ, ЧЕМ ЖИВЕМ,
НАЧИНАЕТСЯ
С МАМЫ!

ЗВЕЗДОЧКА

Звездочку вижу
в темном окне.
Ей все не спится.
Не спится и мне.
Мы от бессонницы
прямо измучились:
мы по весне
очень сильно соскучились.

Снова послушать бы
звездочке той
жаворонка
над росою густой,
с неба упасть
перед зорькою розовой
и на листве закачаться
березовой...

Звездочка смотрит,
чуть слышно звеня.
— Ты не горюй,—
утешает меня.
Вот подмигнула:
мол, скоро весна!..

Я засыпаю.
Спит и она.

* * *

Всем цветам в разгар весны
снятся красочные сны.
Ромашку радуют весной
сны бело-золотые,
а колокольчик под сосной —
зелено-голубые.
Тюльпану снится алый сон,
сиреневый — сирени.
Вот василек. Ждет лета он,
чтоб стали сны синée...
Цветы уснут нена́долго,
а утром, там и тут,
все вместе, словно радуга,
для нас с тобой цветут.

БЕГСТВО СНЕЖНОЙ БАБЫ

Во дворе —
из снега баба.
Рост отличный, метра два.
Лишь со слухом что-то слабо:
баба путает слова..

Ночь зашепчет:
— Быть весне...
Баба вторит:
— Был бы снег...

День звенит:
— Лучей вам с неба!
А она:
— Ключей от снега!

Все хохочут:
— Ну и смех!..
Баба — эхом:
— Нужен снег!..

Я вчера
сказал ей честно:
— Завтра первый вешний день!
А она —
все ту же песню:
— Завтра снежная метель...

Но сегодня
в полдень самый,
заявив свои права,
снег прорезала упрямо
первой стрелочкой
трава.
Двор водой покрылся талой,
и ручей загомонил,
и к воротам побежала
баба наша
вместе с ним.

Сжалась вся перед побегом.
— Ждите...
Сбегаю за снегом...

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Рисунок В. ДУДКИНА

УЛИЦА КОСИНСКАЯ, 24

Вспомни, возможно, был в твоей жизни такой момент, случай — на твоих глазах совершилась несправедливость, а ты не позволил себе отступить, спасовать, сказать: «Мне-то что!» И стал сильнее, старше, увереннее в себе.

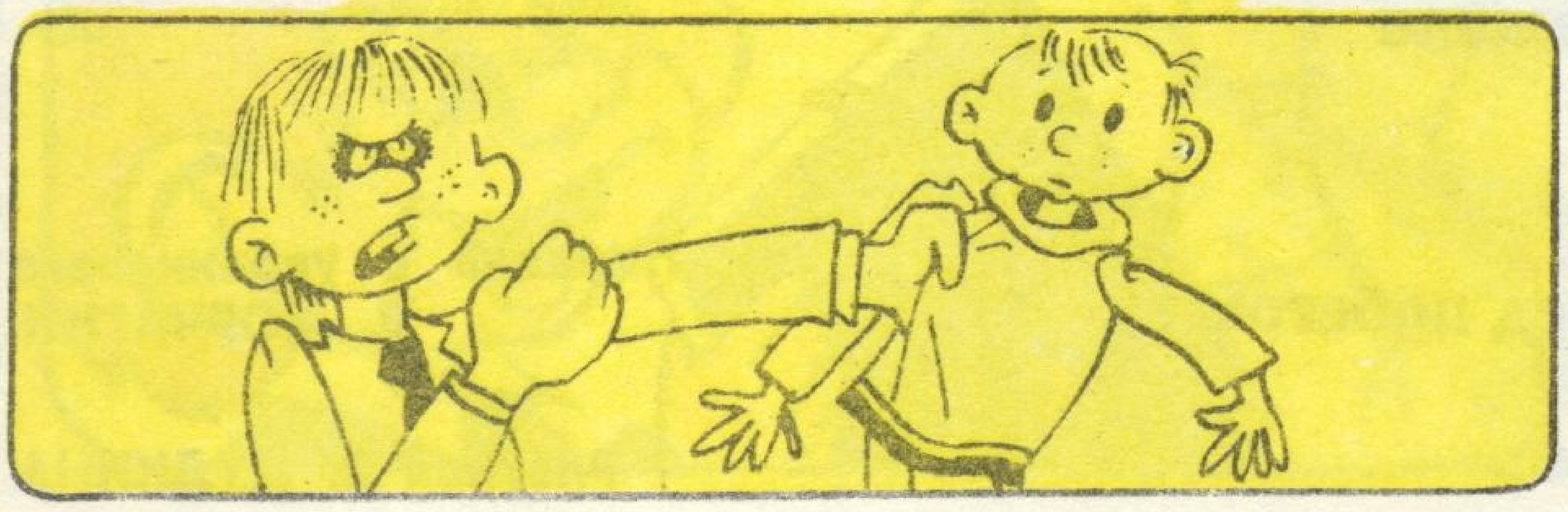
О человеческом достоинстве, о гражданском мужестве, о твоей жизненной позиции — наш сегодняшний разговор с тобой и твоим отрядом, шагающим по маршрутам Марша.

«Мелочь» вовсе не мелочь

...Операция называлась «МЕЛОЧЬ». Каждый день группа ребят из отряда «Дзержинец» выходит в рейд к киноконцертному залу «Энтузиаст». И вот однажды они заметили, что взрослые парни лет шестнадцати отбирают деньги у малышей. А потом это повторилось еще и еще раз. Можно, конечно, подойти, вмешаться сразу. Но надо еще доказать, что деньги отбирают силой. Разработали план действий.

Самые младшие из отряда — те, кому одиннадцать-двенадцать, — стали тоже приходить к кинотеатру. Только начнут у них вымогатели деньги требовать — подходят старшие. Тут уж не отвертишься — факт налицо. И тогда надо не побояться вступить в открытый бой с хулиганами.

Они победили. Они оказались сильнее. Не физически. Нравственно. Они знали, за что воюют. Не побоялись встать на защиту справедливости. Научились не испытывать страха перед злобной силой.



Нелегко объяснить, почему в один прекрасный день ты решительно шагнул вперед и сказал хулигану: «Не смей!» Важно запомнить эту минуту отчаянной решимости на всю жизнь. И постараться поступать так всегда. И крепко запомнить, что в одиночку много не сделаешь. Надо, чтобы с тобой были друзья, единомышленники. Ищи их! Они рядом. В твоем городе или селе, в твоей школе, в твоем классе.

Рассказ Николая МАКАРЕНКОВА, комсомольца, руководителя отряда «Дзержинец» Перовского района города Москвы

В классе я всегда был одним из самых слабых. Мне часто доставалось от Сан Саныча и его приятелей, ребят, которые в нашем классе верховодили. А дать им отпор не хватало смелости и сил. Я приходил в школу раньше всех, а на переменках прятался по пустым классам. Пожаловаться взрослым не смел. Это считалось предательством. Да и гордость мешала.

Как-то раз я стоял на пустыре за школой, смотрел, как играют в футбол. Ко мне подошел Сан Саныч с компанией и высыпал на землю из мешка пять маленьких котят. Потом принесли лопату и стали копать яму. Когда котят бросили в яму и стали засыпать землей, что-то со мной случилось. Я схватил Сан Саныча за руку и сказал: «Не надо!», потом зажмурился, ожидая удара. Но меня никто не ударил. Ни тогда, ни позже. Сан Саныч с тех пор перестал ко мне приставать. И я понял: эти «силачи» хорохорятся перед слабыми. Сильных они боятся.

Теперь, став взрослым, я все время говорю своим дзержинцам, что самое главное не подать даже виду, что боишься хулиганов. Если начнешь заискивать — пропадешь.

После этого случая я старался пересиливать страх всякий раз, когда нужно было защищать слабого, справедливость, свою точку зрения. Мне удалось сделать так, что та минутная решимость, которая неизвестно откуда во мне взялась однажды, осталась со мной навсегда. Жить стало легче. Особенно когда сколотилась компа-

ния пусть из таких же слабых ребят, каким раньше был и я.

Найти друзей, единомышленников лучше всего в общем деле. Несколько человек из нашего класса увлекались радио, и я в том числе. Я предложил этим ребятам почаще ходить в комнату, где был радиоузел. Мы собирали приемники, сначала детекторные, потом ламповые, сделали усилители для школьного ансамбля. Так мы подружились — у нас были общие интересы.

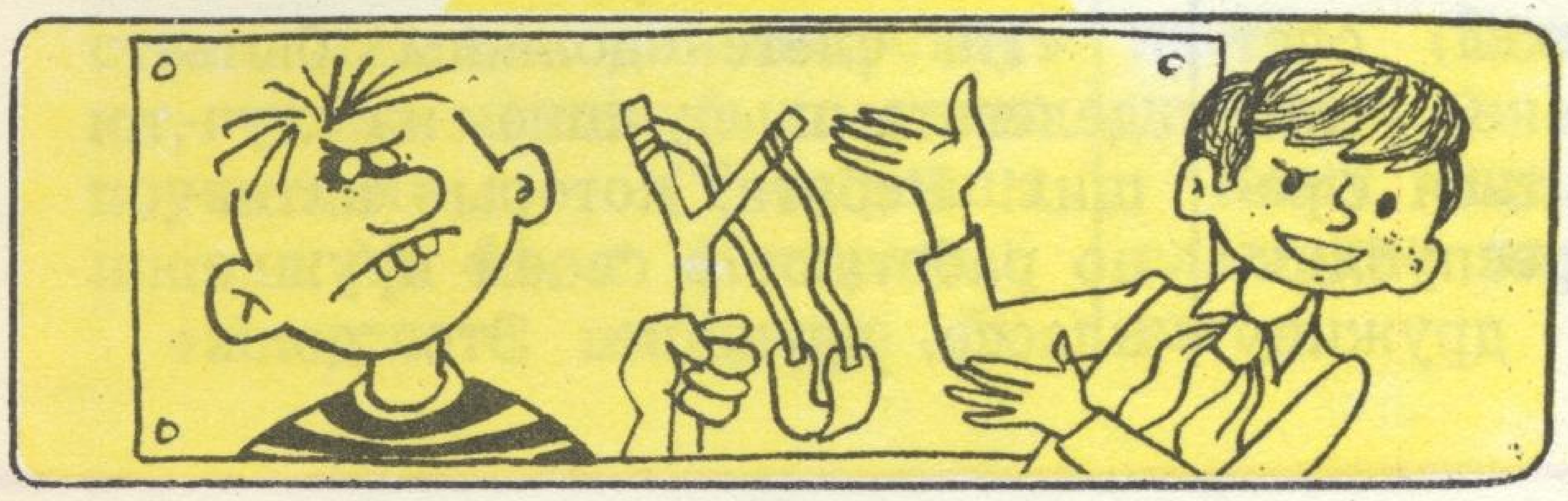
Оказалось, что, кроме радиотехники, у нас вообще много общего. Мы стали часто собирать-

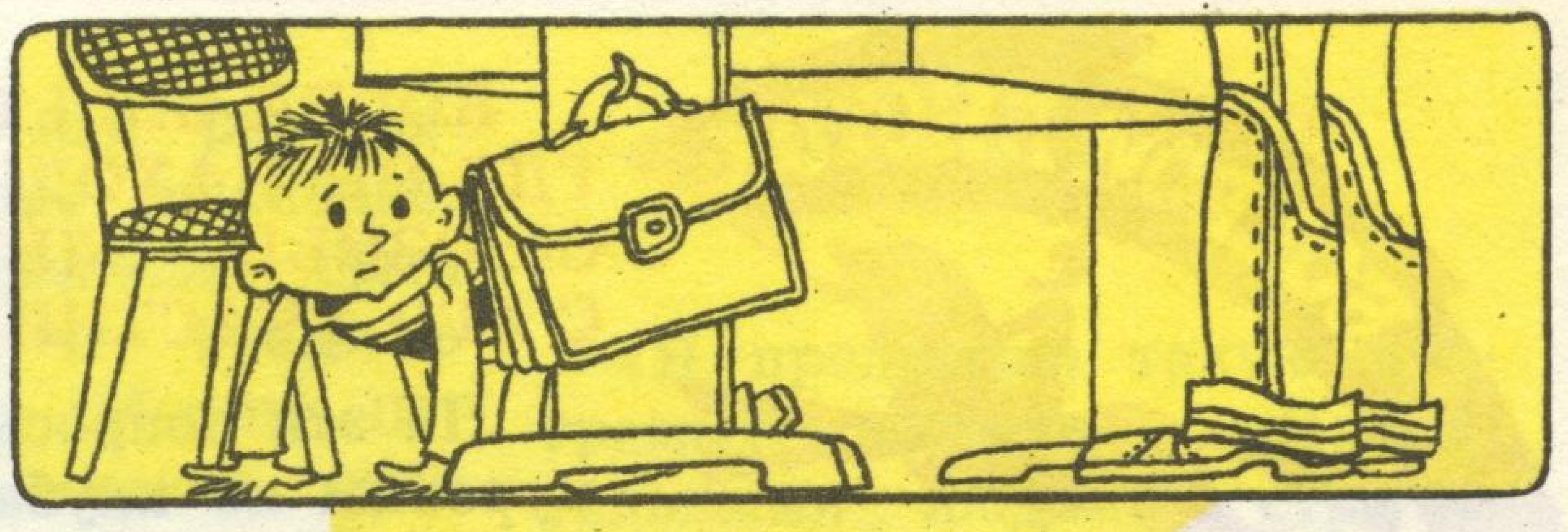
ся у кого-нибудь дома, слушали музыку, спорили о книгах, об искусстве. На стадионе, в бассейне, в кино — всюду мы стали бывать вместе.

Однажды утром я дежурил в школе. Один парень из компании Сан Саныча, «Пятачок», хотел прорваться в класс без сменной обуви. Я его не пустил.

Я знал, что просто так дело не кончится, и мы с ребятами договорились после уроков выйти из школы вместе. Нас уже ждали. Когда они увидели, что мы идем все вместе и настроены решительно, никто из них не сказал ни слова. Они отступили. Они, а не мы.

Теперь мы больше не боялись этих ребят и





на следующий день пригласили кое-кого из компании Сан Саныча к нам в радиоузел! Оказалось, что среди них были неплохие ребята.

Через несколько дней я рассказал всем нашим про свою мечту: создать во дворе отряд Юных Друзей Милиции — ЮДМ. Идея понравилась. Название выбрали «Дзержинец», а начать решили с занятий в секции самбо. Выпросили в жэке комнату и стали заниматься самбо. Секция росла, маленькой комнаты при жэке уже не хватало. Перебрались в спортзал.

Месяца через три, когда появились первые успехи, поняли, что теперь уже не страшно выйти в рейд по улицам, чтобы помогать старшим охранять порядок в районе. Патрулировали на улицах, дежурили на школьных вечерах, защищали слабых.

Прошло несколько лет. Теперь в отряде около трехсот человек. Это уже не группа энтузиастов, это боевой отряд, который и за себя посто-

ит и других в обиду не даст. Мы по-прежнему занимаемся самбо, криминалистикой, изучаем уголовный кодекс, историю советской милиции. И, конечно, не забываем про наше главное дело — стоять на страже порядка, справедливости.

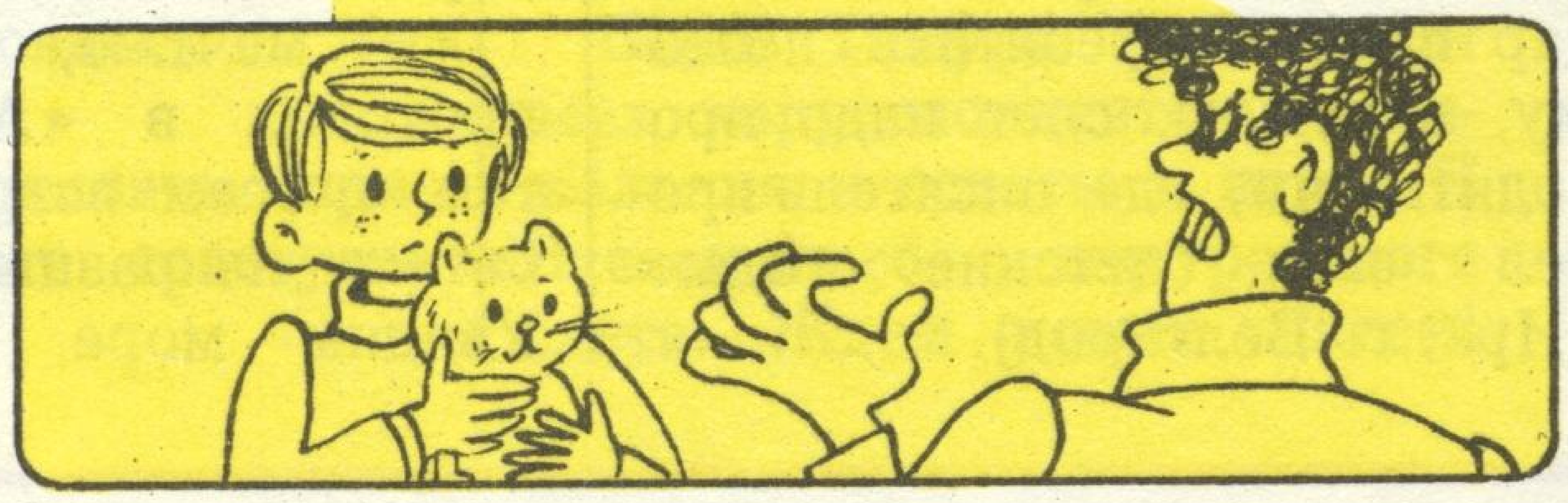
Когда мы с Николаем Макаренковым жали друг другу руки на прощание, к нам подбежали два запыхавшихся паренька лет десяти.

— Дядя Коля, дайте, пожалуйста, ключи от штаба. Фотографии печатать будем.

Это были юные фотокоры отряда «Дзержинец». Они наладили выпуск листовок с фотографиями нарушителей. Кому приятно увидеть себя на доске объявлений и прочитать: «Задержан отрядом «Дзержинец» у кинотеатра «Энтузиаст». Отбирал мелочь у малышей».

Фотокоры схватили ключи и побежали в штаб. Им нужно было успеть все сделать за час. Сегодня вечером они в первый раз идут патрулировать вместе со старшими.

П. МАМОНОВ



Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

БОЕВОЙ ЛИСТОК

КОГДА БЫЛ СОЗДАН ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА? ГДЕ ОН НАХОДИТСЯ? КОГДА И ГДЕ СОСТОЯЛСЯ I ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ ТИМУРОВЦЕВ? ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ТЫ С ЕГО УЧАСТНИКАМИ?

На эти вопросы «Боевого листка» лучше всех ответили тимуровцы из клуба «Сильные духом» из города Вольногорска Днепропетровской области.

ВСЕСОЮЗНЫЙ ШТАБ ТИМУРА

Все тимуровцы хотят знать друг о друге, дружить: вместе и работать и придумывать новые тимуровские дела интереснее. Объединиться и подружиться в общем деле помогает тимуровским командам и штабам Всесоюзный штаб Тимура. Он был создан в ноябре 1972 года при редакции журнала «Пионер».

В штаб можно написать письмо, когда хочешь посоветоваться, что-то узнать или рассказать о своей работе, о себе.

Во Всесоюзном штабе Тимура хранится флаг I Всесоюзного слета тимуровцев. На голубом фоне красная звезда и штурвал. Этот флаг реял на самой высокой мачте «Артека» в дни слета.

СЛЕТ В «АРТЕКЕ»

I Всесоюзный слет тимуровцев был посвящен семидесятилетию со дня рождения Гайдара. На слет собрались 3 460 делегатов со всех концов нашей страны. Они привезли с собой рапорты, альбомы, дневники с рассказами о своей работе. На конференции «А. П. Гайдар и тимуровцы 70-х годов» ребята обменялись опытом, наметили план будущей работы.

В первый день слета тимуровцы организовали праздник «Радость людям». Ранним утром они отправились на крымские поля и виноградники, чтобы помочь взрослым. Еще в этот день они собирали шиповник и лекарственные травы, выступали с концертами в санаториях, колхозах, школах, детских садах.

На I Всесоюзном слете было принято Обращение ко всем тимуровцам. Вот строчки, которые нам запомнились больше всего: «Дорогие друзья! Будем бережно и свято хранить лучшие тимуровские традиции, будем хорошо и отлично учиться, активно участвовать в трудовых делах старших, заботиться о ветеранах войны и труда, семьях погибших воинов, шефствовать над памятниками и обелисками, над детскими домами и больницами, детскими садами и площадками, помогать малышам, беречь и охранять природу, озеленять улицы городов и сел, вести беспощадную борьбу с лентяями, выскочками и зазнайками. Создадим новые тимуровские отряды, команды, штабы в каждом дворе и на каждой улице всех городов и сел нашей страны».

СЛОВО ТИМУРОВЦАМ

Скоро II Всесоюзный слет тимуровцев. Чтобы лучше подготовиться к этому событию, в десятом номере нашего журнала за прошлый год мы задали всем тимуровцам несколько вопросов. Вот что они нам ответили.

ГДЕ проводить II Всесоюзный слет тимуровцев?

«Нам кажется, что слет надо провести на Черкасщине, в г. Лепляве, где сражался и погиб Гайдар» (пос. Северный, Бурятская АССР).

«...или в Арзамасе. Гайдар писал о ребятах, поэтому, я думаю, слет надо проводить там, где писатель провел свои детские годы» (Ира, г. Белгород).

«А мне кажется, что лучше проводить слет в «Артеке» или «Орленке». Хотя я и не была в этих лагерях, но хорошо знаю, что там есть школы пионерского актива. Они помогут тимуровцам в дальнейшей работе» (Таня Александрова, г. Агрыз, Татарская АССР).

«Я мечтаю, чтобы слет проходил в «Артеке». Мы там сумеем встретиться с ребятами из разных республик. Увидим море и дружину «Янтарную», где бывал Гайдар» (Ности Микоян, г. Москва).

А что думаете об этом вы?

КОГО и КАК избирать делегатом слета, за КАКИЕ дела?

«На слете должны быть делегатами лучшие из лучших. Ребята, которые активно работают в своем кружке, классе, дружине. Это долж-

ны быть надежные товарищи. Еще они должны хорошо знать жизнь Гайдара и его книги» (Люда Коваленко, г. Москва.)

«Недавно я видел по телевизору, что открылся новый музей А. П. Гайдара. Чтобы сделать такой музей, ребята сами заработали деньги. Я думаю, на слет надо пригласить ребят, которые создали лучшие музеи Гайдара» (Юра. Новиков, г. Кокчетав, Казахская ССР).

«Я думаю, что сначала в каждом большом городе, в каждом областном центре надо провести свой слет. Пусть все ребята участвуют. А потом уже победителей — тех, на кого отряд может надеяться, — послать на Всесоюзный слет. Тогда получится, что все ребята-тимуровцы побывают на слете. Кто на своем областном, а кто и на Всесоюзном» (Ности Микоян, г. Москва).

«Все тимуровцы попасть на слет, конечно, не смогут, их очень много. А интересное есть даже в самой маленькой тимуровской команде. Было бы здорово, если бы в адрес слета ребята прислали альбомы, в которых тимуровские команды, клубы, школьные музеи рассказали бы о своей работе» (Тимуровцы, г. Уральск, Дом пионеров № 2).

Ваши предложения, ребята!

КАКИЕ вопросы тимуровской работы в наши дни обсудить на слете?

«На слете предлагаем обсудить: «Что нужно, чтобы отряд был дружным и как дать отпор всем «квакиным».

На слете мы хотели бы услышать, как работают ребята в зонах тимуровского действия, над кем они шефствуют, чтобы можно было у них поучиться» (Тимуровцы школы № 41, г. Кострома).

«На слете интересно будет послушать, как развивается тимуровское движение. Сейчас дела должны быть другие, потому что время не стоит на месте. Можно помечтать о том, какие дела предложил бы ребятам Гайдар в наши дни» (Тимуровцы, г. Северодвинск).

«Надо подумать и обсудить, чем комсомольцы школы, района могут помогать тимуровцам» (отряд «Чайка», дер. Сендимиркино, Чувашская АССР).

«На слете можно поговорить об успеваемости тимуровцев» (Юра Новиков, г. Кокчетав, Казахская ССР).

Какие еще вопросы надо обсудить на слете?

С КАКИМИ почетными гостями слета хотели бы вы встретиться?

«Интересно было бы встретиться на слете с родными и друзьями Гайдара, с героями его очерков, с писателями, художниками, композиторами, кинорежиссерами, со всеми, кто работает над книгами Гайдара. Хорошо было бы встретиться с тимуровцами разных поколений, с тимуровцами других стран» (Тимуровцы, Дом пионеров, г. Уральск).

«Еще я хочу пригласить на слет всех, кто участвовал в спектакле Детского музыкального театра «Наш Гайдар» (Н. Денисов, г. Москва).

«Почетными гостями могут быть моряки с Малой земли и летчики-космонавты» (Таня Александрова, г. Агрыз, Татарская АССР).

«На слете мы хотели бы увидеть Андриана Сергеевича Розанова, он знал Гайдара в детстве, был его другом. Сейчас он живет в нашей области» (Тимуровцы, г. Лениногорск).

Кому еще прислать приглашение на слет советуете вы?

КАКОЙ вы видите программу слета?

«Я предлагаю такую программу: встреча с замечательными людьми страны, спортивный тимуровский праздник, викторина «Чему я учусь у Гайдара». Тимуровцы помогают пожилым людям, маленьким детям, они должны все уметь. Поэтому предлагаю на слете провести конкурс «Умелые руки» (Таня Александрова, г. Агрыз).

«Мы за то, чтобы делегаты слета провели трудовые десанты, а заработанные деньги передали на создание памятника Гайдару.

Еще предлагаем, чтобы на слете все тимуровцы сделали большую карту тимуровских дел» (Тимуровцы, Дом пионеров № 2, г. Уральск).

«Предлагаем провести на слете огонек дружбы, вечер «Встреча всех поколений», фестиваль песни. Если слет будет весной, предлагаем делегатам слета посадить аллею Гайдара» (школа № 52, штаб Тимура, г. Таллин).

«На слете хотелось бы увидеть новые фильмы о Гайдаре: «Конец императора тайги» и «Последний бой».

«Хорошо бы к слету выпустить новые пластинки, диафильмы, книги о Гайдаре и тимуровцах» (Тимуровцы, г. Северодвинск).

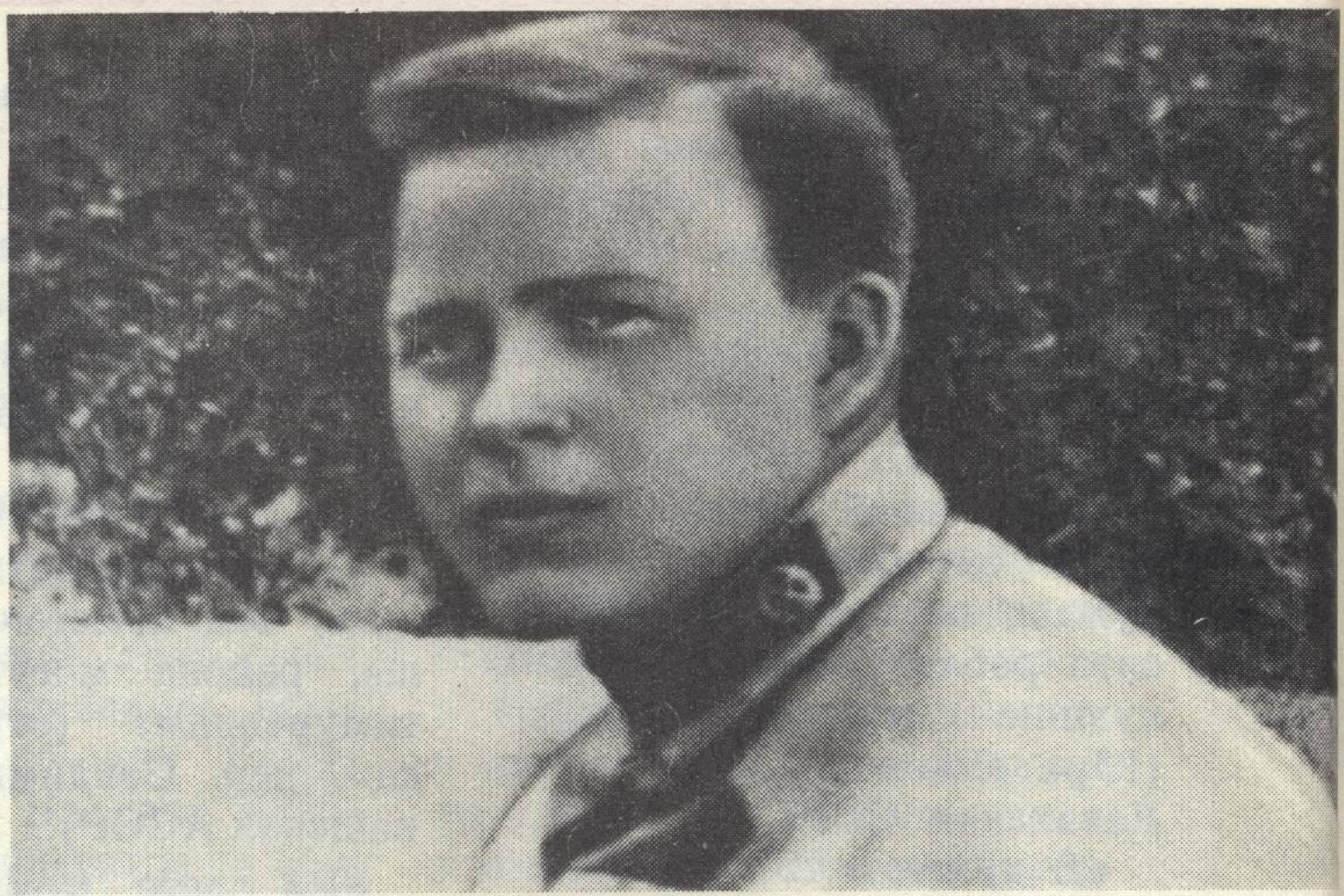
«На слете хорошо бы разучить песни тимуровцев, чтобы, вернувшись, ребята смогли научить других» (Л. Наумова, г. Москва).

«Нам хочется, чтобы на слете был карнавал литературных героев Гайдара. И еще можно провести игру на местности со всякими тайными письмами, чтобы этой игрой командовал военный» (Лариса Шестакова, г. Москва).

Штаб Тимура благодарит всех корреспондентов за пожелания и советы в адрес II Всесоюзного тимуровского слета. Ждем новых писем!

В. КАВЕРИН

Таким запомнился Гайдар



Аркадий Гайдар весной 1924 года.

Я редко встречался с Аркадием Петровичем Гайдаром и тем не менее сохранил о нем очень яркое, очень живое впечатление. Это произошло потому, что он был человеком необычайно прямодушным, который не только ничего никогда не скрывал, а, напротив, стремился раскрыть себя, возможно полнее передать другим то, что его волновало. Причем это соединялось с необыкновенной доверчивостью, которая была его характерной чертой. Когда мы с ним впервые познакомились, он был совсем еще мальчиком, ему было, я думаю, лет восемнадцать. Я был года на два старше его. Вдруг появился в литературных кругах Петрограда крупный, беленький, очень добродушный — это было видно с первого взгляда, — открытый, прямодушный юноша. «Серапионовы братья» — это было небольшое литературное общество, из которого вышли впоследствии известные писатели, — отнеслись к нему с доверием и вниманием. Он не был одним из нас, он только что начинал писать. Весь жизненный опыт его ограничивался гражданской войной — это было и много и мало. Среди нас тоже были участники гражданской войны, но гораздо старше, чем Гайдар, — такие писатели, как Н. Тихонов, М. Зощенко, — широко образованные, прекрасно знакомые с мировой литературой. Именно этого в те годы не хватало Гайдару.

В ту пору затевался новый альманах «Ковш». И редакторы этого альманаха — тоже «Серапионовы братья» — сразу нацелились на молодого автора, который только что закончил свою первую книгу «В дни поражений и побед». Она была написана неопытной рукой, но дарование было заметно, и рукопись решили опубликовать.

Какие еще его черты тогда запомнились мне? Он рвался к знаниям. За время войны он многое упустил, было не до чтения. Зато теперь он не терял ни минуты. Он кинулся даже изучать французский язык. И мы, признаться, над ним немножко посмеивались, потому что ему хотелось очень быстро, в два-три месяца, справиться с этим нелегким делом. А потом через год или полтора Аркадий Голиков — так его звали — исчез. Но зато в литературных кругах через некоторое время появился Аркадий Гайдар. И я с большим удивлением узнал, что наш добродушный белокурый юноша печатается под псевдонимом «Гайдар» в московских журналах.

Впоследствии оказалось, что свой псевдоним он выбрал совсем не случайно. Гайдар — это передовой конник монгольских дозорных. По-нашему, если употребить старое морское выражение — впередсмотрящий, вот что значит Гайдар.

Его новые рассказы, написанные после хроники «В дни поражений и побед», сразу дали мне понять, что перед нами своеобразный писатель, который нашел свою особенную литературную манеру. Для меня (да и не только для меня) стало ясно, что в нашей литературе появилось новое, свежее дарование.

Впоследствии, когда я стал читать его рассказы, которые последовали за «РВС», я попытался понять, что ему удалось, а что не удалось. Мне, как каждому молодому писателю, было важно узнать, какими путями в литературе для детей следует развивать свое дарование, узнать и сравнить свою работу с работой таких писателей, как вновь появившийся Аркадий Гайдар. И я сперва смутно, а потом вполне ясно понял, в чем секрет его успеха.

Гайдару удалось угадать путь детского сознания со всеми его неожиданностями, с его верой во все высокое, чистое, с его стремлением все объяснить.

С самого начала он стал вровень со своими маленькими читателями. Он ничему их не поучал, не старался внушить им какие-то истины прописные или даже непрописные. Он просто рассказывал все, что было для него интересно, причем рассказывал, как если бы он сам был одним из них. Эта необыкновенная простота, эта дружеская близость окрашивают все его произведения. Герои Гайдара говорят с детьми, как равные. Как они говорили бы друг с другом.

Вот почему мир взрослых для героев Гайдара — это отнюдь не сложный, загадочный, не-

понятный мир. Они судят о нем со своей вполне определенной, логически правдивой точки зрения.

Была у него и еще одна важная черта, которая с годами становилась все характернее для его таланта. Ее можно назвать поэтическим отношением к действительности. Если бы у Гайдара был поэтический дар, он стал бы крупным поэтом. Рядом с его героями, подлинными или выдуманными, почти всегда идет сказка. А от сказки рукой подать до поэзии — вот почему читатель ничуть не удивляется, когда проза Гайдара переходит в стихи и некий страшный Турворон появляется в фантастических снах, которые иначе и нельзя рассказать, как стихами.

Вот почему «Чук и Гек» было открытием в детской литературе. Открытием в художественном смысле, а не общественном, как, скажем, «Тимур и его команда». Но ведь истинное поэтическое произведение всегда имеет глубокий общественный смысл.

Однажды мы с ним встретились в Ялте, в Доме творчества, куда, заранее договариваясь, съезжались многие писатели. Этот период отмечен в немногих сохранившихся после него дневниках. Сохранилось и напоминающее мне молодость фото. По утрам он будил нас пионерским горном, а по вечерам играл вечернюю зорю. Мы с ним тогда как раз сблизились гораздо больше, чем в первые годы нашего знакомства. Гуляя очень часто и подолгу, мы говорили о литературе. И мне было очень интересно с ним. Он как бы начинал все сначала, не замечая, может быть, что иные открытия, казавшиеся ему новыми, были известны еще Стивенсону или Марку Твену. Но это «новое» было для него озарено поисками правды, которые так свойственны русской литературе.

Одна из этих прогулок особенно запомнилась мне. На ялтинской набережной мы прошли мимо маленького чистильщика сапог, маленького айсора, такого черного, с черными глазами, как будто его самого окунули в гуталин, стоявший рядом с ним в грязной банке. Он постучал щетками по своему ящику. А надо сказать, что Гайдар одевался несколько своеобразно. Он ходил в высоких сапогах, в черкеске и в папахе. Когда он выходил из Дома творчества — а в конце парка находилась (и находится сейчас) средняя школа, — школьники высыпали на улицу с криком: «Гайдар идет!» Так вот, мальчик застучал своими щетками, и Гайдар поставил на его ящик ногу в своем высоком сапоге. Мы продолжали разговаривать. Мальчик тщательнейшим образом с восторгом сделал свою работу — конечно, он узнал Гайдара. Аркадий заплатил ему, разумеется, в десять раз больше, чем полагалось, и мы пошли дальше. И вдруг Гайдар вернулся, подошел к нему, взял его за худенькие плечи и, посмотрев прямо в его округлившиеся, испуганные глаза, сказал: «Ты... (он сделал длинную паузу), будешь адмиралом». Мы пошли дальше. Мальчик встал. Он смотрел нам вслед изумленный, растерянный, с загоревшимися глазами.

Я оглянулся и увидел восхищенное лицо маленького айсора. Вот в этом поступке, в этом романтическом заглядывании вперед, в этом талантливом пророчестве очень чувствовался Гайдар.

В Артеке. 1939 год.

ДЕРЗКИЕ ГОРОДА

Мурад АДЖИЕВ

Каждый год десятой пятилетки отмечен новыми названиями на карте страны. Повсюду встают новостройки — сооружаются нефтяные и газовые промыслы, закладываются шахты и рудники, поднимаются корпуса заводов и фабрик. А по соседству с ними строятся новые города.

Особенно много молодых городов на обживаемых землях Сибири, Севера, на Дальнем Востоке...

Наш сегодняшний рассказ — о новых городах Сибири. Не обо всех, конечно, а лишь о самых интересных и необычных.

На юго-западе Таймыра чахлая тайга уже захватила земли распластанной тундры. Здесь на огромной опушке среди низких лиственниц стоит город Норильск.

Строится Тында — многоэтажная столица БАМа.

Широкие проспекты, современные дома, крупнейший металлургический комбинат, карьеры, рудники, автобазы, заводы, аэродром. Все это — Норильск. И еще железная дорога, самая северная в мире.

Почти двести тысяч человек живет в столице сибирского Заполярья. В необжитом краю, на

Норильск — город, возведенный за Полярным кругом, город на вечной мерзлоте.

жесткой, холодной земле построили советские люди большой город. Построили ради великой цели — добычи природных сокровищ.

В недрах горы Рудной, что высится над Норильском, есть никель, медь, кобальт, платина, титан, золото, теллур, селен... Двадцать пять металлов собраны вместе!

Чтобы их не перечислять, обычно говорят: полиметаллические руды. Руды, которые содержат разные металлы.

Я много читал о новом городе на речке Норилке. Знал его историю. Знал его хозяйство и очень хотел увидеть своими глазами таинственный и славный Норильск.

...Когда наш самолет пошел на посадку, я беспокойно поглядывал вниз: где же знаменитая на весь мир столица сибирского Заполярья?

Виднелись островки леса, тундра. Наверное, сотни две озер, озерец и просто луж блестело на солнце. Показалась нитка железной дороги. Наконец, аэродромные постройки, которые сгрудились у взлетной полосы.

И все.

Города я так и не увидел. Ни вблизи, ни вдалеке.

Наш самолет вскоре замер неподалеку от здания аэровокзала. И задавать попутчикам вопрос — где же город? — мне показалось неудобным. Я встал и вместе со всеми вышел из самолета.

В Норильск, оказывается, нужно еще ехать на электричке, на самой обыкновенной пригородной электричке. Она курсирует между аэропортом и вокзалом.

Прошло, по-моему, около часа, и наш состав замедлил свой бег.

Тундра уже не казалась такой ровной и однообразной, как вокруг аэропорта. Показались сопки. С каждым километром пути они становились все выше и выше. Вскоре поднялись мощные горы — плато Путорана.

И вдруг показались корпуса огромного завода, над ними поднимались гигантские трубы.

Вот оно — промышленное сердце города: горно-металлургический комбинат, гордость всей нашей страны!

Поезд продолжает свой бег. С интересом смотрю на удаляющуюся от меня громадину комбината, так неожиданно появившуюся среди гор и тайги.

Но вот поезд остановился. Мы в Норильске!

Привокзальная площадь и шоссе около нее мало чем отличались от десятков других: такси, автобусы, разные киоски. Люди с чемоданами спешат, торопятся кто куда.

Все это было и в Норильске. Но с той лишь разницей, что эта привокзальная площадь — самая северная в мире.

Дома в городе очень похожи на наши московские — на те, что в начале Ленинского или Ленинградского проспектов. И на проспекте Мира тоже много домов, облицованных гранитом.

В Норильске за сорок с небольшим лет его жизни поработало много московских и ленинградских архитекторов. Они-то и постарались сделать далекий северный город близким и знакомым. Чуть-чуть похожим на Москву, на Ленинград. Чтобы людям веселее жилось на холодном и неуютном Севере.

Есть там и новые панельные дома и девятиэтажные башни. Все как везде, как всюду.

Все, да не все.

Ты слышал когда-нибудь о домах на воздушных подушках? Их встретишь только на Севере, в Сибири. А впервые они поднялись в Норильске.

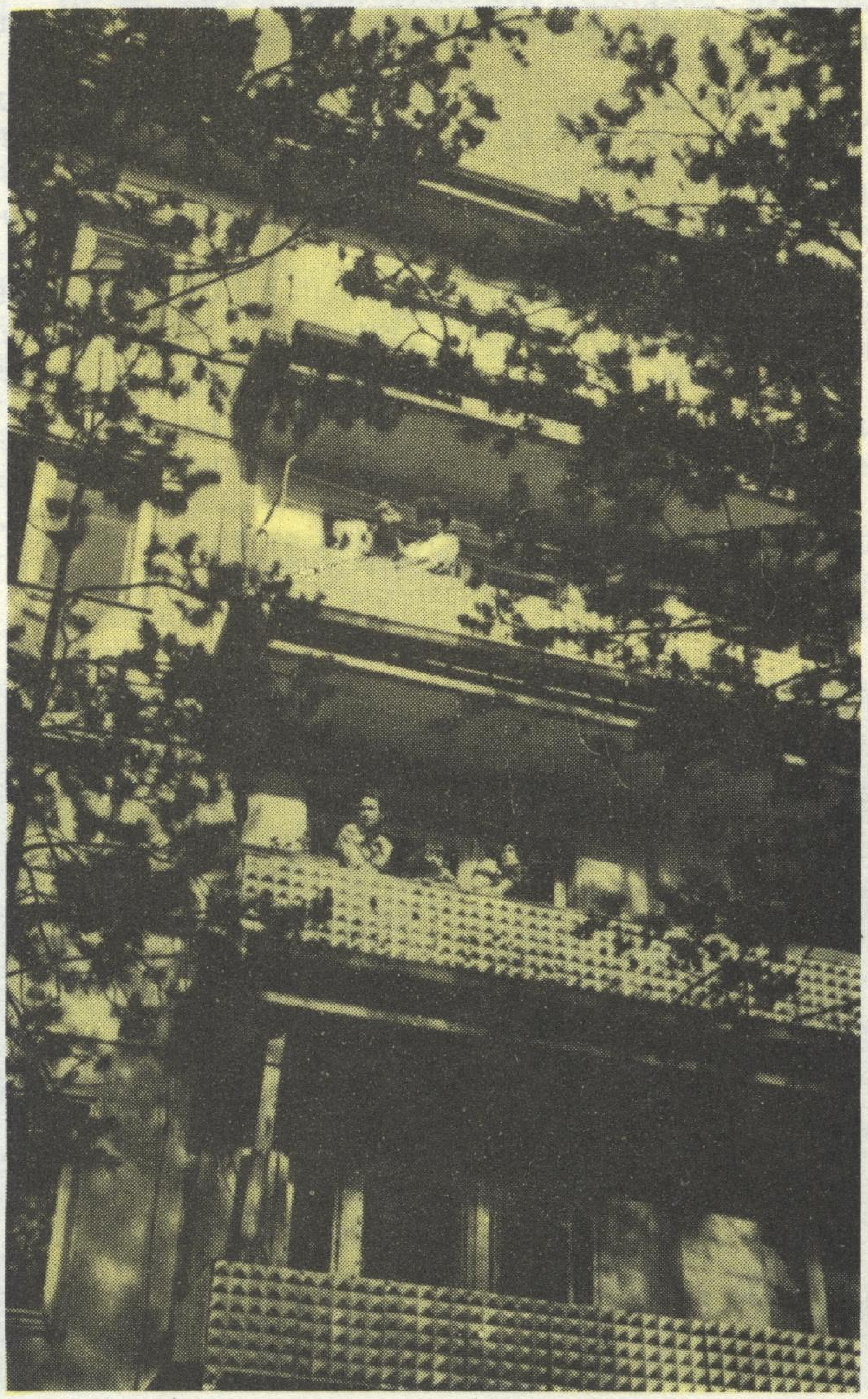
Сперва было так.

Строили дом, а он редко выстаивал год или два. Быстро рушился. Опасные трещины покрывали стены. На полу выгибались доски, угрожающе скрипели, гнулись. Стены кособочились и падали.

Не сразу люди догадались, что̀ рушит дома. Виновницей оказалась вечная мерзлота.

Что такое «вечная мерзлота»? Это земля — самая обыкновенная земля! — но так глубоко промерзающая за долгие морозные зимы, что

Сибирские города часто встают прямо в тайге, и ветки могучих кедров заглядывают новоселам в окна.



коротким северным летом и оттаять не может. Мощные пласты вечной мерзлоты порой уходят вглубь на километр, а иногда и полтора.

Промороженный песок становится тверже каменной глыбы, мерзлая глина по прочности не уступит граниту.

Летнее северное тепло не страшно мерзлоте. Но... достаточно хотя бы немного дополнительного тепла, как промерзшая песчаная глыба снова рассыпается на песчинки, а глинобитная скала становится вязким месивом.

Тепло и холод творят с землей прямо-таки чудеса.

Теперь стало ясно, почему дом или дорога, построенные на вечномерзлом грунте, быстро рушились. Земля под ними согревалась — получала дополнительное тепло, — оттаивала, становилась мягкой, не могла больше держать постройку. И здание, лишившись твердой опоры, начинало постепенно рушиться.

Не сразу узнали сибиряки о коварстве вечной мерзлоты. А как узнали, начали долгую, изнурительную борьбу с ней. Борьбу, которая продолжалась много лет и закончилась победой инженеров. Их красивую, остроумную идею отметили Ленинской премией.

Инженеры решили головоломную задачу — они предложили строить дом на мерзлоте, до мерзлоты не дотрагиваясь. Тогда и родилась идея домов на воздушной подушке или домов на сваях.

Первый дом — ну прямо избушка на курьих ножках! — вызывал у многих улыбку и удивление. Но удивляться надо было другому: дом стоял! Прочно! Надежно! И весной, и летом, и, конечно же, зимой.

Норильск — самый крупный в СССР город на воздушной подушке. Многочисленные дома, магазины, театры, кинотеатры, ателье мод, телецентр, даже Дворец спорта есть в этом удивительном городе.

Куда бы я ни пошел, все время слышал сильное, неторопливое уханье. Такое сильное, что земля дрожала и окна звенели. Это вгрызались в мерзлый грунт буровые станки, машины, вбивали сваи для новых домов.

Разрастается Норильск быстро. Кто побывал здесь пятнадцать — двадцать лет назад, теперь рискует заблудиться в нем. Новые дома, новые улицы, новые микрорайоны появились в городе совсем недавно. Выросли около Норильска и города-спутники.

Неподалеку от города, у речки Талнах, было открыто новое месторождение полиметаллических руд. Мощные рудники заложены на Талнахе, и среди них «Октябрьский» — один из крупнейших в стране. Они поставляют руду в Норильск на горно-металлургический комбинат.

«Талнах» на языке коренных жителей Таймыра — нганасан означает «запрет». Уж очень трудно было когда-то добираться сюда охотникам и оленеводам.

Кругом бесчисленные озера, озерца и сопки — болотистое, гнилое место, которое люди веками обходили стороной.

А сейчас здесь стоит молодой город, построенный за считанные годы. Пригодился Талнаху опыт норильских строителей.

На реке Хантайке — еще один город-спутник заполярной столицы. Здесь построена одна из крупнейших на Севере и пока единственная на Таймыре гидроэнергетическая станция. Она дает энергию горно-металлургическому комбинату, Норильску, рудникам Талнаха. И около ГЭС встал молодой город Снежногорск — город энергетиков и строителей, выросший всего за несколько лет!

Быстро обживается пригород Норильска. Быстро застраивается и весь сибирский край.

Новые города на сваях поднимаются и в Западной Сибири и в Восточной. Опыт дерзкого города Норильска необходим всей Сибири, ее городам, поселкам, железнодорожным станциям.

Догадываешься, почему? Вечная мерзлота занимает ведь почти всю территорию Сибири. А точнее — больше половины Западной Сибири, всю без остатка Восточную Сибирь. Каждый второй квадратный километр территории нашей страны занимает вечная мерзлота.

Норильские строители научили сибиряков возводить на мерзлоте большие дома, прокладывать широкие дороги.

Твердо опершись на сваи, поднимаются города Надым и Уренгой, встают поселки на золотых приисках Якутии и вдоль Байкало-Амурской магистрали. Особенно красива Тында — многоэтажная столица БАМа.

В Южной Сибири вечная мерзлота не так опасна строителям. И здесь поэтому новые дома почти не отличаются от тех, что в Москве или в

На берегу могучего Енисея стоит Дивногорск — город энергетиков, город строителей Красноярской ГЭС.

Рязани. Только тайги такой, как в Сибири, нигде нет. И строители бережно сохраняют ее, архитекторы так планируют улицы, что могучие лиственницы и кедры входят в новые города. Саяногорск, Дивногорск красуются среди суровой таежной зелени, поднимаются белые корпуса Усть-Илима рядом с бережно сохраненными островками тайги...

Но архитекторы хотят, чтобы новые города Сибири были еще краше, еще удобнее.

Много предлагалось разных проектов, я расскажу лишь о некоторых.

Дом-город, или город под единой крышей. Об этом проекте, пожалуй, известно больше всего. Он особенно полюбился художникам и писателям-фантастам. Красивый, ничего не скажешь.

...Среди снегов под стеклянным куполом зеленеет сад. Люди в летних одеждах разгуливают в саду, а по соседству — всего в нескольких метрах — лютует пурга.

Проекты действительно красивые, но, увы, хороши только на картинках.

Под стеклянным куполом быстро растает вечная мерзлота, и здания рухнут.

Снег, который наметет пурга на стеклянный купол, станет быстро таять, и над городом нависнет тяжелое облако тумана. Огромная ледяная шапка вскоре накроет город, а месяца через два-три тысячетонный пласт льда раздавит все.

А если вдруг испортится система отопления? Может же ведь такое случиться? Вмиг все замерзнет.

Вот почему нигде в Сибири нет таких чудо-городов под единой крышей, с вечнозелеными садами, с постоянным летним климатом.

Я рассказал об этом проекте, может быть, слишком подробно лишь только потому, что он многому научил сибирских архитекторов. Он как бы подсказал им очень мудрую мысль: от природы, пусть даже суровой и жестокой, нельзя спрятаться за стеклянным колпаком, нельзя от нее изолироваться. Чтобы жить среди тайги и тундры, чтобы строить там города, комбайны, дороги, нужно знать все эти особенности природы, нужно приспосабливаться к ним.

Во многих новых поселках и городах построены и строятся... деревянные дома. Они оказались пригоднее стеклянных куполов.

Дело вот в чем. По сравнению с каменными деревянные здания в три раза меньше теряют тепла: меньше отдают его через стены, крышу окружающему воздуху. Для холодного сибирского края это очень важно. Значит, им, этим домам, в три раза меньше, чем каменным постройкам, нужно топлива.

Разработаны проекты даже десятиэтажных деревянных зданий. Стеклянные галереи-переходы соединят между собой несколько таких небоскребов. Получится город. Дерево, вероятно, станет в будущем главным строительным материалом в сибирском крае. Так считают многие архитекторы.

Есть еще один интересный проект: «город на столе».

Если забить в землю мощные столбы-сваи, то на них можно положить площадку, действительно похожую на стол, у которого ножки наполовину погружены в землю.

Растут новые кварталы в Новосибирске. Перед вами — комплекс издательства «Советская Сибирь».

Дома в этом «престольном» городе предполагается собирать из особых деталей — больших алюминиевых панелей, которые разворачиваются, как картонная детская книжка с картинками.

Только панели эти непростые. Они как толстые вафли — по краям гофрированные алюминиевые листы, а в середине слой специальной ваты, надежного утеплителя.

Дом из алюминиевых панелей собирается за считанные часы. Утром начали — к вечеру будет уже готов.

Я неспроста заговорил о будущих сибирских городах. Для них Норильск был и остается огромной испытательной площадкой, строительным полигоном.

Здесь испытывается техника для всего сибирского края.

Здесь разрабатываются новые строительные решения.

Норильск научил быстро строить на вечной мерзлоте.

Но самое главное, Норильск показал всему миру, как много могут достичь люди в свободной социалистической стране.

ТРИ ВОПРОСА К ЧИТАТЕЛЯМ:

Какой город Сибири самый старый?

Назови два сибирских города, население которых перевалило за миллион.

Какой город расположен рядом с крупнейшей в мире гидроэлектростанцией? Расскажи о нем.

Фотографии А. ЛЕХМУСА и Фотохроники ТАСС.

По веселой весенней воде бежит «Кораблик» с праздничным грузом — стихами, рассказами, рисунками, которые ребята подарили своим мамам и бабушкам к 8 Марта.

Стихи Лены КОЛМАНОВСКОЙ, третьеклассницы из Москвы.

САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА

Мамы бывают разные:
Веселые и грустные,
Низкие и высокие,
Русские и нерусские...

Мамы бывают разные,
Но для каждого на планете
Его мама — самая лучшая,
Лучше всех-всех на свете.

Хоть это правда всё,
Но знаю я:
Не найти вам мамы
Лучше, чем моя!!!

КОТ. *Рисунок Тани ШИКОВОЙ, 7 лет.*

«Моя мама работает на хлебозаводе. Она у меня добрая!» — пишет нам Лена ЗАЙКОВА из города Усолье-Сибирское. Лена третьеклассница, учится в школе № 16. Стихи сочиняет с четырех лет.

МАМИН ХЛЕБ

Моя мама — пекарь,
Она хлеб печет.
Стоит у жаркой печи,
И тихенько поет.
Мамой все гордятся,
Гордится вся страна:
Ведь хлеб у жаркой печи
Для всех печет она!

Еще одно стихотворение Лены ЗАЙКОВОЙ.

АНГАРА

На утренней заре
Я «Здравствуй!» кричу
Ангаре.
И красным отблеском маяка
Мне отвечает река:
«Здравствуй! Здравствуй,
Моряк ты мой!
В моей воде ты
Лицо умой!
Выкупайся у бережка!» —
Шепчет река.

*

«Когда-то я прочитала в «Пионере» стихи Нади Веселовской. И с тех пор тоже стала писать стихи. Но мои первые стихи были такие неуклюжие и смешные, что просто неудобно было их посылать тебе, «Кораблик». Теперь я отобрала те, что получше, и решилась... Я зачитываюсь Симоновым и Твардовским, очень люблю Маяковского». Таня ДУГИЛЬ, Евпатория, 7 класс.

О ЧЕМ ОНИ МЕЧТАЛИ

Я смотрю на небо сине-голубое,
Я смотрю на землю, покрытую лесами.
Я смотрю на озеро, я смотрю на поле,
Я смотрю на мир новыми глазами!
Я смотрю и вижу то, о чем мечтали
Бабушки наши, сидя на привале.
А они мечтали видеть землю в счастье,
Видеть, как на поле хлеба колосятся,
Видеть, как смеются беззаботно дети,
Видеть, как живется хорошо на свете!

Наташа из Казахстана прислала стихи о своей бабушке. Жаль, что Наташа не написала ни своей фамилии, ни своего адреса. Из ее письма мы узнали только, что учится она в восьмом классе.

МОЕЙ БАБУШКЕ

Далеко от меня моя бабушка,
Моя дорогая, родная.
Живет в глухой деревушке,
В грибном и лесистом крае.

Лицо все в морщинках
И добрые глаза.
Скорбная складка
Пролегла у рта.

Восемь детей воспитала
В тяжелые годы войны.
Она и сама не знала,
Что сделала для страны.

День и ночь ты трудилась на поле,
Прибегала домой на часок,
Чтоб сказать детям слово доброе,
Отдать хлеба последний кусок.
Жаль, далеко моя бабушка...

МОЯ МАМА. *Рисунок Гали КОМОЗОВОЙ, 8 лет.*

*

Юля КОРОЛЬКОВА живет в городе Петродворце, учится в седьмом классе.

НЕ НАДО НАД НИМИ СМЕЯТЬСЯ!

Когда мальчишки влюбляются,
Они всегда задираются,
И начинают мыть уши
И шею моют к тому же.

Когда мальчишки влюбляются,
Они ужасно смущаются
И пишут стихотворения,
И дарят цветы весенние.

Девочки, будем добрыми,
Не надо над ними смеяться!
Лучше давайте попробуем
Этим цветам улыбаться.

Я засмеялась звонко,
Храбро сказала: «Спасибо!»
На зависть задирам девчонкам
Шагаю с букетом красивым!

Инна ЗИНЧЕНКО живет в городе Черкесске, учится в шестом классе. Инна сочиняет рассказы. Этот научно-фантастический юмористический рассказ Инна написала для своей мамы.

ВСЕ КАК ОБЫЧНО

Космолет медленно спустился на планету. Отодвинулся со скрипом выходной люк. Приборы отметили наличие кислорода. Я осторожно, с опаской спрыгиваю на оранжевую траву. Неизвестно откуда повеяло теплым ветерком. Внезапно из-под моих ног вылетело странное существо — подобие летающего цветного и сильно уменьшенного кенгуру. Высоко в облаках парили жуткие, но симпатичные крылатые лошади и слоны.

У моих ног что-то ярко блеснуло. Роса? Нет, это алмаз. Громадный алмаз! В ярком оранжевом небе светит синее солнце, а под ногами плещется оранжевый ручей. Красота!

Но что это так странно переливается на дне ручья? В оранжевой воде, словно никому не нужные камешки, лежат рубины и алмазы, александриты и изумруды, жемчуг и самородки золота, серебра. Я не в силах удержаться, опускаю в воду руку, чтобы взять горсть драгоценностей. Руку обволакивает приятная свежесть.

Солнце жжет ужасно, и хочется пить. Я, забывая об «ИППТБ» — инструкции по правилам поведения и по технике безопасности на других планетах,— пью оранжевую воду. Подумать только — лимонад с абрикосовым привкусом... До контакта осталось три секунды. «Три, два, один, ноль...» «Дзиньтммм» — над ухом трещит будильник. Проклятье, такой сон прервали! Невольно я выглядываю в окно, но там все по-прежнему. Зеленое солнце, как и всегда, сияет в небе. Розовая роса еще не обсохла на синей траве. Вот соседская летучая кошка, сверкая ультрамариновым опереньем, выпорхнула из окна и спокойно плюхнулась в розовую воду.

Все как обычно. Все ли?..

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекской ССР

СОВЕТ МУДРЕЦА НАСРЕДДИНА

СКАЗКА

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА

В давние времена жил в Самарканде мудрец. Его звали Молла Насреддин. Все его уважали, говорили о нем с почтением. В том же городе жил Бадреддин. Глупый-преглупый.

Встречает раз Бадреддин Насреддина и говорит:

— Тебе хорошо, все тебя хвалят. А надо мной смеются. Спрашивают у меня недавно: «Почему, Бадреддин, ночь настает?» А я отвечаю: «Как почему? Людям спать хочется! Разве не так?» Слушают люди мои слова и прямо валятся от смеха. «А почему тогда день настает?» — спрашивают. «Как почему? — отвечаю я. — Людям ведь просыпаться надо. Не в темноте же им ходить!» Опять смех. Дети — и те смеются... О мудрейший Насреддин, знающий тайны ста наук, скажи, как мне поумнеть?

— А ты пойди на базар и купи себе ум!
— Да? Как это я раньше не догадался...
— Деньги-то у тебя есть?
— Есть-есть! Тридцать таньга. Отец в наследство оставил. Так... Значит, на базар... Ох, а базаров так много... Есть базар, где продают лошадей и ослов. Есть базар, где продают сундуки, тюбетейки, халаты... О мудрейший, куда же мне пойти?
— А ты не ленись, прогуляйся по всем базарам, глядишь, где-нибудь и повезет. Только торгуйся хорошенько. Всех денег не отдавай. Чтобы потом... с умом их тратить!
Отправился Бадреддин на базар. Вот что он пел по дороге:

Говорят, ученых — тьма,
Да, друзья! Да, друзья!..
Не нажил себе ума
Только я, только я —
Глупый Бадреддин.
Только я один!

В детстве в школу не ходил
Я ни дня, я ни дня...
Нет ни ручки, ни чернил
У меня, у меня.
По дорожке, по тропе
Выйду я, выйду я.
Ум большой куплю себе,
Да, друзья! Да, друзья!..

«И тогда, — мечтал глупый Бадреддин, — меня все будут с уважением называть «умный Бадреддин».
Шумит, гремит, звенит самаркандский базар. Крики слышны:
— Продаем! Много денег не берем!
Там — ковры, тут — халва. Там — дыни, тут — подковы. Сбруи, сабли, украшения. Выбирай любой товар!
— А ум не продаете? — спрашивает Бадреддин в арбузном ряду.
— Салам-алейкум! Ты, видать, шутишь, почтенный! — Переглядываются продавцы.
— Тебе и вправду не хватает ума... Вай-вай!.. А сколько монет дашь за него?
— Пять таньга. Ни больше ни меньше!
«Остальные, — думает Бадреддин, — приберегу, чтобы потом... с умом их тратить!»
Шир-рт! — крепко сжал крестьянин огромный полосатый арбуз.
— Слышишь, как хрустит! Съешь его — сразу поумнеешь. Бери!
— Не нужен мне твой арбуз, мне ум нужен. Пойду-ка еще поищу...
— Ум не продаете? — спрашивает Бадреддин в гончарном ряду.
Смеются гончары:
— А сколько дашь за него?
— Десять таньга! — отвечает Бадреддин. «Остальные приберегу, чтобы потом...»
— Бери за десять таньга этот кувшин, а ум займи у своего осла!
— Ум не продаете?.. — спрашивает Бадреддин в сапожном ряду.
Смеются мастера.
— Пятнадцать таньга — на два сапога!

Бери сапоги!
Постой — не беги!

...Прослышали про Бадреддина трое воришек — Ахмет, Мамет и Салямет. Зашептались.
— Выудим у него денежки... Продадим-ка ему товар, который он ищет...
Коврик расстелили. Сели. Усы подкрутили. Ахмет весы держит. Мамет — гири. А Салямет зазывает:
— Эй, сват! Эй, кум! Кому — глупость, кому — ум!
Салямет для пущей важности бороду приклеил, очки надел.
— Хрум-хрум, шурум-бурум... Кому — глупость, кому — ум!
— Братцы, сколько стоит ум? — перебил Салямета Бадреддин.

— Пять таньга — у осла!
Десять — завтра ты мулла!
За пятнадцать, не зазря,
Станешь ты умней царя!

— Беру! Взвесьте на пятнадцать таньга!
Поставил Мамет на весы две одинаковые гири.
— Гири самые большие — самый большой ум тебе отвесили! Снимай шапку, насыплю доверху! Вот так!
— Надевай шапку! — говорит Ахмет. — А денежки нам оставляй.
— Берите, берите. Я остальные с умом тратить буду!
Трое воришек закивали головами.
Бадреддин шел домой и говорил соседям:
— Теперь надо мной никто не будет смеяться. Я на базаре был. Купил полную шапку ума!
Один сосед усмехнулся и спросил:
— Эх, дурная голова.
Сколько будет — дважды два?
— Дважды два... Кажется, три...
— Не три, а четыре! — рассмеялись соседи.
— У тебя шапка дырявая, весь ум по дороге высыпался! — смеялись соседи. — Надули тебя, Бадреддин!
Обиженный Бадреддин снова пришел к Насреддину.
— Не помог мне твой совет. Напрасно я деньги потратил!
— Не напрасно, — ответил мудрец. — Теперь, дружок, ты знаешь: УМ НА БАЗАРЕ НЕ ПРОДАЕТСЯ!

Можно сто таньга иметь,
Но ничуть не поумнеть, —

пропел веселый Насреддин и сказал: — Я тебе подскажу, где взять ум. Без шуток. Пойди и на оставшиеся деньги купи книги, ручку, чернила, тетради. Учиться никогда не поздно. Ступай в школу. Набирайся ума!

Дни пройдут. Уверен я,
Скажут про тебя друзья:
Ты достойный сын,
Славный Бадреддин,
Умный Бадреддин,
Мудрый Бадреддин!

Денис Давыдов. *Портрет О. Кипренского.*

«ВОТ ДАВЫДОВ!..»

Возможно, стихов Дениса Давыдова ты не читал, но имя это должен был слышать непременно. Мужественное имя, навечно связанное для нас с войной 1812 года.

Жена Давыдова внука своего не разрешила назвать Денисом: «Денис Давыдов только один»,— сказала она непреклонно. И правда, его не заслоняют даже такие талантливые военачальники, как Багратион и Кульнев. Рядом с ним — Пушкин, мягко улыбается Жуковский, тонко, умно поблескивает очками Вяземский, но и среди них он один вот такой — Денис Давыдов.

В него влюблялись друзья, посвящали ему стихи, если собрать их — получится целая книжка. Портрет прославленного партизана висел в замке Вальтера Скотта, на другом краю света. А взгляните на портреты Давыдова, рисованные его современниками: живописцы влюблялись в него, как мальчишки,— лихой красавец гусар глядит на нас с портретов. А между тем внешний облик Давыдова не был ни романтичным, ни героическим: росточка небольшого, голова круглая, нос вздернутый, прямо скажем, пуговица-нос.

Известен анекдот, записанный Пушкиным: «Главнокомандующий приказал доложить Вашему сиятельству,— рапортует Багратиону Денис Давыдов,— что неприятель у нас на носу и просит Вас немедленно отступить». «Неприятель у нас на носу? На чьем? — отвечает Багратион.— Если на твоем, так он близко, а если на моем, так мы успеем еще отобедать».

И мы, читатели, стоит прочесть стихи Дениса Давыдова или несколько страниц его крепкой, неутомимой — всегда в движении, на полном скаку — прозы, влюбляемся в него навсегда. Потому что в этом человеке счастливо сочеталось все то, чем привлекает подлинная мужественность,— храбрость, находчивость, острый ум, щедрость и молодость чувств, заразительная веселость и особое, неотразимое гусарское молодечество, прорывавшееся во всем — слове, жесте, поступках.

Кто так холил и берег свои чернокудрявые усы, «вывеску силы и мужества»? У кого еще в черных крепких волосах с юности пробивалась седая прядка — прядка эта неожиданная, партизанская, осветит стихи Языкова и Вяземского. А каким он был увлекательным рассказчиком! Рассказывая, он все представлял в лицах. По воспоминаниям друзей, и голос у Давыдова был особенный — хриплый, а по временам вдруг тоненький, фистульный.

Впрочем, мы по стихам знаем этот особенный, ни на кого не похожий голос. Давыдов и стихами разговаривает столь же непринужденно и естественно, как прозой. «Ради бога, трубку дай!» — кто еще писал так стихи в первые годы XIX века, в те поры, когда Пушкин с няней ходил гулять на бульвар. (Да, трубку-то мы чуть не забыли, а она сопровождала Давыдова в военных походах, и на пиру, и в тиши кабинета.) Давыдов в полной мере обладал смелостью поэтической, в стихах он чувствовал себя как дома, нараспашку и набекрень, он умел хохотать во весь голос, озорничать. Только Давыдов мог написать собственную биографию, изобразив в ней себя полным героем, и напечатать ее в сборнике стихов, а авторство приписать своему сослуживцу, некоему генералу. Но друзья тут же догадались, кто автор,— слишком знакомы и выразительны были интонация, юмор.

Он стал героем и собственных стихов: это он во главе стола, и он мчится «тайною тропой» в бурке кабардинской, и вместе с другом Сашкой Бурцовым он затащит нас к себе домой, где... «заменяет все диваны — куль овса.

Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса».

Вот Давыдов! Вот портрет точный и романтичный! И он годился в герои стихов. Давыдов по характеру своему, по натуре герой... Это и почувствовал романист Вальтер Скотт, повесив перед собой портрет Давыдова. Здесь пахло ненаписанным романом, полным военных приключений, толстым и не менее увлекательным, чем «Айвенго». Вокруг Давыдова события вьются, как бабочки вокруг свечи. И все, что мы расскажем о Давыдове, мы расскажем с его слов, по его статьям, названия которых станут названиями главок. Итак

«Встреча с великим Суворовым»

Летом 1793 года Денис Давыдов засыпал под топот казачьих лошадок, а будили его звонкие голоса труб. Лет ему было девять, и жил он в то лето вместе с братом в военной палатке, потому что отец командовал легкоконным полком. Однажды пришло известие, что в полк на учение должен прибыть Суворов. Сам Суворов, кумир братьев Давыдовых! Его «молниелетные походы, его громовые победы» волновали воображение подростков, игры которых состояли в маршировании и метании ружьем. В день учений мальчиков подняли за час до рассвета, уверяя, что Суворов нагим выбежит из палатки, ударит в ладоши, прокричит петухом, по этому сигналу трубачи затрубят генерал-марш и войско станет седлать лошадей. Но мальчики зря таращили глаза, скорый сухонький старичок поехал за войском в коляске.

И все-таки встреча с Суворовым определила всю жизнь Дениса Давыдова. «Я еще не умру, а ты выиграешь три сражения»,— сказал он мальчишке. С этого дня Денис торопился поскорее осуществить предсказание. Едва исполнилось ему шестнадцать, он сел в кибитку и помчался в Петербург поступать в Кавалергардский полк. «Наконец, привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище его гения мукóю и «треугольной шляпою»,— пишет Давыдов.

«Вскоре загорелась война с французами»,— продолжим мы словами Давыдова. В 1805 году Россия вступила в войну с наполеоновской Францией, и загорелось у Дениса желание попасть в действующую армию. Узнав, что в Петербург приехал фельдмаршал Каменский, Давыдов пробирается в гостиницу «Северную», где остановился фельдмаршал, находит нумер девятый и садится в коридоре, завернувшись в шинель. Ночью из своего покойчика выходит фельдмаршал с головой, повязанной тряпицей, в халате, с огарком свечи в руках—тут и бросается к нему Давыдов и молит взять его с собой в действующую армию.

Наконец мечта юноши исполняется — он назначен адъютантом к Багратиону, он едет к местам боев, к местечку Морунген. Он видит войско в походе, и вид войска навечно поражает его своей неприбранной красотой. «Не могу описать, с каким восторгом, с каким упоением я глядел на все, что мне в глаза бросалось! Части пехоты, конницы и артиллерии, готовые к движению, облегали еще возвышения справа и слева—в одно время как длинные полосы черных колонн изгибались уже по снежным холмам и равнинам. Стук колес пушечных, топот копыт конницы, разговор, хохот и ропот пехоты, идущей по колени в снегу, скачка адъютантов по разным направлениям, генералов с их свитами; самое небрежение, самая неопрятность одежды войск, два месяца не видавших крыши, закопченных дымом биваков и сражений, с оледенелыми усами, с простреленными киверами и плащами,— все это благородное безобразие, знаменующее понесенные труды и опасности, все неизъяснимо электризовывало, возвышало мою душу. Наконец-то я попал в мою стихию!»

Отныне не будет для него красоты более величественной, чем вид войска, возвращающегося из дела. И, пережив 1812 год, горечь поражений и отступлений и радость побед, он и для разбитой гвардии Наполеона найдет слова и краски великодушные и прекрасные: «Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов. Осененные высокими медвежьими шапками, в синих мундирах, в белых ремнях с красными султанами и эполетами, они казались как маков цвет среди снежного поля!»

«Урок сорванцу»

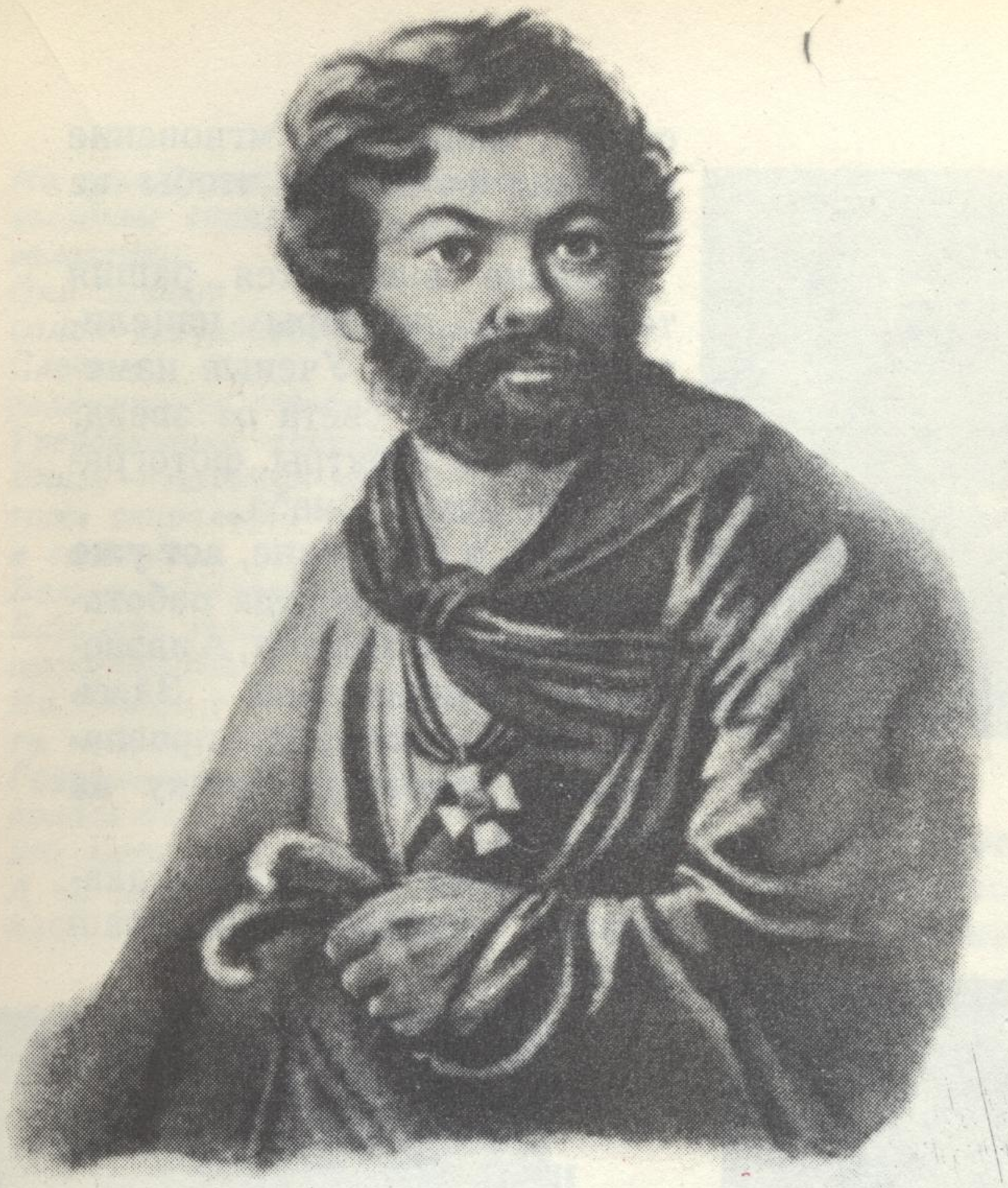
Слова эти напишет опытный воин, прошедший войну 1812 года, а до этого войны со Швецией и Турцией, но пока перед нами мальчишка, не нюхавший пороха, он умирает от желания поскорее принять участие в настоящем сражении. Его только представили Багратиону, а он уже выпросился в первую цепь, будто бы наблюдать за движением неприятеля, а в самом деле для того, «чтоб погарцевать на коне, пострелять из пистолетов, помахать саблею и—если представится случай—порубиться».

Позиции русских и французов расположены были близко. Среди неприятельских фланкеров Денис Давыдов тут же облюбовал одного в синем плаще и медвежьей шапке, которого ему захотелось немедленно взять в плен. Он стал уговаривать казаков напасть на французов—те только посмеивались. «Я как бешеный толкнул лошадь вперед, подскакал к офицеру довольно близко и выстрелил по нем из пистолета. Он, не прибавив шагу, отвечал мне своим выстрелом, за которым посыпались выстрелы из карабинов его товарищей. То были первые пули, которые просвистали мимо ушей моих. Я подвинулся к нему еще ближе, замахал саблею и принялся ругать его на французском языке, как можно громче и выразительнее. Я приглашал его выдвинуться из линии и сразиться со мною без помощников». Вероятно, бывалый французский воин, как и казаки, только посмеялся над неистовством необстрелянного юнца. Но на этом приключения первого военного дня Дениса Давыдова не окончились.

Когда Багратион послал его к егерскому полку с приказом оставить занимаемый лес и отступить к деревне Вальсдорф, он тотчас вообразил себя полководцем, который исправит промахи Багратиона и впишет в историю новую победу. Он уговорил урядника наступать вместо того, чтоб отступить. Но так или иначе после короткого сражения пришлось выполнить приказ Багратиона: численный перевес противника был очевиден. Наш неудачливый полководец возвращался в штаб «пасмурный, как Наполеон после Ватерлоо», и не сразу заметил, что его настигают шесть французских егерей. А он и пистолеты не успел перезарядить. Всадники были так близко, что один схватил Давыдова за шинель. К счастью, застегнутая всего на одну пуговицу, она расстегнулась и осталась в руках неприятеля. Во всю мочь погнал он лошадь, впереди оказалось болото, лошадь провалилась по брюхо. Ох, не сносить гусару головы, того и гляди, первый день окажется последним его днем! Но тут из лесу выехали двадцать казаков, неприятель обратился в бегство, а молодец наш был спасен. Вот каким был первый день сражений Давыдова, вообразившего себя храбрым полководцем. И можно представить, сколько веселых минут доставил он друзьям, рассказывая об этом дне, как весело смеялся над глупым мальчишеством своим. И все-таки это был счастливый день Давыдова!

«Дневник партизанских действий»

Кто же не знает о Бородинском сражении? Но мало кто знает, что Бородино было поместьем Давыдовых и Денис Давыдов провел здесь свое детство. А теперь он глядел на знакомые поля и равнины — и ничего не узнавал. «Дом отеческий одевался дымком биваков:



Давыдов — партизан.
Гравюра А. Афанасьева.

ряды штыков сверкали среди жатвы, покрывавшей поля, и громады войск толпились на родимых холмах и долинах. Там, на пригорке, где я резвился и мечтал, где я с алчностью читывал известия о завоевании Италии Суворовым, о перекатах грома русского оружия на границах Франции, там закладывали редут Раевского — красивый лесок перед пригорком обращался в засеку и кипел егерями, как некогда стаею гончих собак, с которыми я носился по мхам и болотам. Все переменилось!»

Здесь пятого сентября Багратион сообщил Давыдову, что Кутузов принял его план партизанской войны. Шестого сентября он последний раз участвовал в бою как гусар Ахтырского полка, а на следующий день принял командование над пятьюдесятью гусарами и восемьюдесятью казаками.

План партизанской войны был очень прост. Каждый человек в России, дворянин и простой крестьянин, ощущал горечь и боль за свою землю, вся Россия объединилась в одном чувстве. В том и состояла смелость Давыдова, что он понял это чувство, и понял, что здесь и лежит сила, которая остановит врага. Конечно, план включал в себя многое: не давать покоя вражеской армии, идти за ней по пятам, уничтожать обозы с продовольствием и снарядами, мгновенно узнавать все планы противника и столь же мгновенно разрушать их. Но главная-то мысль заключалась в том, чтоб превратить войсковую партизанскую войну в общенародную, чтоб поддерживать дух крестьян, вооружить их. Давыдову принадлежат слова грандиозной мощи и силы, так и кажется, что написал их Гоголь, слова, продиктованные верой в русский народ: «Не разрушится ли, не развеется ли, не снесется ли прахом с лица земли все, что ни повстречается, живого и неживого, на широком пути урагана, направленного в тыл неприятельской армии, занятой в то же время борьбою с миллионною нашею армией, первою в мире по своей храбрости, дисциплине и устройству? Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

Правда, поначалу партизан приняли за французов и встретили в штыки, а точнее — в вилы, но Денис Давыдов надел кафтан, отпустил бороду и заговорил на языке народном. И вскоре его партизанский отряд вырос, к нему присоединились мужики и отбившиеся казаки. Жизнь была ночная, потайная. Днем отсиживались в лесах, без огней, под крышей неба. Ночью выезжали к селам, где стояли французы, отбивали отряды с продовольствием, брали врагов в плен. Десятки раз проходили они через вражескую армию во всех направлениях. А ведь таких отрядов вскоре стало множество, и Наполеон взмолился, прося Александра I прекратить эту ужасную партизанскую войну.

А в минуты особо решительные партизанские отряды соединялись и совместными действиями разбивали противника. Так они выбили французов из Ляхова, взяли огромную партию пленных и дальше пошли преследовать врага, освобождая русскую землю.

Это была уже поверженная, а не победительная армия, хотя русским войскам предстояло еще пройти многие и многие километры — до Парижа, но исход войны уже был решен. А знаете, кто вместе с Давыдовым въехал в Париж? Французский барабанщик Винцент, которого партизаны взяли в плен и пожалели: он был совсем молоденький, мальчишка шестнадцати лет. Его одели в кафтан, и он жил вместе с партизанами. Наверное, детям своим и правнукам рассказывал он об удивительных приключениях и странных русских людях, вот только жаль, воспоминаний не оставил. Давыдов отдал его прямо в руки отцу, и за эту широту, за великодушие, за мужество, не переходящее в жестокость, особенно люблю я Давыдова.

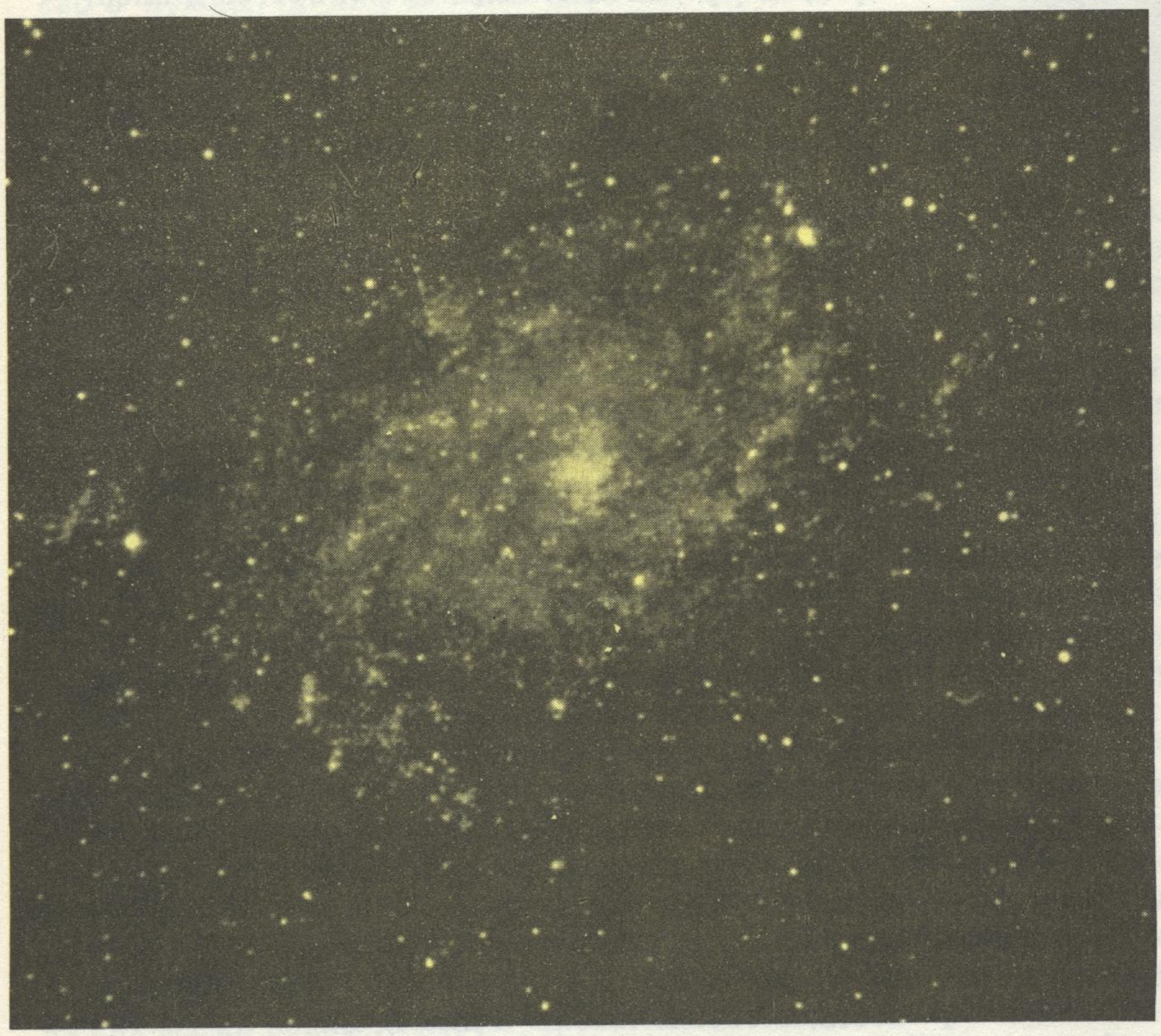
И мне хочется, чтоб мы с вами расстались с ним в эту минуту, в час торжества и победы, пока он на крепкой казацкой лошади, с заиндевевшей черной бородой. Он хотел, чтоб его запомнили не в тиши кабинета за письменным столом, где он писал свои военные записки, и не помещиком села Мары, отъезжающим на охоту, не воспитателем пятерых сыновей — он хотел, чтоб запомнили его партизаном, героем 1812 года. В биографии он писал: «Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика... Вот Давыдов!»

Так он писал в прозе и твердил в стихах:

Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу
и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой, —
Я в этой песне запевало!

И. АНДРЕЕВА

ЯРЧЕ МИЛЛИАРДОВ СОЛНЦ!



ОБСЕРВАТОРИЯ В ГОРАХ

Бюракан — горное селение в Армении — раскинулся на склоне горы на высоте полторы тысячи метров. Извилистая горная дорога ведет к нему. Когда подъезжаешь, видишь сначала виноградники, а потом огромный зеленый парк. Над парком — башни телескопа. На весь мир знаменит Бюракан своей обсерваторией. В Бюракане сухой, прозрачный, очень чистый воздух, много безоблачных дней в году. Все здесь помогает астрономам в их наблюдениях за звездным небом, даже трава посеяна, чтобы не было пыли, не нагревалась почва.

По вечерам в Бюракане ждут ясной безоблачной ночи. И если она наступает, звучит команда: «Небо!» Фонари на дорожках гаснут, наглухо зашториваются окна, ни один луч света не должен помешать наблюдениям. Все спешат к своим рабочим местам, лишь на мгновение включая фонарики, чтобы не сбиться с дорожки.

Плавно вращается башня телескопа, приборы нацеливаются в небо. Ученые измеряют потоки света от звезд, изучают их спектры, фотографируют участки неба...

Здесь, в Бюракане, вот уже тридцать четыре года работает академик Виктор Амазаспович Амбарцумян. Здесь сделаны открытия, прославившие советскую науку на весь мир.

Об одной из гипотез академика Амбарцумяна наш рассказ.

КВАЗАР... ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

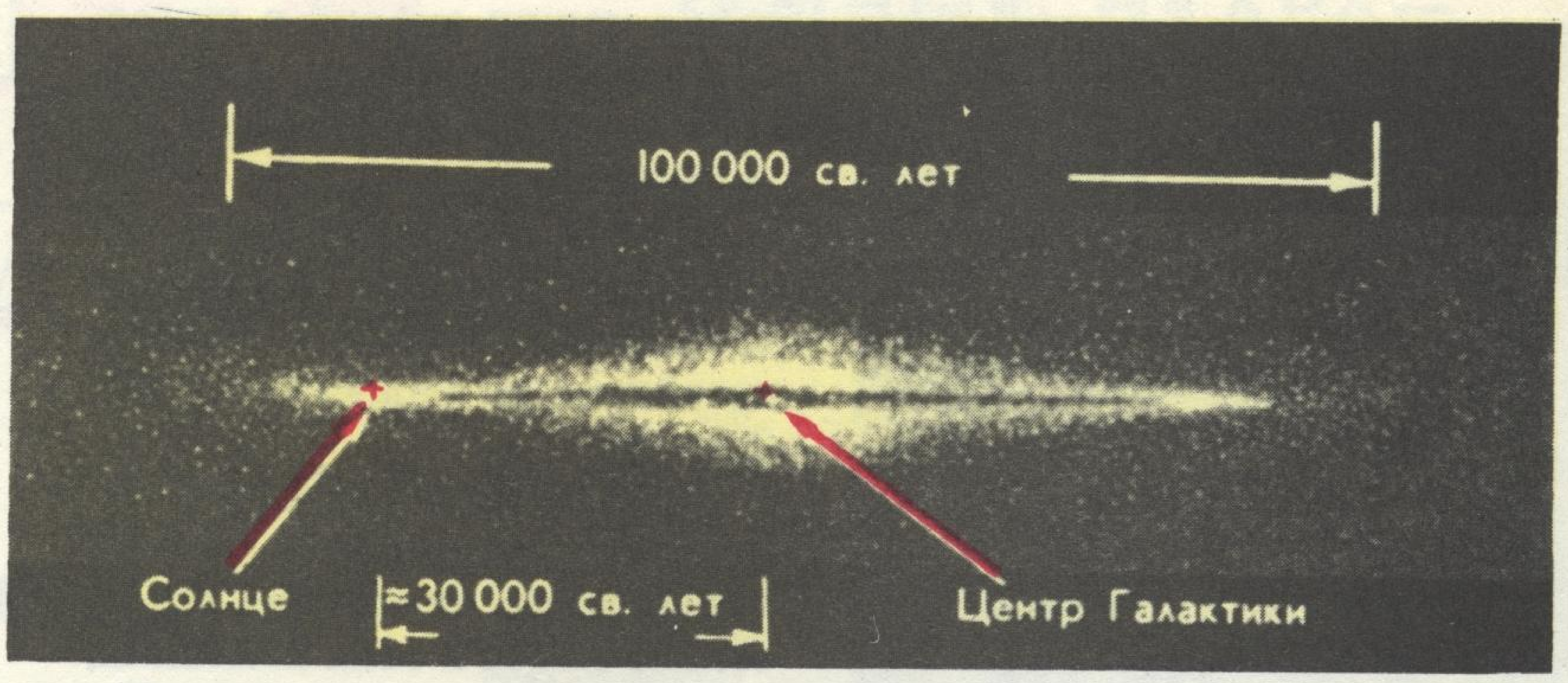
Звезды, которые мы видим на небе, очень далеки от нас. Свет от них идет к Земле долгие и долгие годы.

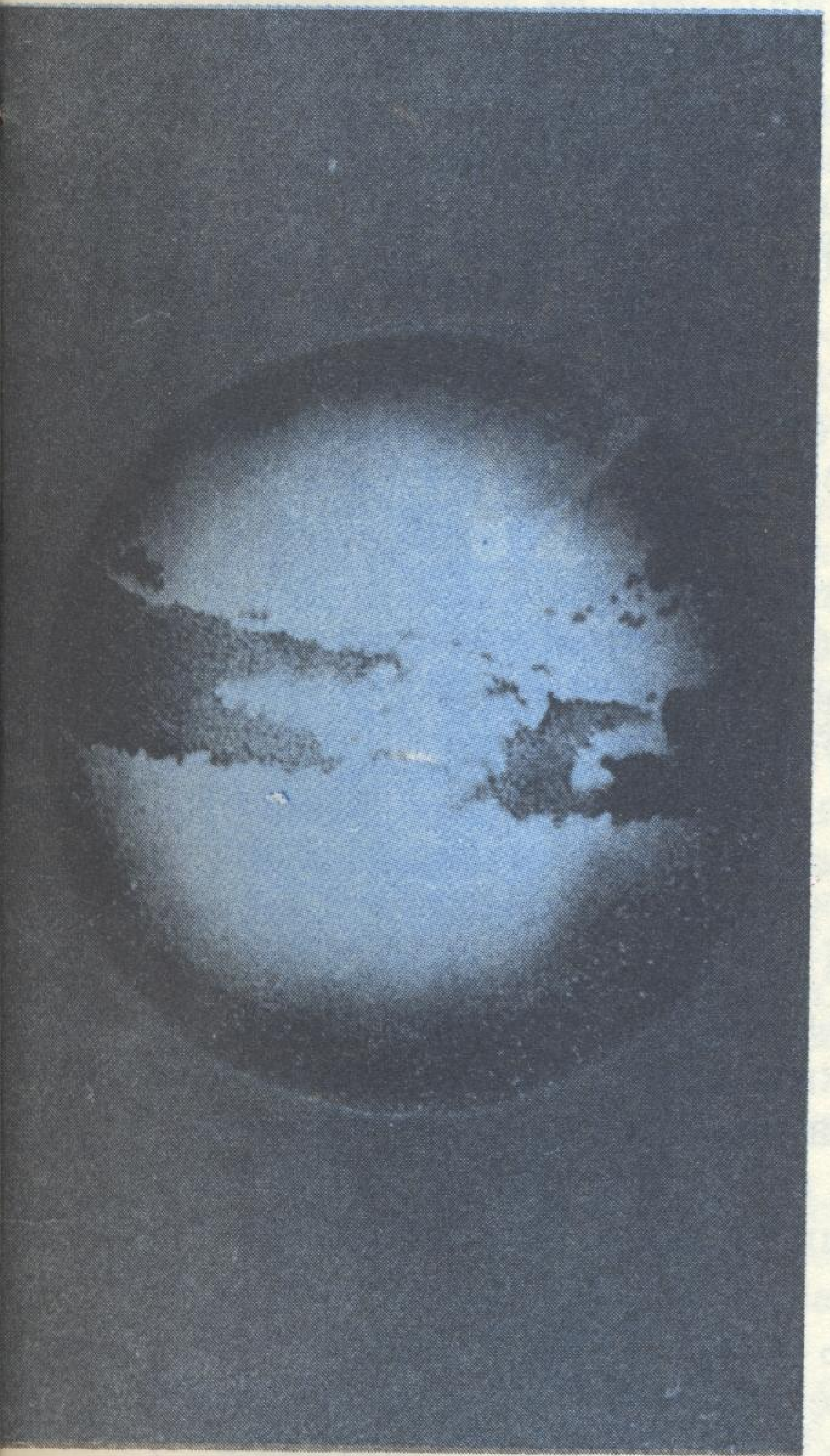
Скажем, Сириус — самая яркая звезда нашего неба. Мы видим ее ясной ночью без всякого телескопа, просто невооруженным глазом. Она не так уж удалена — всего на девять световых лет. Иными словами, свет от нее бежит до Земли девять лет (почти всю твою школьную жизнь!). Ты легко можешь подсчитать это расстояние. Нужно только учесть, что световой год — путь, который за год проходит луч света со скоростью 300 000 километров в секунду.

Так вот, Сириус — одна из ближайших и самых ярких звезд нашего неба. А самый слабый и самый далекий объект, который мы видим без телескопа, — это туманность Андромеды. Она удалена от нас на расстояние до двух миллионов световых лет.

Неизмеримо дальше от Земли звездные системы, которые можно увидеть только в телескоп. Десятки и сотни миллионов, даже миллиарды лет мчится свет от них через космическое пространство, пока не достигнет нашей планеты. Многие звезды могут погаснуть за это время...

На этих снимках ты видишь звездные скопления — галактики. Они бывают самой разнообразной формы. Слева — галактика из созвездия Треугольника, спиральная. Внизу — похожая на нее тоже спиральная галактика в созвездии Большой Медведицы. Еще есть галактики шарообразные. На снимке в центре ты видишь такую галактику. Горизонтальная полоса на ней — это межзвездная пыль. А на схеме вверху — наша Галактика.





Пятнадцать лет назад ученые обратили внимание на неприметную на первый взгляд звездочку голубоватого цвета. Приборы показали, что от нее идет и радиоизлучение. Это поразило ученых: все обычные звезды отличаются очень слабым радиоизлучением, которое трудно зарегистрировать. Через некоторое время обнаружили четыре таких объекта.

Стали загадочные звездочки изучать. Когда удалось получить их спектр, по его удивительным особенностям смогли определить расстояние. Оказалось, что они невероятно далеки от Земли! Так далеки, что пришлось их поставить в ряд самых удаленных объектов, известных ученым.

Миллиарды лет добирается свет от этих удивительных «звезд» до Земли. Каким же необычайно ярким и мощным должен быть источник, чтобы его свет преодолел такое расстояние и мы смогли его зарегистрировать! Ведь, несмотря на невероятную удаленность, мы можем уловить его даже в самодельные телескопы — как будто это свет наших «соседок», близких звезд...

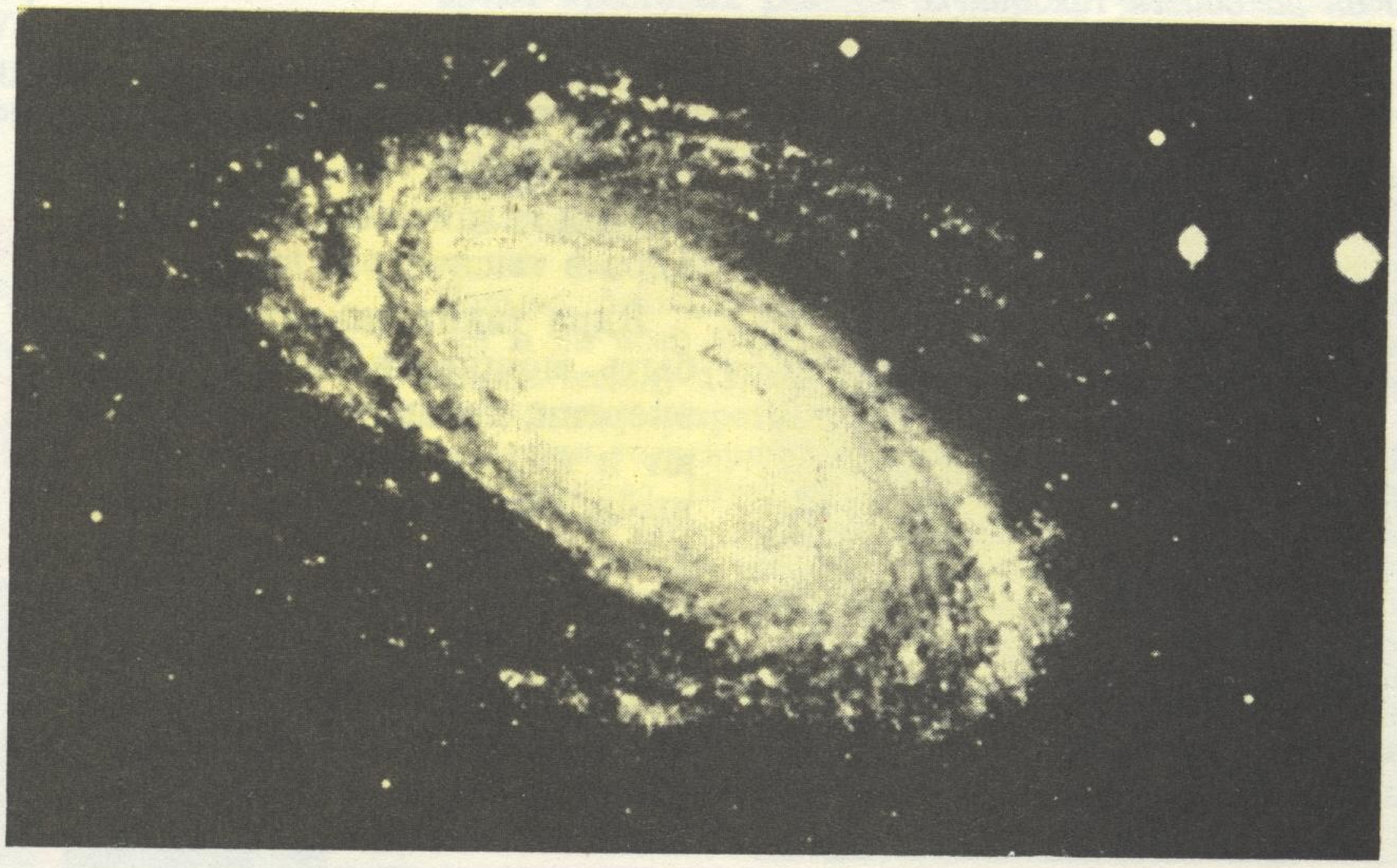
Необычно далекие объекты — сейчас их известно около шестисот, — внешне похожие на звезды, назвали **квазарами** *.

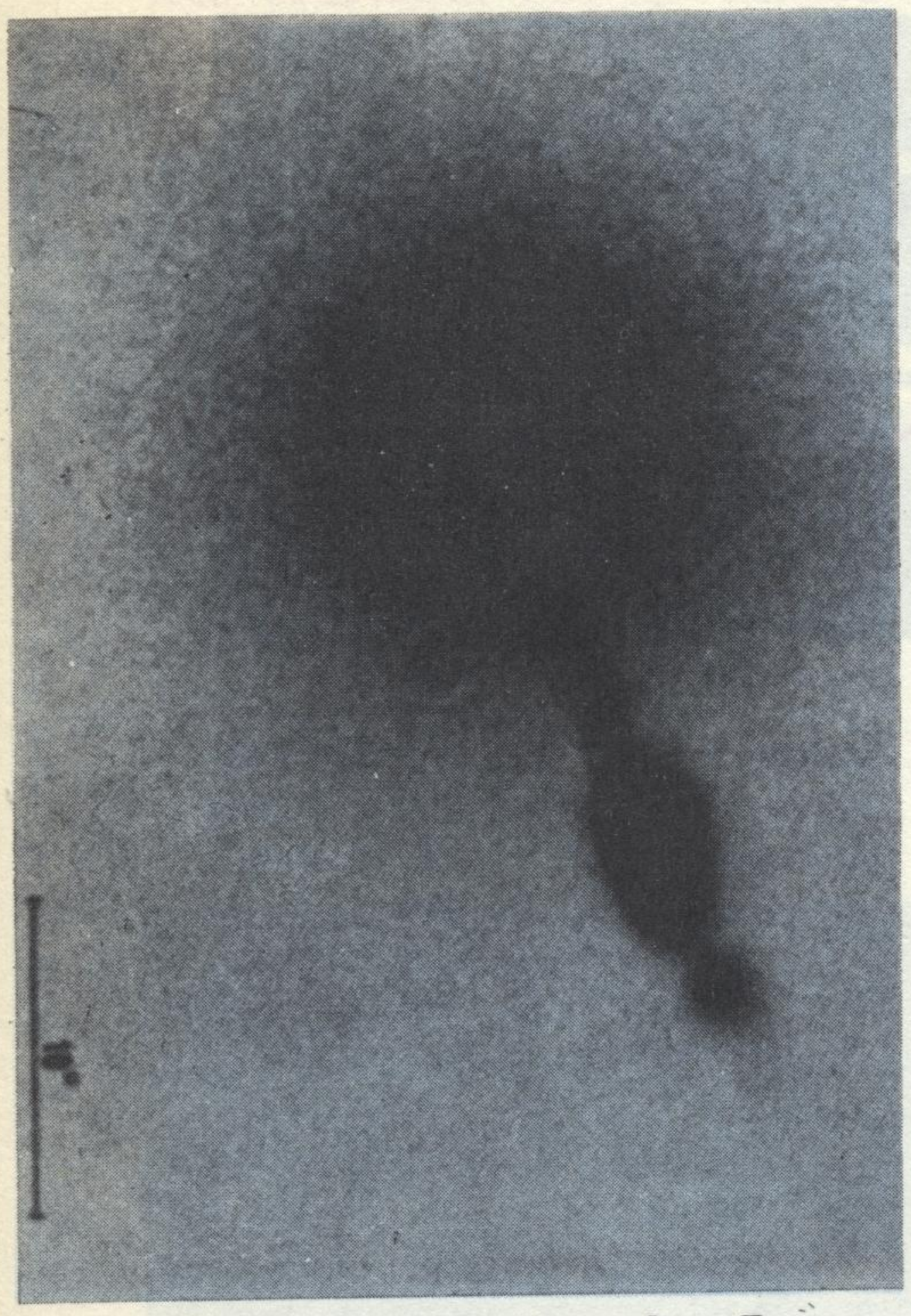
Открытие их было неожиданным даже для многих ученых: о существовании таких невероятно далеких и мощных источников энергии никто раньше не подозревал. Вот почему появилось множество самых разных гипотез о происхождении и природе квазаров. Некоторые гипотезы даже противоречили друг другу. Свои предположения высказывали и любители астрономии, например, о том, что, наблюдая квазар, мы видим выбросы двигателей космического корабля инопланетян...

Так что же такое квазар? Что является источником мощного света? Одна ли это огромная звезда? Плотное звездное скопление? Или это новое, неизвестное ученым небесное явление? Как оно связано с теми, которые уже известны ученым?

С этими вопросами мы обратились к Виктору Амазасповичу Амбарцумяну. Мы знали, что работы бюраканских астрономов по изучению

* Квазар — так сокращенно записываются слова «квазизвездный радиоисточник» («квази» значит «похожий»).





Это галактика в созвездии Девы. Ядро ее отличается высокой активностью. Черное «облако» — выброс из ядра.

природы квазаров признаны сейчас учеными всего мира.

Вот что ответил нам академик **Виктор Амазаспович Амбарцумян:**

«Астрономам особенно повезло...»

— Любители сенсаций часто видят в крупных научных открытиях не столько пополнение наших знаний о природе, сколько повод поднять шум и вызвать всеобщее любопытство.

А если при этом вновь открытому явлению присвоено достаточно звонкое и броское название, то радости их нет предела...

Ученые тоже радуются открытию совершенно новых явлений, но их интересует не только новое в этих явлениях, но и связь со старым. Им важно выяснить, можно ли объяснить новое явление на основе уже известных законов.

Особенно повезло за последние десятилетия астрономам...

Квазары, наблюдаемые на расстоянии миллиардов световых лет, оказались объектами наивысшей светимости среди всех небесных тел. Светимость среднего квазара часто в тысячу миллиардов и более раз превосходит светимость Солнца, а оно, как известно, испускает немало лучистой энергии.

Подробные исследования позволили в конце концов установить следующее общее представление о квазарах: **квазары являются галактиками, но галактиками особого рода.**

Что это значит?

Вокруг нас много галактик с самыми разнообразными свойствами. У наиболее массивных есть такая особенность, как ядро. В нашей Галактике тоже есть ядро — оно находится в созвездии Стрельца, на расстоянии 30 000 световых лет. Ядро нашей Галактики сравнительно спокойно, но во многих других галактиках активность ядра в тысячи раз выше.

Ядра таких галактик могут быть мощными источниками энергии, которую они выделяют в виде света, радиоволн, выбросов вещества. Степень активности или возбуждения ядер галактик очень различна.

Так вот квазары и являются галактиками, где ядро очень активно и поэтому обладает светимостью, в десятки и сотни раз превосходящей светимость всей остальной галактики. Иными словами, свет, приходящий к нам от такой галактики, — это в основном свет ее ядра, хотя размер самого ядра ничтожен по сравнению с размерами галактики.

Представим себе, что в таком возбужденном состоянии находится ядро нашей Галактики. Ничего особенного мы на небе не увидели бы, потому что пылевая материя поглотила бы свет, исходящий из центра. Но если бы можно было удалить облако пылевой материи, то мы увидели бы — даже невооруженным глазом! — объект, в тысячи раз более яркий, чем Сириус — самая яркая звезда неба. По своему видимому блеску он приближался бы к блеску Луны и, находясь на огромном расстоянии в 30 000 световых лет, был бы так огромен, что отбрасывал бы тень на Землю...

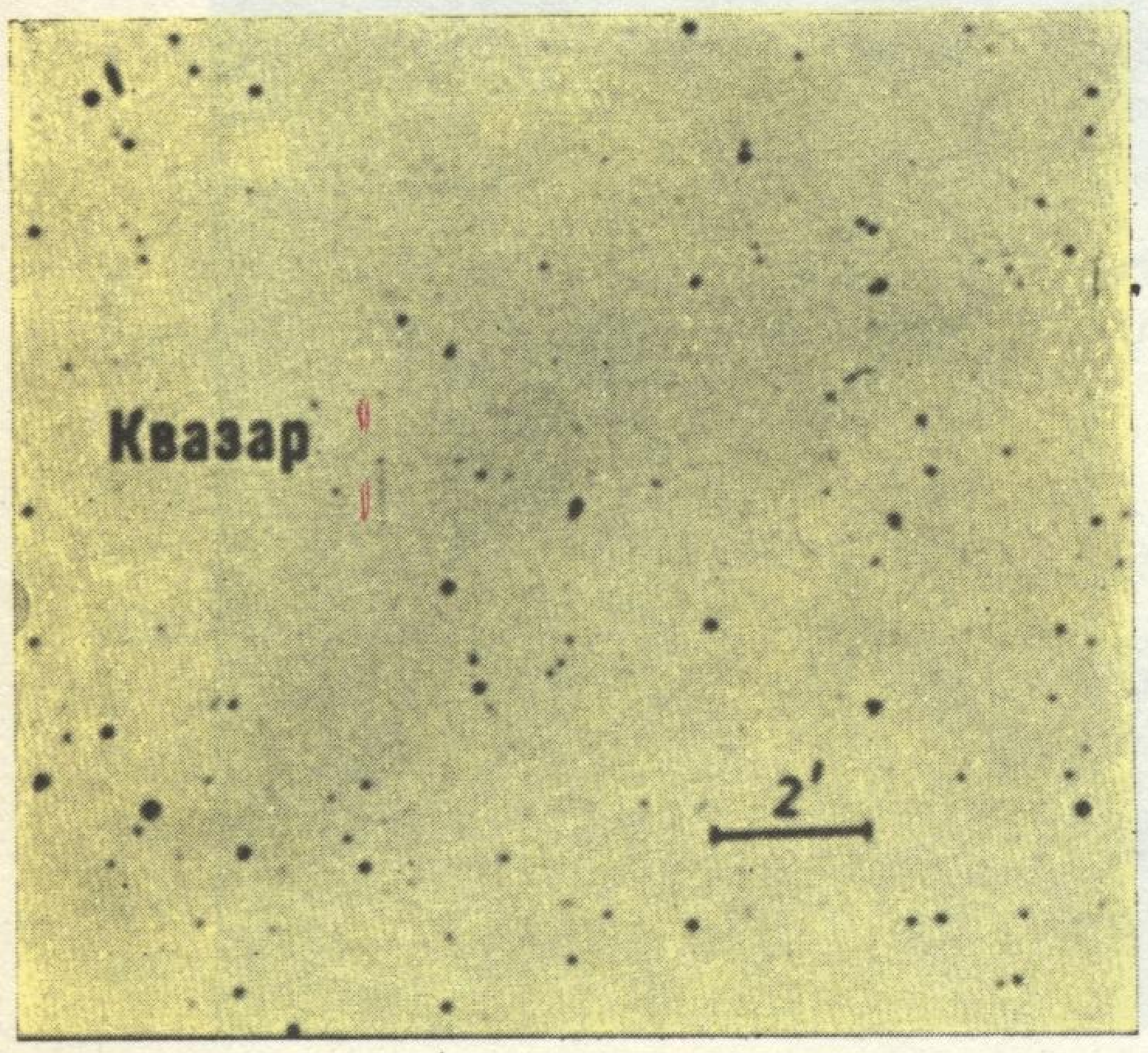
Обычно, говоря о квазарах, имеют в виду ядра соответствующих галактик — ведь подавляющая часть доходящего до нас излучения квазаров исходит из их ядер. Только в этом смысле слова «квазары — это ядра галактик» можно считать правильными.

Таким образом, квазары — это галактики с возбужденными ядрами. И, следовательно, существование квазаров есть одно из возможных проявлений более общего удивительного явления — активности ядер галактик. Вот почему их открытие полностью уложилось в развитое ранее советскими астрономами (в том числе и бюраканскими) представление о разнообразных формах активности ядер галактик, и, в частности, таких, которые связаны с выделением больших количеств энергии.

Ученые удовлетворены, поставив новооткрытое явление на свое место. Но любители сенсаций могут утешаться: броское название «квазар» осталось в науке надолго, может быть, навсегда.

И. ПАВЛЕНКО

Квазар — мощный источник энергии. Но он находится так далеко от нас, что на снимках обозначен едва заметной точкой.



ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

«ПОЮ ПЕРЕД ТОБОЙ В ВОСТОРГЕ ПОХВАЛУ»

«Когда люди научились делать стекло?»

Андрей Коровин, 6 класс,
Пермская область.

Считается, что способ изготовления стекла был случайно открыт финикийскими купцами за несколько тысячелетий до нашей эры во время их путешествия по Аравийской пустыне.

В Древнем Египте ремесленники уже делали из стекла украшения, которые ценились наравне с драгоценными камнями и золотом. Оконного стекла люди еще не знали. Окна затягивали бычьими пузырями или слюдой. Только в первом веке нашей эры в Риме научились отливать плоские, шероховатые куски стекла для окон дворцов. Солнечные лучи, проходя через такое полупрозрачное стекло, наполняли роскошные покои мягким, рассеянным светом.

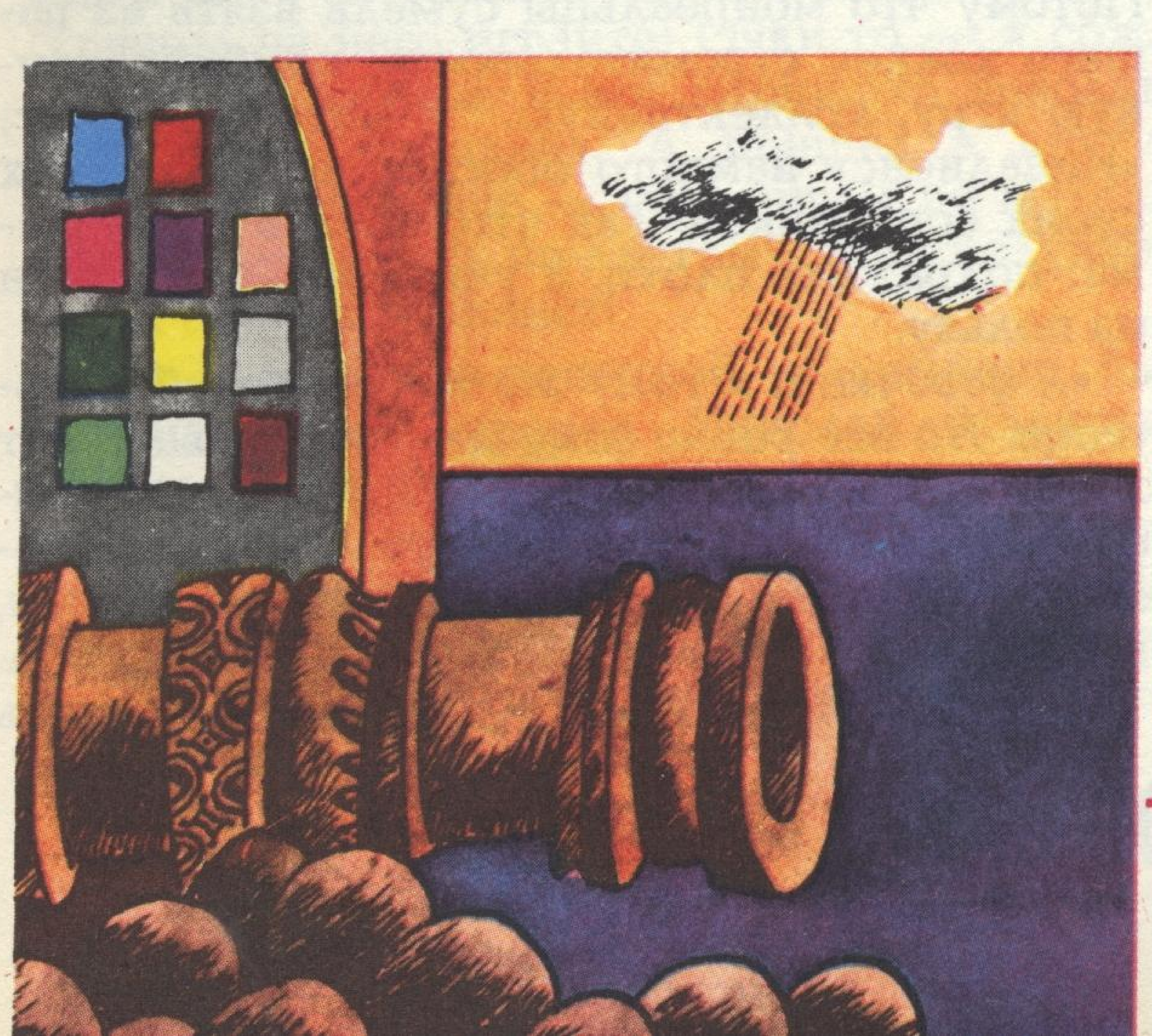
В начале нашего тысячелетия неизвестный мастер открыл еще одно свойство стекла. Оказывается, расплавленную массу можно не только лепить или отливать. Ее можно выдувать! Так же, как ты выдуваешь мыльные пузыри. С помощью стеклодувной трубки можно выдувать сосуды любой формы и толщины. Мастера-стеклодувы средневековой Италии научились делать тонкие, прозрачные, как воздух, бокалы, кубки, вазы и украшать их кружевными, филигранными узорами. Секреты этого искусства хранились в строгой тайне, и разглашение их каралось смертной казнью.

Еще во времена Киевской Руси славились по всему миру стеклянные украшения русских мастеров. Изготовлялись они в маленьких мастерских. Первый стекольный завод в России был построен в XVII веке в местечке Духанино.

В 1752 году М. В. Ломоносов открыл фабрику по изготовлению разноцветных стекол для мозаики. Великого русского ученого захватила работа с удивительным материалом. Он нашел способ окрашивать стекло в двадцать тысяч цветовых оттенков! Ломоносов написал хвалебное стихотворение стеклу — оду. Она кончается словами:

Пою перед тобой в восторге похвалу,
Не камням дорогим, не злату, но стеклу!

А. ПАНФИЛОВА, искусствовед,
сотрудник Государственного института стекла



ЗЕМНЫЕ НЕДРА — РОДИНА МОРЕЙ

«Почему вода в море соленая?»

Азат Сахбутдинов, 6 класс,
д. Булярово, Татарская АССР.

Прежде чем искать ответ на этот вопрос, давай зададим себе другой: откуда взялись сами моря, откуда в них вода?

В незапамятные времена, примерно четыре миллиарда лет назад, она начала выжиматься из глубин Земли, из мантии. Вещество мантии существует и в твердом, кристаллическом состоянии и в расплавленном. Вода растворена в расплавленной части мантии и находится между кристаллами твердой мантии. На поверхность вода выходила уже соленой. Соли растворялись в ней, пока вода по трещинам и разломам земной коры поднималась к поверхности планеты.

Значит, сначала появилась соленая вода морей и океанов, а уже потом, испаряясь, она уходила в атмосферу, собиралась в облака и падала на землю пресным дождем или снегом. Так рождались реки, озера, горные ледники.

Пятьсот миллионов лет назад океан имел уже такую соленость, как и сейчас.

Ученые и сейчас могут исследовать ту воду, которая идет из глубин Земли. На Камчатке, в Исландии, в Северной Америке и в других местах планеты, где есть вулканы, вода бьет горячими фонтанами. Это гейзеры. Вода гейзеров соленая и очень близка по составу воде морей и океанов.

Б. КОГАН,
кандидат геолого-минералогических наук

«ВЕЛИКИЙ ГРОМ»

«Расскажите, пожалуйста, в какой стране и когда появилось огнестрельное оружие?»

Юра Васильев, 5 класс,
г. Калининград.

Чтобы создать пушку или ружье, Юра, люди должны были сначала изобрести порох. Порох — смесь селитры, серы и каменного угля — изобрели в Китае в начале I тысячелетия нашей эры. Китайцы долгое время использовали его для праздничных огней, фейерверков. Арабы научились изготовлять порох в VII веке, а от них во время крестовых походов о порохе узнали европейцы.

Самое древнее изображение пушки сохранилось в английской рукописи 1326 года. Ранние сведения об изготовлении пушек есть в архивах итальянского города Флоренции. Стволы первых пушек были похожи на бочки, стянутые обручами.

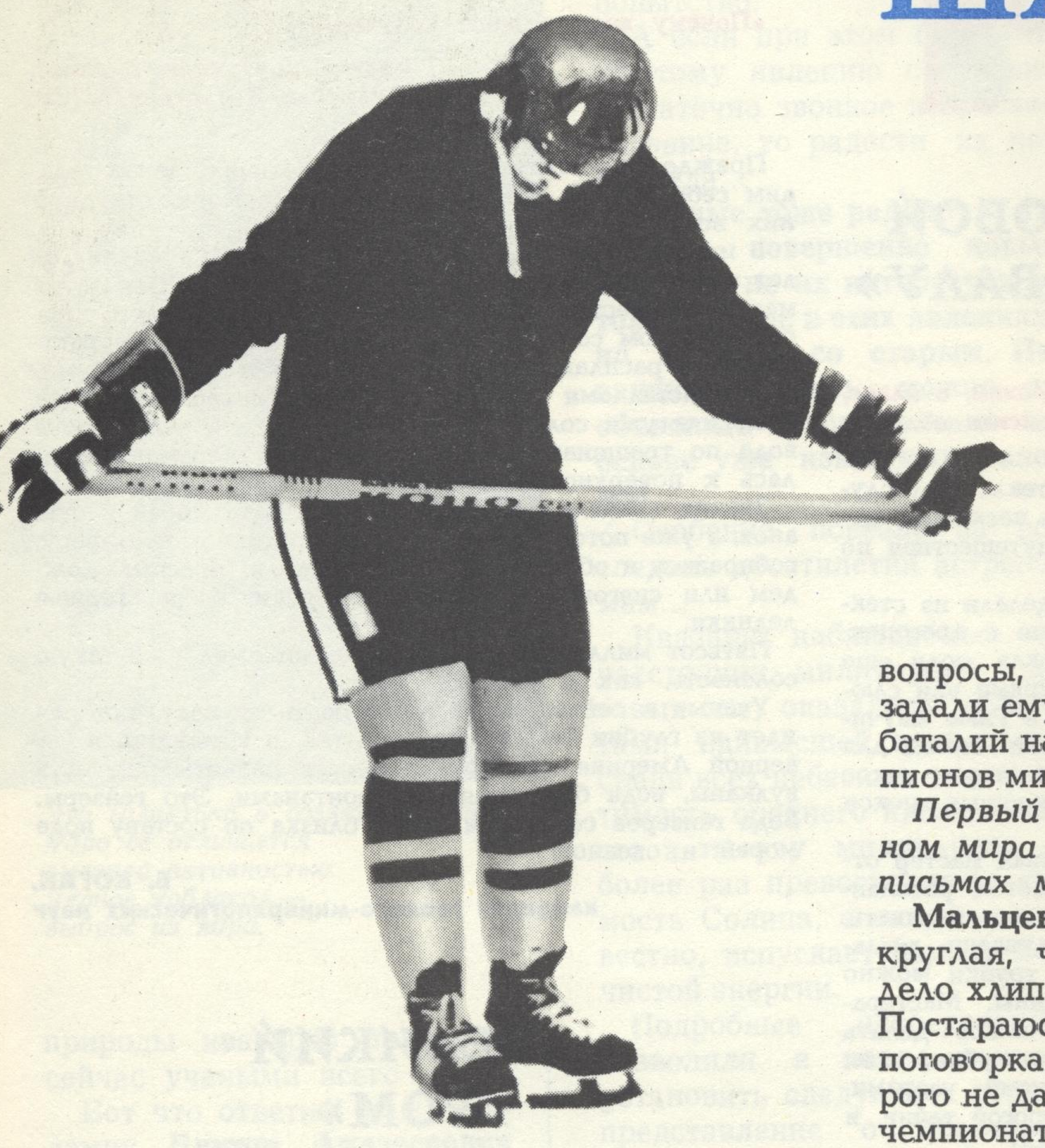
В середине и второй половине четырнадцатого века пушки были взяты на вооружение в Швеции, Венгрии, Польше, Литве, Чехии, в Средней Азии, в Индии, в Китае и во всей Северной Африке. На Руси пушки появились между 1376 и 1382 годами. Орды хана Тохтамыша Москва встретила уже новым оружием.

Пушки того времени поражали своей громоздкой неуклюжестью. Шум от их стрельбы приводил людей в ужас. Об этом говорит само название орудий — «бомбарды» (от греческого «бомбос», что значит «шум», «грохот»). В летописи есть строки: «От великого того грому многим человекам падати».

Ручное огнестрельное оружие появилось во второй половине четырнадцатого века.

Ю. ШОКАРЕВ,
кандидат исторических наук

ШАЙБУ! ШАЙБУ!



Фотографии **В. КРУПСКОГО**

Пол-Москвы болеет за «Спартак». Весь Воскресенск — за «Химик». Вся Рига — за свою любимую команду «Динамо». Так в каждом городе — дело понятное.

Но есть несколько хоккеистов, за которых мы болеем, несмотря на свои клубные привязанности.

Как не восхищаться беззаветным хоккеем Михайлова, хитроумной прямолинейностью Петрова, чудо-техникой Харламова, блестящей, чуть ироничной игрой Балдериса... И обязательно одной из первых называют фамилию Мальцева.

Мы без конца слышим, что хоккей — это силовой напор, соревнование нервов и мускулов. Но когда смотришь игру Александра Мальцева, понимаешь, что прежде всего хоккей — игра умная, очень красивая, современная. Как верно заметил один болельщик, хоккей — это космический вихрь на льду. А в центре этого вихря — Александр Мальцев!

Впрочем, что там говорить ему комплименты: девятикратный чемпион мира, трехкратный чемпион Олимпийских игр, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Заслуженный мастер и удивительный художник хоккея.

Сегодня Александр Мальцев отвечает на вопросы, которые через журнал «Пионер» задали ему ребята в канун новых хоккейных баталий на московском льду за звание чемпионов мира и Европы.

Первый вопрос такой: кто станет чемпионом мира на этот раз? Вопрос повторяется в письмах многих ребят.

Мальцев. Что же ответить? Что шайба круглая, что всякое бывает, что прогнозы дело хлипкое... Но это вы и без меня знаете! Постараюсь сказать по существу. Есть такая поговорка, что третьего не дано. А нам и второго не дано... второго места. Всегда, на всех чемпионатах, мы сражаемся за золото. А уж в этом году, дома, тем более! Второго места нам болельщики не простят — вот как мы говорим между собой.

«Мне кажется, за последние годы хоккей все больше меняется и все больше в канадскую сторону. Почему?» (Дима Соколов, г. Уфа).

Мальцев. Современный хоккей берет лучшее, то, что ведет к победе, к совершенствованию игры. Да, мы стали играть жестче, решительней, стало больше силовых приемов... По-канадски? Допустим... А в Канаде можно слышать, как сильнейшую команду НХЛ «Монреаль Канадиенс» называют «русской». Потому что монреальцы сумели взять из нашего хоккея стремительность, комбинационную игру, коллективную. И вот результат: «Канадиенс» намного обогнал по игре всех своих соперников. Так что, имей в виду, Дима: подражать плохо, а учиться — это всегда на пользу.

«Я девочка и к тому же только телеболельщица. Но все равно замечаю, что судьи судят хуже, чем хоккеисты играют! Почему же выдающиеся хоккеисты не идут в судьи? Может, Мальцев пойдет?» (Таня Полозова, г. Гродно).

Мальцев. Нет, Таня, не пойду. Опасаюсь

быть необъективным. Слишком много души и... крови отдано родному клубу. Но в том и счастье игрока — любить свой клуб. Всегда поэтому жалею тех хоккеистов, которые переходят в другие команды...

А судьи? Судьям надо учиться. Как и мы, игроки, ежедневно по многу часов учимся хоккейной науке. И еще: надо больше смотреть канадских арбитров — это как раз тот случай, когда от подражания только польза.

«Хотел идти в хоккейную секцию, но ребята не советуют. Говорят, там нужны здоровые лбы...» (Виталий Стаин, г. Ульяновск).

Мальцев. Имя и фамилия у тебя очень хоккейные (был в свое время в «Динамо» такой отличный нападающий). А вот характер не хоккейный: хочешь стать спортсменом — добивайся, хотя бы пробуй. А ты: «Мне не советуют...» Зря ты побоялся. Тренировки помогут тебе стать сильным. Но никакая тренировка не вырабатывает характера. Вот об этом думай, это твоя забота! И еще: умный тренер не станет специально подбирать в команду «лбов». В игре нужны не «лбы», а «головы» — умные, соображающие люди. Иначе вместо хоккея получится беготня, толкучка и потасовка.

« У меня был один знакомый мастер спорта, лыжник, и он курил. Затянется, бросит папиросу и уходит на дистанцию... Курение все-таки влияет на спортивные достижения или нет?» (Лева Анохин, г. Иркутск).

Мальцев. Вопрос не очень по адресу. Я никогда не курил, никогда в жизни. Если куришь, просто нет смысла заниматься спортом. А вот заядлый куряка, который стал мастером, он стал бы, может быть, и чемпионом мира. А теперь не станет никогда! Это точно!

«Я немало забиваю. Но ребята в команде говорят, что я жадный на шайбу. А я не жадный. Просто у меня жажда гола, которую, наоборот, надо поощрять!» (Д. Лебедев, г. Зеленоград).

Мальцев. Жажда забивать именно самому — это все-таки жадность. А жадность — всегда плохо. Это, дорогой Д. Лебедев, надо помнить во всех случаях жизни. Борись с этим и в хоккее и везде... Но бывает, что игрока заставляют быть жадным. В детской команде он, допустим, здоровее других или кажется посмышленей — может забить. Тренер: на него играйте! Очки-то — к сожалению! — нужны. И вот парнишка невольно становится «звездой». А пришел в другую команду, постарше — уже ничем не выделяется. Надо играть по-другому, а не получается. И пропал хоккеист!

У нас в кирово-чепецкой «Олимпии» был замечательный тренер Николай Иванович Поляков. Он учил нас, мальчишек, играть в хоккей, а не стремиться набирать только очки. И всегда, сколько я помню нашу команду, у нас были интересные игроки, а в жизни очень добрые люди. Многие доросли до мастеров!

— Папа, а я не хочу быть нападающим, их все время толкают. Я лучше в защите буду, ладно?

А вообще хорошего игрока никогда не интересует, сам он забивает или с его паса забьют. Главное, чтобы хорошо было твоей команде, твоему болельщику. Чтобы игра получилась красивая. Так, по-моему, всегда играл Пеле, так играл и наш Стрельцов в футбол. Так играли Александров и Альметов в хоккей.

«Спросите, пожалуйста, у Мальцева, каким бы он спортом занимался, если б не стал хоккеистом» (Боря Сахаровский, г. Череповец).

Мальцев. Только футболом! И кстати, чуть не стал футболистом. Когда попал в «Динамо», Константин Иванович Бесков (тогда он тренировал наших футболистов) всерьез звал меня играть... Все же остался я в хоккее. Во многом из-за того, что не мог обмануть ожиданий замечательного тренера Аркадия Ивановича Чернышова, которого я очень уважаю. Слово свое надо всегда держать.

«Один человек, который болеет за «Спартак», говорит, что якобы Мальцев дружит с Харламовым. А я доказываю, что они дружат просто как игроки сборной СССР по хоккею. По-настоящему Мальцев с ним дружить не может, раз Харламов из ЦСКА» (Саша Денисов, г. Вологда).

— Тренировки, тренировки, тренировки... Каждый день по многу часов учимся мы хоккейной науке.

Мальцев. Могу! И дружу! Наша дружба не виновата, что мы играем в разных командах. Сражаемся честно — он за свой клуб, я за свой. И при встречах «Динамо» — ЦСКА каждый изо всех сил стремится к победе. Он в первой тройке, и я в первой тройке. На поле мы противники — по-спортивному до конца.

Я ценю Харлама (так я зову его в шутку) за то, что он честен во всем, за то, что в трудную минуту он всегда рядом, за его необыкновенную преданность дружбе.

И очень люблю смотреть, как он играет...

«Мне больше всего нравится, когда Мальцев с финтами проскочит защитников и вдруг один окажется перед воротами. Как он придумывает эти финты? Таких ни у кого нету!» (С. Ильин, г. Рыбинск).

Мальцев. Известными финтами пользоваться все равно, что старые сказки рассказывать.

Финт — штука очень тонкая. Он придумывается далеко не каждый день... Ждешь, следишь за собой. И однажды на тренировке чувствуешь: у тебя особо хорошее настроение — вдохновение, что ли. Тут уж не ленись, фантазируй... Вроде что-то получилось. Но получилось ли на самом деле? Пробую «изобретение» в двусторонней тренировочной игре. И вот сделал финт: ты свободный—в одну сторону катишь, а защитник попался — откатился совсем в другую. Тогда начинаю уже до автоматизма отрабатывать свое «секретное» оружие, храню его до очередного ответственного матча.

«Александр Мальцев самый лучший игрок. Я хочу быть, как он! Но как это сделать не знаю» (Илья Сорокин, г. Подольск).

Мальцев. Спасибо, конечно. Приятно такое слышать. Но, во-первых, это невозможно, Илья: копия, извини, всегда хуже оригинала. А во-вторых, и не нужно. Анатолий Владимирович Тарасов говорил нам в свое время: «Плохо родиться вторым Фирсовым или вторым Сологубовым. Надо родиться самим собой». Учиться — да, можно и нужно. Но лишь для того, чтобы пойти дальше,— дальше Третьяка, Харламова, любого из нас.

Не даю гарантию, что обязательно это получится. Тут надо иметь огромное упорство (помните, как Харламов после тяжелейшей травмы вновь вошел в строй, в сборную страны, в первую тройку?). И великую работоспособность, помноженную на любовь к игре. Ну и, естественно, необходим талант!.. Что, страшновато стало? Ничего. Все равно вперед! Обязательно испытай себя. Итак, помни: не нужен Мальцев № 2, а нужен Илья Сорокин № 1.

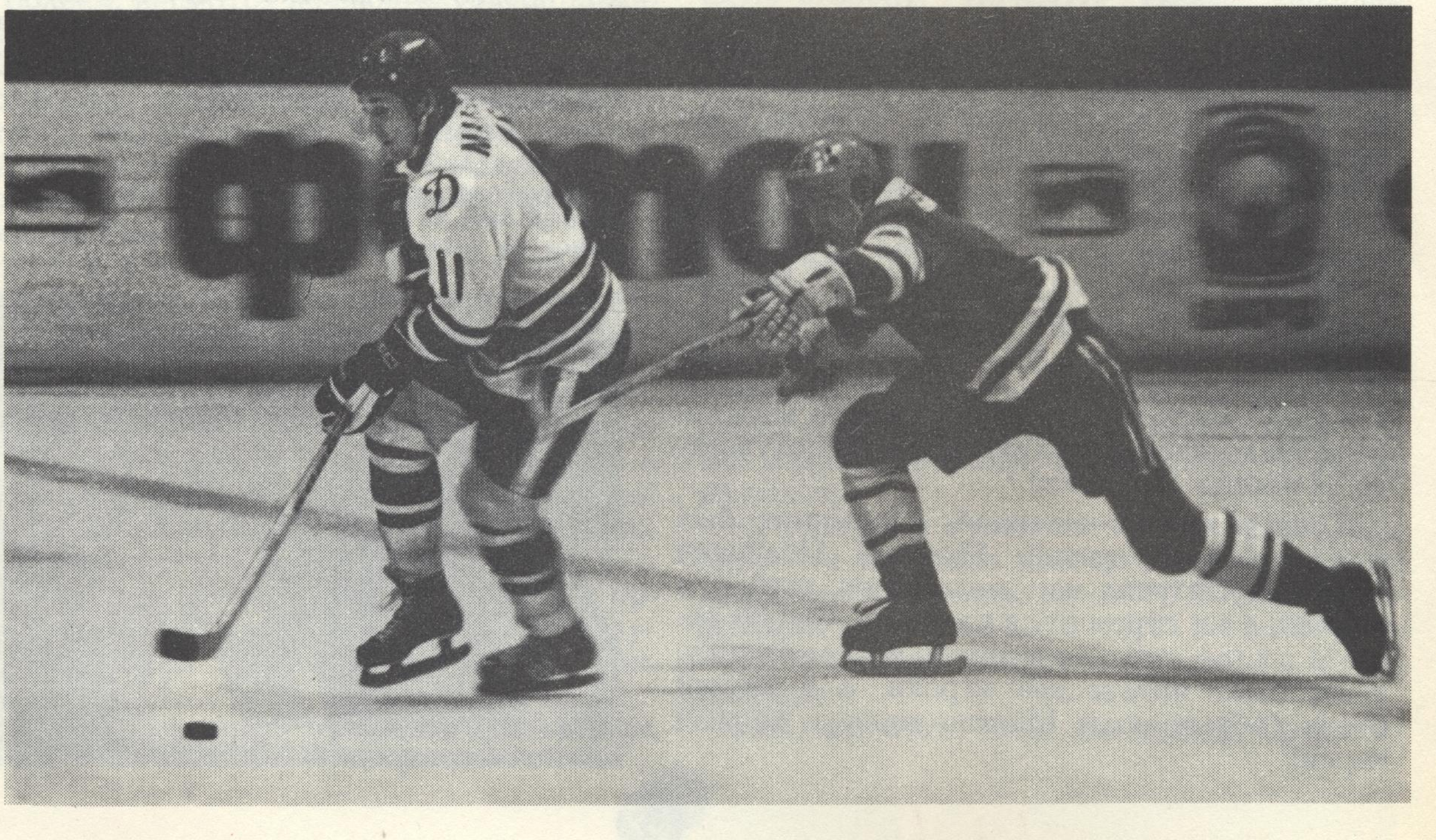
«Что дает человеку «Золотая шайба»?» (Лев Воронцов, г. Псков).

Мальцев. А почему обязательно «дает»? Когда я смотрю на мальчишек из «Золотой шайбы», я им, честное слово, завидую. Так беззаветно, зло, азартно они «рубятся». Мы, взрослые,— чемпионы, мастера и заслуженные мастера — тоже играем... неплохо. Но, как они, уже не умеем.

И все же, что дают эти соревнования? Ведь участие в первенстве мира даже победителям не гарантировано. Но «Золотая шайба» и золотая медаль чемпиона мира — это те самые две точки, через которые **можно** провести прямую.

Теперь последнее, ребята. Начинаются самые главные матчи сезона. Болейте за сборную СССР — хоть по телевизору, хоть по радио. Если она победит, часть этой победы будет и ваша — верных болельщиков. А если проиграет... Мы все же верим в победу!

Записал С. ИВАНОВ



Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Какие деревья растут в Африке?

Ученица. Дедо-бабы, нет... бабо-деды...

Галя Белина,
с. Красный Яр.

* * *

Учитель. Какую ты знаешь пустыню в Африке?

Ученик. Сахаристую...

Дима Свешников,
г. Москва.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель. Где находятся семена растений?

Ученик. Все семена растений находятся в тыкве.

6-й класс,
г. Владимир.

НА УРОКЕ МАТЕМАТИКИ

Учитель. Что такое ломаная линия?

Ученик. Ломаная — это которая идет прямо, но виляет.

Таня Степанова,
с. Садовое,
Курганская область.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. Вова, кто такой Ляпкин-Тяпкин?

Ученик. Ляпкин — это человек, а Тяпкин — его друг.

Алым Кучкаров,
колхоз «Коммунизм»,
УзССР.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Учитель. Отчего острые ножницы режут лучше, чем тупые?

Ученик. Потому, что молекулы у них лучше наточены.

Слава Солощенко,
Алма-Атинская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Образуй имя существительное женского рода от слова «горец».

Ученица. Горчица.

Рита Столярова,
г. Осиповка, БССР.

Из школьных сочинений

«Печорин всячески отговаривал Ленского от дуэли, но Ленский настаивал».

«День солнечный. На снегу чьи-то следы на солнце».

«Запрокинув головы, дети смотрели вниз».

«У девочки в голове, как муха, пробежала очень интересная мысль».

«Сеня съел апельсин от корки до корки».

«Закат на море был так красив, что глаза не знали, куда деваться».

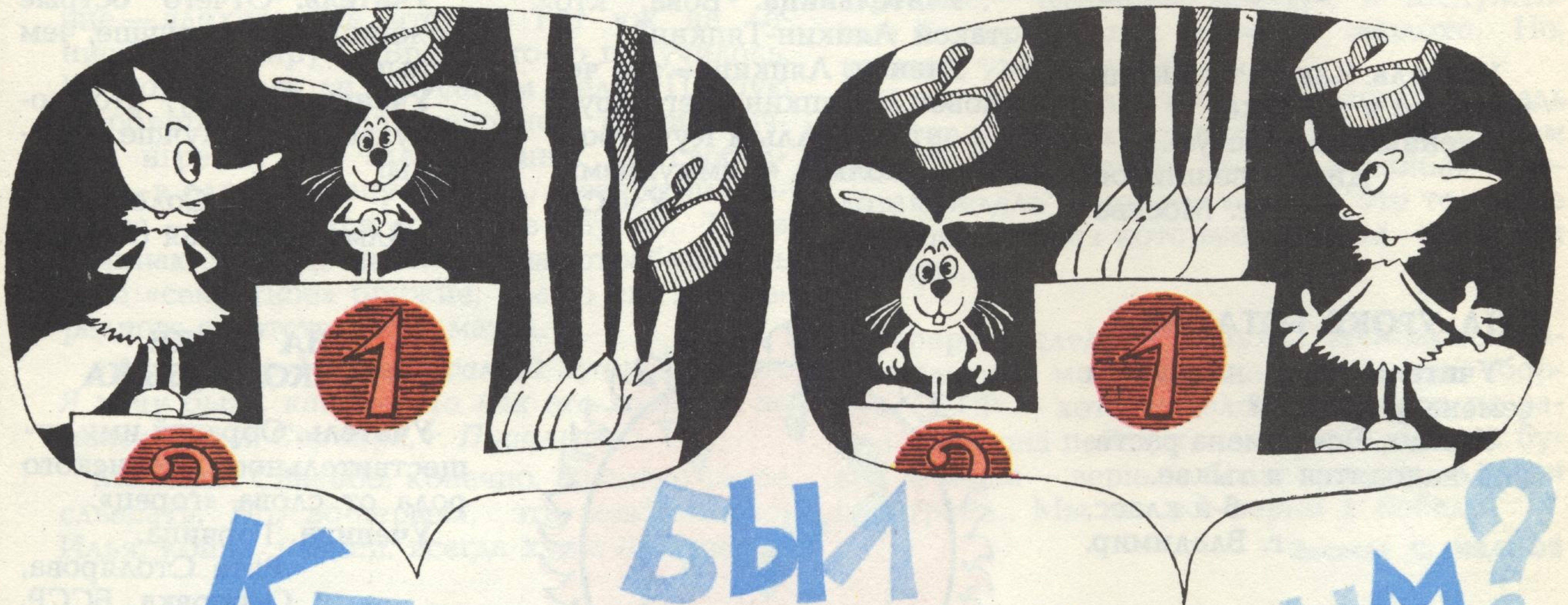
«Поэт сидит, напустив на лицо задумчивую позу».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

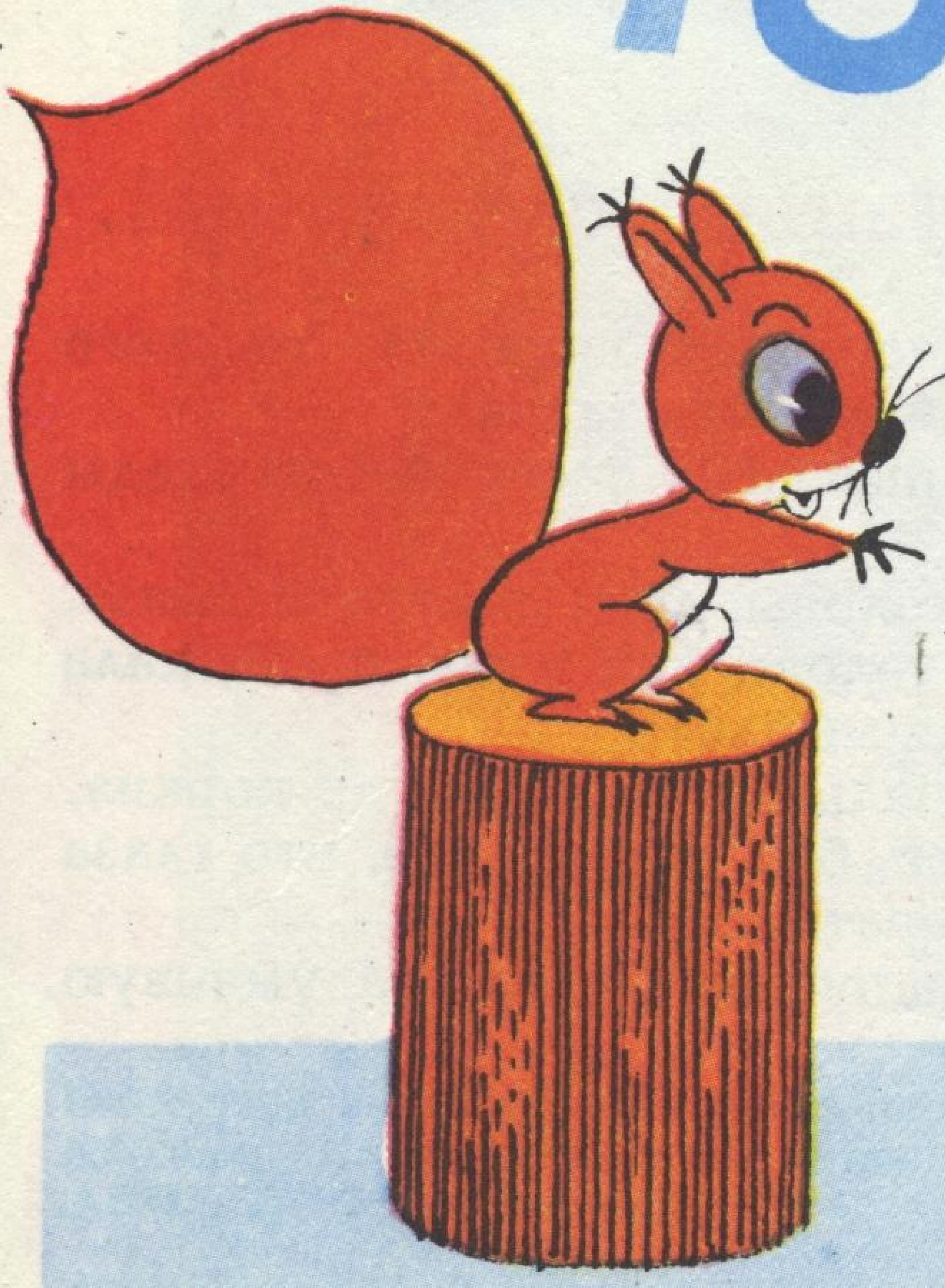
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВАСИЛЬЕВА



Кто был первым?



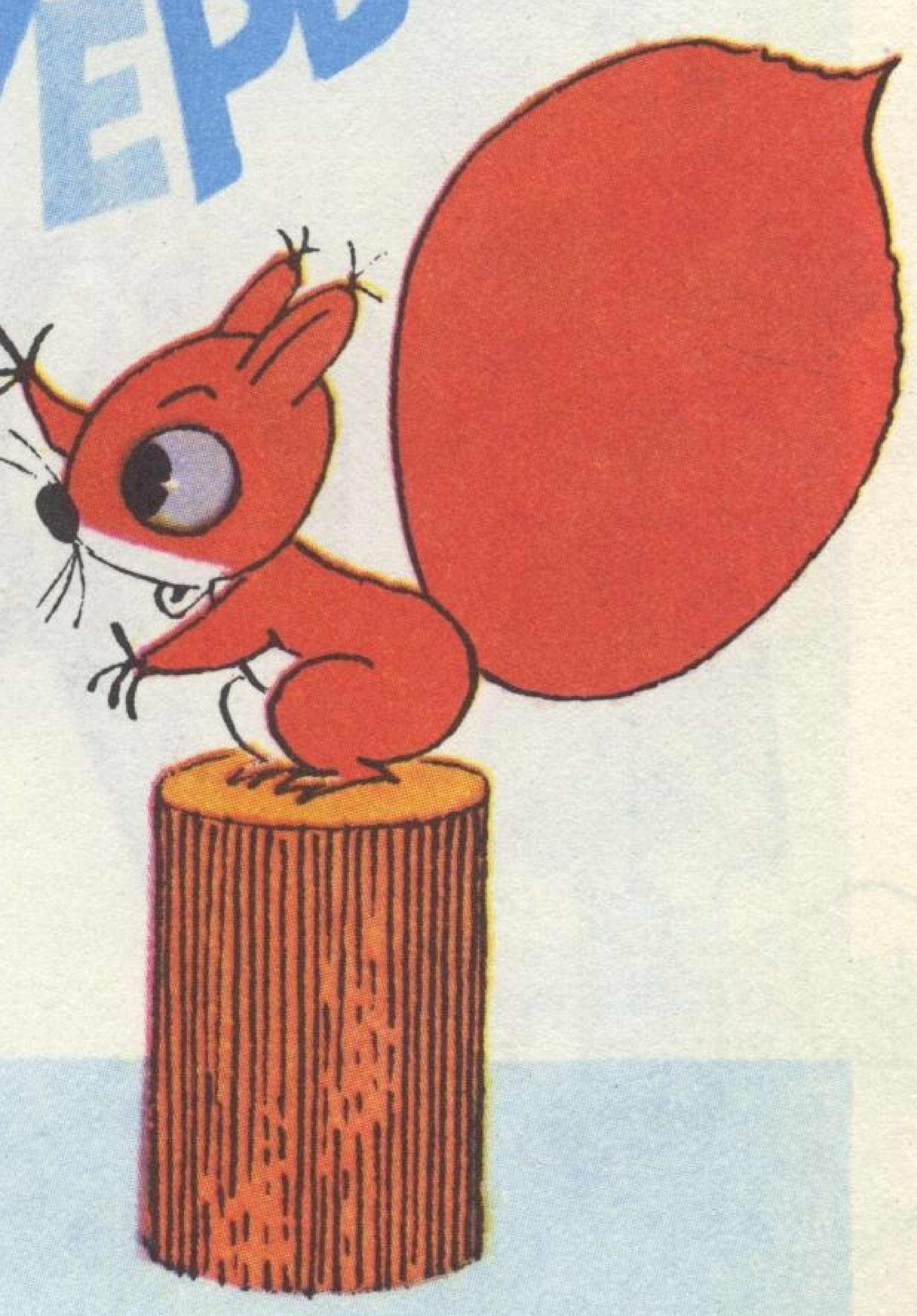
Кросс осенний вспоминая,
Спорят белки два часа:
— Победил в забеге заяц!
А второй пришла лиса!

— Нет,— твердит другая белка,—
Ты, мол, эти шутки брось!
Заяц был вторым, конечно,
Первым был, я помню, лось!

— Я,— промолвил филин важный,—
В спор чужой не стану лезть,
Но у вас в словах — у каждой! —
По одной ошибке есть.

Белки фыркнули сердито,
Неприятно стало им.
Вы же, взвесив все, найдите,
Кто был первым,
кто вторым!

Живживка

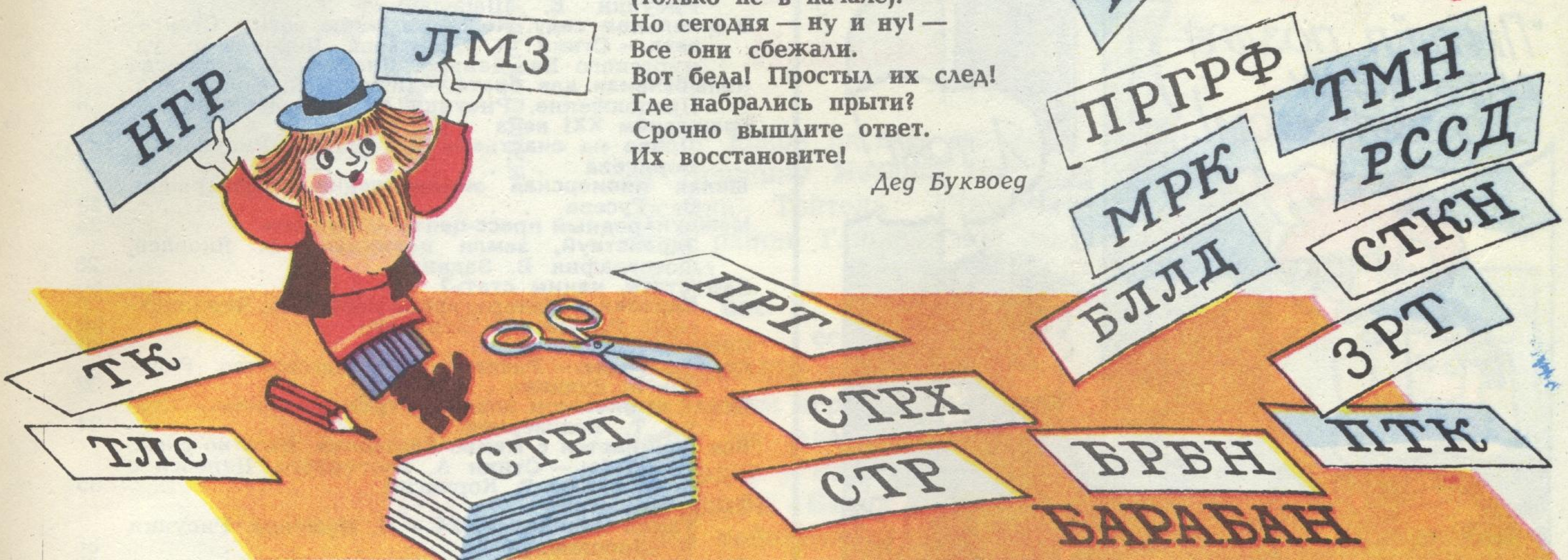


РЕМОНТ

Игры деда Буквоеда

Мы обычные слова,
Всех нас знает каждый,
Мы содержим букву «А»
Трижды или дважды.
Иногда всего одну
(только не в начале).
Но сегодня — ну и ну! —
Все они сбежали.
Вот беда! Простыл их след!
Где набрались прыти?
Срочно вышлите ответ.
Их восстановите!

Дед Буквоед



КОНКУРС ЗА-МАР-КАНЬ-ТЕ

Я африканский носорог,
Готов я кляссер протаранить,
И знай: еще никто не смог
Меня, упрямца, замарканить!

Может быть, ребята, вам удастся это сделать?

Перед вами на рисунке носорог. Попробуйте полностью закрыть его марками (или самодельными жетонами с названиями стран) так, чтобы соприкасались только марки граничащих между собой государств. Марки трех стран уже на своих местах, остальные расставьте сами.

За правильные и хорошо оформленные ответы Дед Буквоед наградит пятерых победителей конкурса комплектами марок.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 2

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Два пакета: пакет № 1 — Алжир, Тунис, Судан. Пакет № 2 — Руанда, Ангола, Сенегал.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Арифметика царя Гороха: на подносе царя стручки должны лежать так: 1+1=2, 2=2, 2Х1=2, 1Х1=1, а вот на подносе царицы стручки лежат в таком порядке: 2=4—2, 2=2, 3—2=1, 3—1=1+1.

А. АЛЕКСАНДРОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Власть советская — власть народная.— Фотография Д. Бальтерманца . . . . . II стр. обл.
Рыцари книги.— А. Костаков.— Записала Н. Хвастунова . . . 1
Об одном школьном клубе, о коллекционере и о встрече в Доме пионеров.— С. Богатырева. Рисунки Е. Шабельника 2
В школьном саду. Когда на улице весна. Стенгазета.— Стихи А. Леонтьева. Перевел с удмуртского Вл. Данько. Рисунок А. Борисова 5
Колыбельная для брата.— Повесть В. Крапивина. Продолжение. Рисунки Е. Медведева . . . 6
Гражданам XXI века
Право на счастье.— П. Гамарра. Рисунок А. Борисова 22
Малая пионерская энциклопедия.— Фотографии В. Гусева 23
Международный пресс-центр «Пионера» . . . 24
Здравствуй, земля целинная.— В. Яковлев. Фотография Б. Задвиля 28
Кем стать, каким стать?
Корабел.— Литературная запись А. Черняховской. Рисунки А. Борисова 29
Сами о себе 30
Двое в седле.— Рассказ С. Романовского. Рисунок В. Дудкина 32
Стоит за окошком апрель. Утром весенним.— Стихи Т. Белозерова 34
Все начинается с мамы. Звездочка. Бегство снежной бабы.— Стихи А. Костецкого. Перевел с украинского В. Корчагин 35
Ты, я, наш отряд
Улица Косинская, 24.— П. Мамонов. Рисунки Е. Шабельника 36
Боевой листок 38
Таким запомнился Гайдар.— В. Каверин . . . 40
Рассказы о Сибири
Дерзкие города.— М. Аджиев. Фотографии А. Лехмуса и фотохроники ТАСС 42
«Кораблик» 46
Совет мудреца Насреддина.— Сказка Р. Фархади. Рисунок Л. Хачатряна 48
«Вот Давыдов!..» — И. Андреева 50
Тебе, будущему исследователю
Ярче миллиардов солнц.— И. Павленко . . 54
Зачем и почему? 57
Олимпийский спортклуб «Пионера»
Шайбу! Шайбу! — Записал С. Иванов. Фотографии В. Крупского 58
Переменка 34, 61, 64
Ума палата.— Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Васильева 62
На обложке:
Мы — книголюбы! — Рисунок Е. Шабельника.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, **Р. З. БАБЛОЯН** (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР**, **О. И. ГРЕКОВА**, **А. А. ДЕРКАЧ**, **Н. В. ИЛЬИНА**, **Е. Л. КОВАЛЕНКО** (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН**, **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ**, **С. В. МИХАЛКОВ**, **А. С. НЕКРАСОВ**, **М. П. ПРИЛЕЖАЕВА**, **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1979.

Адрес для писем: **101459, ГСП-4, Москва, А-15. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.12.78.
Подписано к печати 30.01.79. А 01012. Формат 84×60 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 511. Заказ № 2.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Золотые медали нашей сборной

В конце прошлого года в Аргентине проходила шахматная олимпиада. Блестящую победу там одержала женская сборная команда СССР, завоевавшая золотые медали.

Нашу команду возглавляла чемпионка мира Майя Чибурданидзе. Играла она сильно и уверенно. Самой короткой партией олимпиады была та, где Майя встретилась с чемпионкой Мексики. Вот эта партия.

Сицилианская защита

В. Маура — М. Чибурданидзе

1. e2—e4 c7—c5. 2. Kg1—f3 e7—e6 3. d2—d4 c5:d4 4. Kf3:d4 Kg8—f6 5. Kb1—c3 Cf8—b4 6. f2—f3.

Робкий ход. К интересной и острой игре ведет здесь 6. e4—e5.

6... 0—0 7. Cc1—e3 e6—e5 8. Kd4—b3 d7—d5!

Черные уже овладели инициативой. Теперь белым надо было продолжать 9. ed K:d5 10. Cd2, но мексиканская шахматистка допустила решающую ошибку.

9. Ce3—c5? Cb4:c5 10. Kb3:c5 d5—d4 11. Kc3—e2 Фd8—a5+. Белые сдались, они теряют фигуру.

Найдите сами, как выигрывали черные в случае 11. Kc3—a4?

Из почты Пешкина

Вот какое письмо прислала Пешкину **Наташа Ни** из поселка Тойтела (Чирчикский район Ташкентской области).

«У нас в школе, — пишет Наташа, — **есть шахматный кружок. Мы тренируемся сами и учим играть в шахматы ребят из младших классов. Проходят у нас и соревнования клуба «Белая ладья».**

На районном турнире «Белая ладья» девочки из нашей школы не имели поражений и заняли первое место, мальчики сыграли хуже.

Я участвую в твоем конкурсе, Пешкин, и жду новых заданий».

Дорогая Наташа! Желаем успехов в шахматах ученикам вашей школы. Хорошо, если и другие наши читатели напишут Пешкину о турнирах «Белая ладья», о школьных кружках.

А это письмо прислал **Булат Усманов** из поселка Джамиль (Татарская АССР).

«Мне было всего десять лет, когда я увлекся шахматами. Все задачи твоего конкурса, Пешкин, я решил, только не присылал решения, как-то побаивался.

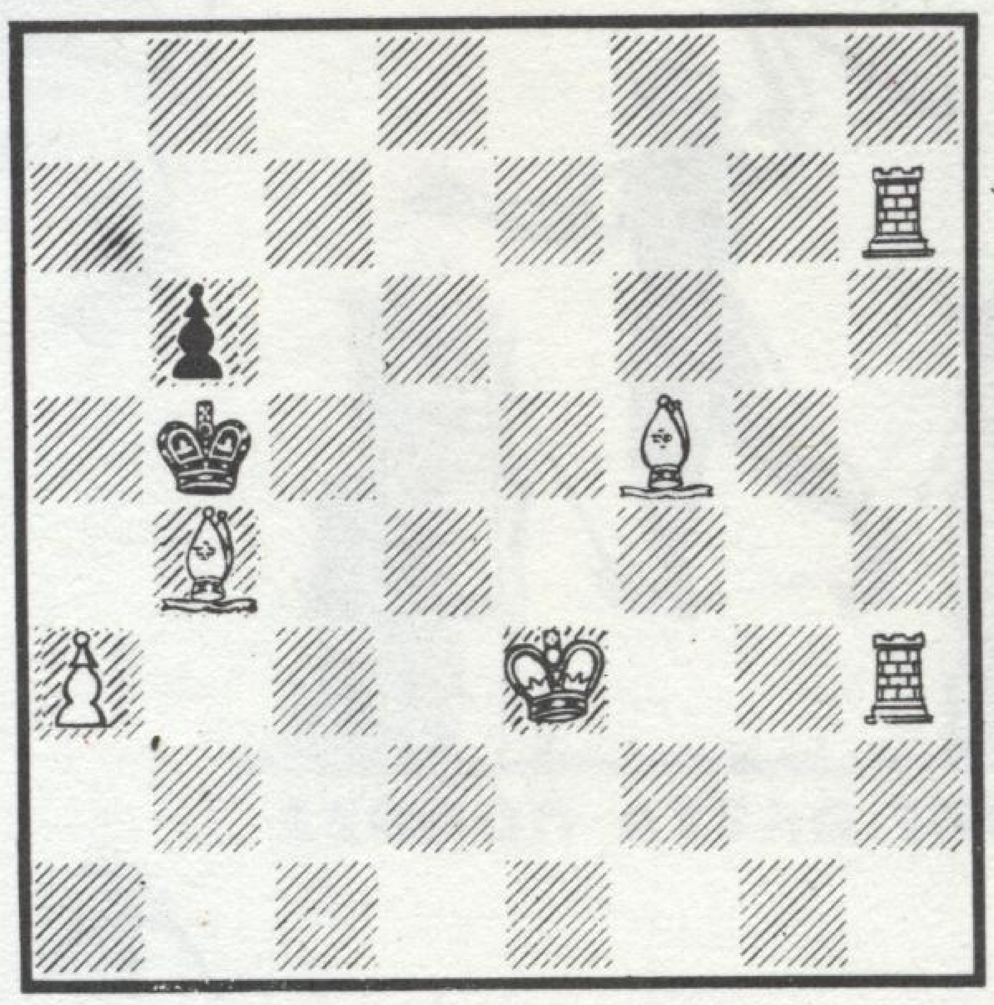
В нашей школе есть шахматный кружок, руководит им учитель физкультуры Анвар Касимович. Приезжал к нам гроссмейстер Васюков. Я тоже принимал участие в сеансе одновременной игры, но проиграл.

Стал я составлять шахматные задачи, ребятам они нравятся, скоро пришлю тебе, Пешкин, свои задачи».

Ну, что же, Булат, будем рады познакомиться с твоими произведениями. А вот решения конкурсных заданий ты напрасно не присылал: по итогам конкурса ты мог получить спортивный разряд.

Напоминаем всем ребятам, что условия заочного соревнования Пешкина напечатаны в январском номере «Пионера».

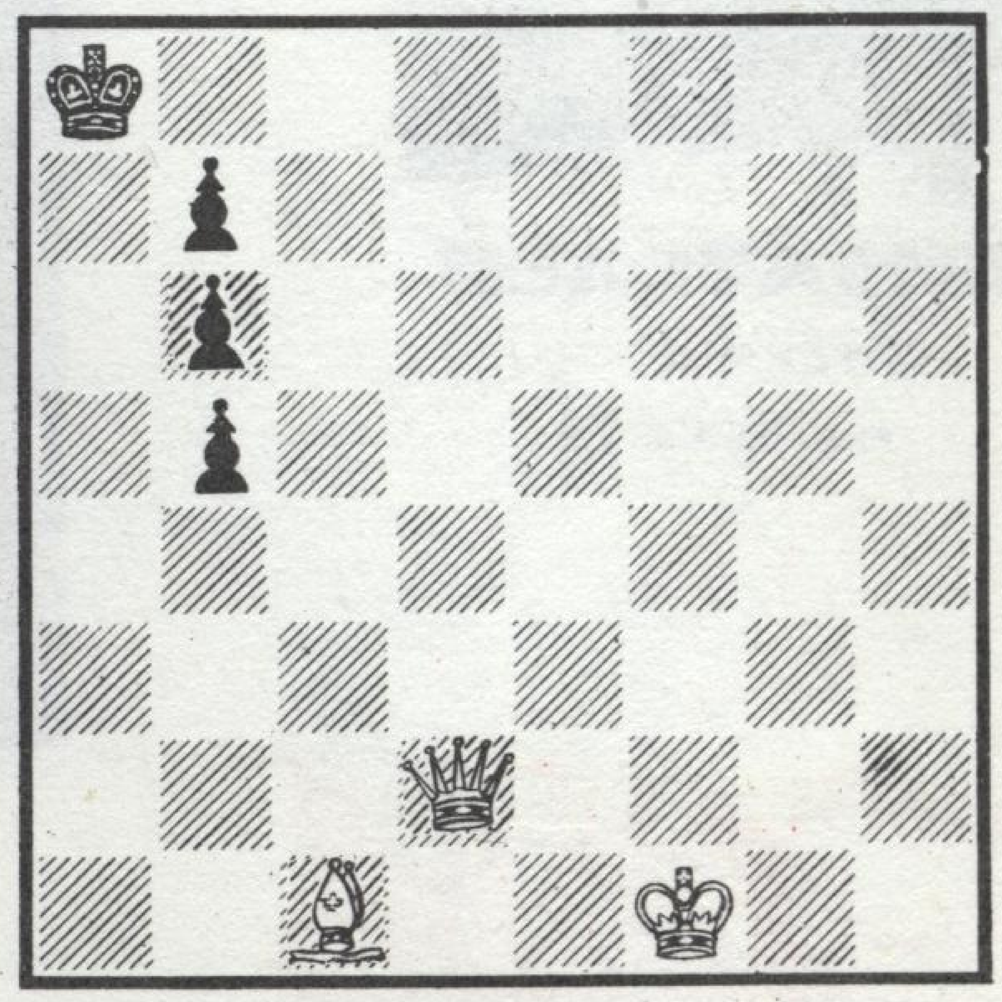
Конкурс Пешкина



На этой диаграмме вы видите задачу, составленную А. Шапошниковым (г. Горький). Начиная игру, белые дают мат в два хода.

Задача эта нетрудная, и Пешкин уверен, что вы, ребята, найдете в ней правильный путь к цели.

А вот следующая задача — «крепкий орешек». У белых громадный выбор продолжений, но только одно дает им возможность дать мат в три хода черному королю.



Эта трехходовка В. Гольцгаузена впервые была опубликована еще в 1913 году.

Пешкин ждет ваших писем, друзья!

Книголюбы, книгочеи

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата премии Ленинского комсомола.

Слова К. ИБРЯЕВА.

Есть на свете чудесное братство
Увлеченных, пытливых людей;
Им крылатое время подвластно,
Перед ними — сто тысяч путей.

ПРИПЕВ: Книголюбы, книгочеи —
Все немножко чародеи:
От хорошей, доброй книжки
Сердце бьется горячее. *(2 раза)*

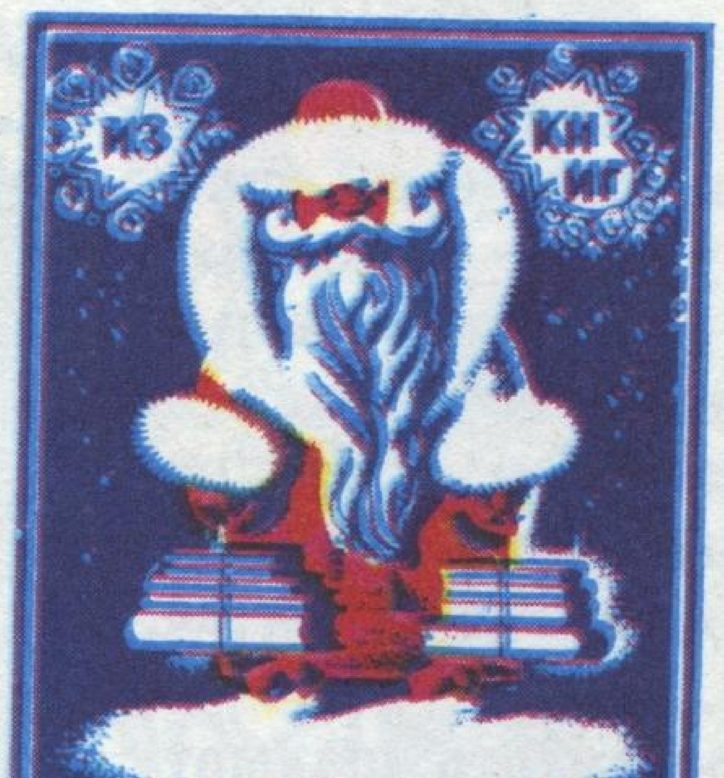
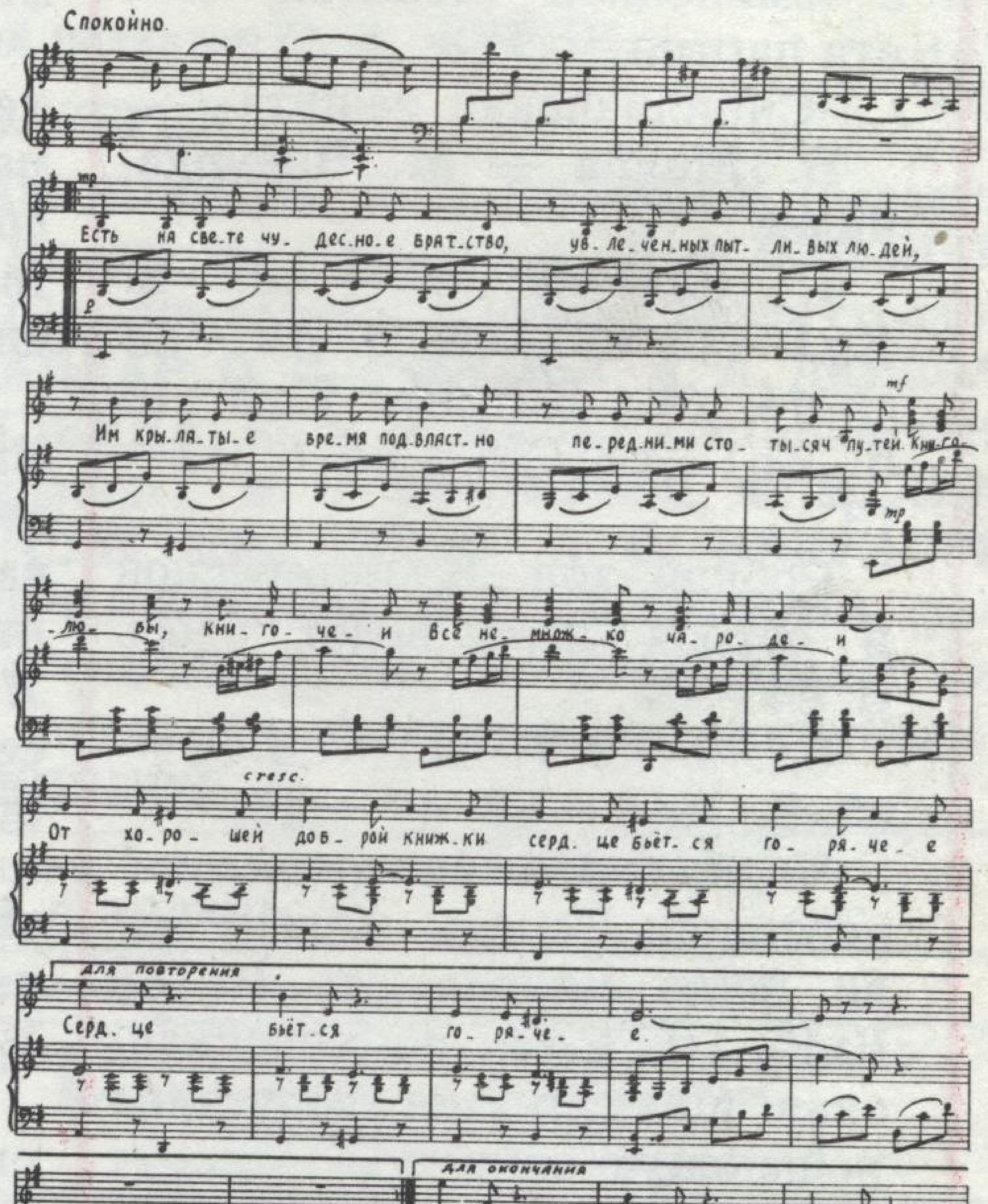
Дарят щедро читальные залы
Книголюбам свой строгий уют.
Как на сказочных светлых вокзалах,
Здесь в мечту им билет выдают.

ПРИПЕВ.

Дома, в школе, в дворцах или клубах,
Не нарушив заветную тишь,
Учат правде служить книголюбов
Дон-Кихот и Мальчиш-Кибальчиш.

Есть на свете чудесное братство
Увлеченных, пытливых ребят.
Им пространство и время подвластно,
И недаром про них говорят:

ПРИПЕВ: Книголюбы, книгочеи —
Все немножко чародеи:
От хорошей, доброй книжки
Сердце бьется горячее. *(2 раза)*



Ты прочитал на 4-й странице о том, что такое экслибрис. Посмотри теперь, какие они бывают.

Цена 25 коп. Индекс 70694.